

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2015

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Основан в январе 1995 г.
Выходит один раз в три месяца

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим
научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки),
10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – академик АН РТ **М.Х. Салахов**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**
Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
кандидат филологических наук **Г.М. Хасанова**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Ситдииков А.Г., доктор исторических наук (Казань),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хамидуллин Б.Л., кандидат исторических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 292-84-82
Ответ. секретарь – 292-15-64
E-mail: anrt@rambler.ru
(для редакции «НТ»)

Редактор **Г.М.Хасанова**
Технический редактор
Г.З. Вахитова
Переводчик **Б.Р.Ногманов**
Компьютерная верстка
В.В. Калинин

Подписано в печать 08.12.2015.
Формат 70x108 1/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.
Тираж 500 экз.
Заказ 11-15/18-2.

Отпечатано в типографии «Логос».
420108, г.Казань, ул.Портовая, 25а
Тел.: (843) 231-05-61, 231-08-71
Факс (843) 231-05-46
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2015
© Академия наук РТ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- 5 *Загидуллин И.К.* Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 года
- 33 *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* Термины Ак-Орда и Кок-Орда в письменных и устных источниках
- 43 *Соегов Мурадгелди.* Туркмены-командиры царской и «белой» армий: генерал Ораз-Сердар, сын Дыкма-Сердара
- 50 *Бурханов А.А.* Патриарх социоестественной истории (памяти академика РАЕН, профессора Э.С. Кульпина-Губайдуллина)
- 60 *Галлям Р.Г.* Первоначальная столица земли Казанской
- 68 *Егорушкин Ю.А., Мухамадеева Л.А.* Восстановление мемориального комплекса Тукай-Кырлай Татарской СРПМ
- 74 *Мухамадеева Л.А.* Отмена уроков религиозного вероисповедания в образовательных учреждениях
- 82 *Пилипчук Я.В.* Крымское ханство и Речь Посполитая в правление Сигизмунда III Ваза
- 103 *Черепанов М.В.* Как легионеры во вражеской форме спасли честь народа

ФИЛОЛОГИЯ

- 106 *Миннегулов Х.Ю.* О казахско-татарских литературных взаимосвязях и о Рымгали Нургалиеве
- 113 *Алишина Х.Ч.* Единственный в России специалист по древнеуйгурскому языку и его письменности
- 123 *Алмаз Джавад.* О языке сако-скифов
- 143 *Даминова Ф.К.* Зачем стал нужен Марджани жене казанского главы?

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 151 *Багаутдинов Ф.Н.* Свяжский «спрут»: дело банды Шакура-нокрада

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

- 172 *Коллектив авторов.* История татар

- 175 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

HISTORY

- 5 **Zagidulin I.K.** Crimean Tatars in the Muslims' Petition Campaign of 1905
- 33 **Sabitov Zh. M., Kushkumbaev A.K.** Terms of Aq-Horde and Kok-Horde in Written and Oral Sources
- 43 **Soegov Muradgeldi.** Turkmen Commanders of Tsar and "White" Armies: General Oraz-Serdar son of Dykma-Serdar
- 50 **Burkhanov A.A.** Patriarch of Social and Natural History (To the Memory of Prof. E.S. Kulpin-Gubaidullin – Fellow of Russian Academy of Natural Sciences)
- 60 **Gallyam R.G.** The First Capital of the Kazan Land
- 68 **Yegorushkin Yu.A., Mukhamadeeva L.A.** Restoration of the Tukai-Kyrlay Memorial Complex by Tatar SNRPM
- 74 **Mukhamadeeva L.A.** Cancellation of the Religious Worship Subjects in the Educational Institutions
- 82 **Pilipchuk Ya. V.** Crimean Khanate and Rzeczpospolita during the Reign of Sigismund III Vasa
- 103 **Cherepanov M.V.** How the Legionaries in the Enemy Uniform Saved the Honor of the People

PHILOLOGY

- 106 **Minnegulov Kh.Yu.** About Kazakh-Tatar Literary Relationships and about Rymgali Nurgaliev
- 113 **Alishina Kh.Ch.** Russia's Only Specialist on Ancient Uighur Language and Writing
- 123 **Almaz Dzhavad.** About the Language of Saka-Scythians
- 143 **Daminova F.K.** For what the Marjani was need to the Wife of Kazan Governor?

JURISPRUDENCE

- 151 **Bagautdinov F.N.** Sviyazhsk "Octopus": The Case of Shakur-Horse Thief Gang

NEW BOOKS. REVIEWS

- 172 **The group of authors.** The History of the Tatars

ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

175

УДК 930(091)

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В ПЕТИЦИОННОЙ КАМПАНИИ МУСУЛЬМАН 1905 ГОДА*

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Вместо предисловия

Первая российская революция, ставшая общенациональным событием и предзнаменованием глубоких социальных потрясений в империи, оказала огромное воздействие на самодержавие и российских подданных. Революционные выступления народных масс, демократизация общественной жизни в стране способствовали, с одной стороны, активизации и консолидации региональных лидеров, с другой стороны – изменению поведения сановников.

Самодержавие, осознающее необходимость перемен в государственно-церковных отношениях и корректировки принципов этноконфессиональной политики, наконец, первым сделало шаг навстречу чаяниям нерусского населения страны, стремясь предотвратить трансформацию существующего глухого недовольства, доносившегося из окраин и анклавов компактного расселения нерусских народов, в нечто большее и непредсказуемое. Русско-японская война 1904–1905 гг. сняла с глаз российских подданных пелену восхищения и веры в непобедимое могущество русского самодержавия, более того, она показала слабость Российского государства и политического строя.

В данной ситуации оказались востребованы новые тактические при-

емы, уловки, направленные на реабилитацию имперской власти в глазах подданных. Именным Высочайшим указом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г.¹, было заявлено о намерении власти провести широкие реформы в общественном устройстве России, в том числе в сфере государственно-церковных отношений с целью упразднения существующих «стеснений» российских подданных, принадлежащих к неправославным конфессиям (п. 6), а также пересмотра «действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи» (п. 7).

Этот законодательный акт может считаться отправной точкой для всех последующих событий общественной жизни тюркских народов России в период Первой русской революции. Предпринятые правительством первые шаги по реализации именного указа от 12 декабря 1904 г. укрепляли уверенность в воплощении их мечты о равноправной жизни и избавлении от статуса пасынков в России. Следующим шагом верховной власти, оказавшим огромное влияние на общественное настроение народных масс, стал именной высочайший указ «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмот-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-11-16003/15(а/р).

рения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» от 18 февраля 1905 г., предоставивший российским, «радеющим об общей пользе и нуждах государственных» «частным лицам и учреждениям» подавать петиции на имя императора «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Их рассмотрение возлагалось на Комитет министров². Указ был направлен на укрепление монархических иллюзий и доверия к императору – защитнику всех российских поданных, независимо от их вероисповедания и сословно-социальной принадлежности, и самодержавию в целом.

Важно отметить, что до этого времени в Российской империи по действующему законодательству петиционного права не существовало. Право коллективных ходатайств принадлежало только общественным и сословным собраниям, в пределах местных насущных проблем. Такое право распространялось на дворянские собрания и, отчасти, на собрания земств и городов. Причем, свои прошения государю могли адресовать исключительно дворянские собрания. «Никакое ходатайство («петиция») ... не должно было касаться государственного устройства, управления или интересов других сословий, быть выражением общественного мнения. Всегда все предложения, которые выходили за рамки местных и сословных интересов и касались общих государственных вопросов, считались противозаконными и их авторы зачастую привлекались к ответственности и наказанию»³.

Нужно признать, что в отношении нерусских поданных новый внутриполитический курс правительства оказался успешным. Инициатива правительства вызвала петиционную кампанию среди поляков, финнов, литовцев, тюркских и других народов империи. Она позволила в столь кризисное для имперской власти время отсечь от антиправительственных действий большинство нерусских поданных. Национальные элиты, с ликованием встретившие новые лозунги правительства, занялись своими проблемами и оказались вовлеченными в объявленный властью диалог. Конечно, свою роль сыграла сформированная в течение столетий всеми институтами власти вера в российского государя, как гаранта своих прав, и искреннее убеждение в том, что данное им обещание будет непременно выполнено. Возможно, в революционной ситуации, когда в одночасье рушились вековые устои, многим хотелось верить в некое чудо.

Общенациональными событиями жизни российского общества стали такие законодательные акты, как манифест от 17 апреля об укреплении начал веротерпимости, манифест от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной Думы», манифест от 17 октября о демократических свободах. Они означали точки невозврата для российского общества. Именно этими законодательными актами, по сути, были определены границы расширения прав нерусского населения.

В то же время, уже в 1905 г. намечались новые нотки в риторике власти. Согласно манифесту от 6 августа 1905 г., впредь все новые законы должны были предварительно рассматриваться и утверждаться в Государственной думе. При этом российским поданным запрещалось командировать в Государственную думу депутации, а также «предостав-

лять словесные и письменные заявления и просьбы», что, по сути, означало аннулирование императорского указа от 18 февраля 1905 г. о свободной подаче петиций. Таким образом, период с 18 февраля по 6 августа 1905 г. был временем официального диалога власти и законопослушных подданных. С 6 августа 1905 г. наметился пересмотр самодержавной властью принципов взаимоотношения с подданными. Права, состояние безусловного доверия к власти у либералов сохранялось еще несколько месяцев, а именно – до разгона депутатов 1-го созыва Государственной думы.

То, что казалось в конце 1904 г. – начале 1905 г. безусловно необходимым, после спада революции теми же чиновниками стало восприниматься как проявление слабости власти. С позиций начала XXI в. можно утверждать, что указы от 12 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. имитировали намерение самодержавия установить диалог со своими подданными на предмет проведения ревизии и упразднения ранее принятых законов, ущемляющих конфессиональные и национальные чувства и права нерусского населения и раскольников, и разработки новых, справедливых законов, основанных на равноправии.

Атмосферу, охватившую мусульман в период петиционной кампании, особенной весной 1905 г., на которую пришелся ее пик, можно назвать временем пробуждения от спячки тюркских народов империи, временем мечтаний. Указы от 14 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. сыграли важную роль на начальном этапе общественного движения мусульманских народов, раскрепостив все группы национальных элит. Впервые, не опасаясь за последствия, проводились собрания и дискуссии; составлялись тексты петиций о своих нуждах, которые, по указанию правительства (!), следовало

подавать в Комитет министров. Через русскую периодическую печать национальные элиты знакомились с основными требованиями поляков, финнов, литовцев и других народов России.

В адрес председателя Комитета министров поступило более 500 прошений от представителей тюркских народов. Поэтому тема петиционной кампании заслуживает несомненного внимания для понимания сути общественно-политического движения мусульманских народов России в 1905–1907 гг.

Дисперсно расселенные мусульмане округа Оренбургского магометанского духовного собрания (Центральная Россия, Волго-Уральский регион и Западная Сибирь) подавали ходатайства, как правило, от имени городских и сельских общин; различных сословно-социальных групп (крестьяне, духовенство, казаки, башкиры и т.д.). В итоге петиции мусульман региона запечатлели самый широкий диапазон общественных настроений и одновременно чаяния различных сословных и этносословных групп населения.

На российских окраинах проявилась другая модель петиционной кампании, а именно – консолидированная подача ходатайства от имени мусульман всего края, губернии. Важно отметить, что она стала формой консолидации по этноконфессиональному признаку, если учесть, что мусульмане на окраинах проживали компактно и русская колонизация региона не привела к трансформации этнической топографии, как это произошло в Волго-Уральском регионе. Происходила, прежде всего, консолидация торгово-промышленных кругов, дворян и национальной интеллигенции, которые были озабочены судьбой своих единоверцев. В плане составления текстов петиций на этапе обсуждения многие нюансы, различные мнения участни-

ков подвергались нивелировке, коллективное прошение являлось итогом компромисса, достигнутого путем голосования.

Второй важный момент – позволяя такие собрания, власти, сами того не ведая, разрешили публичные мероприятия и создали легальные условия для обсуждения национальных проблем региональными лидерами и уполномоченными. Они закрутили маховик нескончаемых обсуждений – высказанные на этих собраниях идеи находили отклик среди населения, приводили к качественно новым помыслам; обсуждение национальных и социальных проблем продолжалось на различных площадках.

В-третьих, эти собрания представителей региональных элит выявляли у участников различное понимание нужд и первостепенных проблем единоверцев, разные подходы к их решению, более того, эти собрания стали площадкой для полемики, позволили самоутвердиться действующим общественным лидерам и заявить о себе молодежи, тем самым дав новый импульс общественному движению в регионах.

В-четвертых, выехавшие из регионов в столицу депутаты возвращались на родину, окрыленные радужными обещаниями премьер-министра С.Ю.Витте и других высокопоставленных чиновников, любезно принявших и выслушавших их нужды, личная передача ходатайства из рук в руки воспринималась депутатами и как некий гарант неременного исполнения их просьб. Такое внимание и учтивость представителей правительственной власти вызывало чувство национального достоинства и уверенность в завтрашнем дне.

В-пятых, царившая в столице атмосфера пробуждения и демократии, общение с представителями разных этноконфессиональных групп, разго-

воры о предстоящем политическом переустройстве России способствовали политизации взглядов их членов, порой приводили к составлению новых петиций, используя право доверенных лиц.

В-шестых, обсуждая в столице по инициативе татар г. Казани совместные действия по консолидации мусульман России, представители элит пришли к общему решению о проведении всероссийского съезда мусульман во время Нижегородской ярмарки сезона 1905 г. В этом смысле петиционная кампания и поездка депутатов в Санкт-Петербург явились важнейшим этапом в общественно-политической консолидации мусульманских народов. Именно в этом ключе следует рассматривать участие крымских татар в петиционной кампании мусульман 1905 г.

Эта тема привлекла внимание крымских ученых. В 1996 г. В.Ю. Ганкевич, известный исследователь жизни и деятельности просветителя и общественного деятеля И. Гаспринского и системы образования крымских татар, на основании материалов газеты «Тарджеман» (Переводчик) написал статью о поездке крымско-татарской депутации в Санкт-Петербург в мае 1905 г.⁴

Более подробно о подготовке текста петиции и поездке крымско-татарской депутации изложено в разделе «Начало либерально-политического движения крымских татар» совместной монографии В.Ю. Ганкевича и С.П. Шендриковой, изданной в 2008 г.⁵ Анализу текста петиции посвящена совместная статья И.А. Богдановича и С.П. Шендриковой «Общественно-политическое движение мусульман Российской империи. Газета «Тарджиман» как источник по истории возникновения общественно-политического движения мусульман Российской империи»⁶.

Изучение этого важного общественно-политического явления в истории крымско-татарского народа через призму всероссийской петиционной кампании мусульман и процесса консолидации региональных лидеров тюркских народов в 1905 г., апогеем которой стал 1-й Всероссийский съезд мусульман в Нижнем Новгороде, а также введение в научный оборот новых источников, прежде всего, текста петиции, поданной премьер-министру С.Ю.Витте, позволили нам сделать ряд замечаний новаторского характера, проанализировать причинно-следственные связи просьб мусульман Крымского полуострова, определить динамику развития либерального движения в этом регионе в очень насыщенный событиями исторический отрезок времени.

***«Общая петиция» мусульман
Крымского полуострова
от 7 апреля 1905 г.***

Важную роль в организации петиционной кампании среди тюркских народов сыграла газета «Тарджеман» (Переводчик), издававшаяся в г. Бахчисарае И. Гаспринским. Благодаря публикациям русскоязычных газет, сообщений корреспондентов и личной переписке с региональными лидерами Исмаил Гаспринский был в курсе важнейших событий, происходивших в мусульманском сообществе России. Региональные лидеры – его единомышленники и друзья – присылали ему копии текстов поданных правительству петиций, которые он, публикуя в своей газете, делал достойным широкой общественности и тем самым способствовал расширению географии петиционной кампании. В частности, в «Тарджемане» были опубликованы: подробный текст «докладной записки» татар г. Казани о даровании мусульманам политических и гражданских свобод (от 28 ян-

варя 1905 г.) (из газеты «Каспий»)⁷, сообщение о принятии 1 марта 1905 г. казанской депутации премьер-министром и другими высокопоставленными имперскими чиновниками (из газеты «Новое время»)⁸, информация о приезде 9 марта в Санкт-Петербург представителей мусульман г. Москвы для вручения докладной записки о духовно-религиозных и гражданских нуждах премьер-министру С.Ю.Витте, министру внутренних дел А.Г.Булыгину, председателю комиссии по делам печати Д.Ф.Кобеко⁹ с публикацией ее сокращенного текста, информация о проведенном 15 марта в Баку в квартире промышленника и мецената Тагиева совещания о подаче петиции о нуждах мусульман и о составе избранной депутации бакинских мусульман¹⁰, текст петиции оренбургского муфтия М.Султанова, переданной в Комитет министров (из газеты «Русь») и т.д.¹¹. Более того, И.Гаспринский первым проанализировал поступившие ему 10 петиций от мусульман различных регионов¹².

С целью пропаганды всеобщего характера петиционной кампании в поликонфессиональной России в газете также публиковались сообщения о подаче еврейскими общинами многих городов ходатайств и телеграмм с жалобами на «стесненность до невозможности» своего правового положения и с просьбой об уравнении их прав с остальными народностями страны¹³, о получении Комиссией министра внутренних дел А.Г.Булыгина более 300 прошений о намерении российских подданных принять участие в работе совещания по исполнению предписаний, обозначенных в высочайшем рескрипте от 18 февраля 1905 г.¹⁴ и т.д. В «Тарджемане» было опубликовано краткое содержание Положения Комитета министров от 22 февраля и 1 марта 1905 г.¹⁵, согласно которому детальная разработка

справедливых законопроектов поручалась Особому совещанию и т.д.

Публикации редакции газеты «Тарджеман» о петиционном движении имели еще один скрытый смысл, а именно – моральную и психологическую подготовку различных слоев крымско-татарского населения, прежде всего элиту в лице мурз и духовенства, к вовлечению в мусульманское общественное движение.

Газета «Тарджеман» 18 марта 1905 г. (№ 21) сообщила о решении Бахчисарайских мусульман обратиться с верноподданническим адресом и выразить императору благодарность за все милостивейшее повеление относительно начисления новобранцев в полки, квартирующие в пределах Крыма, а также «войти в Комитет министров с запиской о нуждах в пользу мусульман». Значит, инициатива о подаче петиции исходила от И. Гаспринского.

Особенностью подготовительного этапа составления петиции в Таврической губернии явилось сосредоточение всех организационных вопросов в руках исполняющего обязанности таврического муфтия Адилы мурзы Карашайского. Этому способствовал не только высокий статус А. Карашайского, его связи с представителями элит, но и проведение собраний в губернском административном центре.

Первое собрание уполномоченных общин городов полуострова состоялось 24 марта 1905 года в г. Симферополе под председательством А. Карашайского. На повестке собрания значилось обсуждение текста всеподданнейшего адреса с благодарностью крымских татар за императорский указ от 5 февраля 1905 г., согласно которому разрешалось зачислять местных новобранцев, остающихся сверх пополнения Крымско-татарского дивизиона, в войсковые части,

расположенные в Таврической губернии, а не в других регионах страны. Участники собрания также избрали комиссию для составления петиции о нуждах крымских татар¹⁶.

Как известно, распространение на мусульман Таврической губернии в 1874 г. всеобщей воинской повинности первоначально вызвало миграцию в Османское государство. Для прекращения эмиграции и некоторой адаптации новобранцев полуострова к службе в российской армии Военное министерство, исходя из того, что с тысячи душ мужского пола крымских татар при шестилетней службе будет призываться 330 чел., учредило на полуострове эскадрон (150 всадников) для детей состоятельных крымских мусульман, приходивших служить со своим конем и конским обмундированием.

В эскадроне они содержались до десяти месяцев. В последующие два года собирались для занятий при эскадроне на три летних месяца, затем зачислялись на 12 лет в запас. Остальные безлошадные, главным образом, сыновья бедняков, исполняли воинскую повинность в регулярных частях. По мере естественного роста крымско-татарского населения, все больше новобранцев рекрутировалось на службу в регулярные полки, что вызвало социальное напряжение среди мусульман¹⁷. Поэтому данное решение императора было воспринято мусульманами Крымского полуострова с чувством глубокой благодарности.

7 апреля в г. Симферополе, в квартире А. Карашайского под его председательством состоялось собрание представителей крымско-татарских обществ городов и уездов полуострова¹⁸. «Следуя августейшему указанию и примеру других верноподданных народностей и общин, и руководствуясь своими религиозными и бытовыми нуждами, собрание решило предо-

ставить на благоусмотрение Комитета министров и других подлежащих учреждений» сведения о своих пожеланиях и нуждах¹⁹.

По мнению И.А.Богдановича и С.П.Шендриковой, принятое на этом мероприятии «Постановление собрания мусульман Крымского полуострова» являлось отражением национально-либеральной идеологии, присущей общественной элите крымско-татарского народа. Оно состояло из 17 пунктов и касалось вопросов религиозного, нравственного, ритуального, просветительского характера. Наиболее радикальные требования не выходили за рамки, обозначенные в существовавших законах²⁰.

Сразу нужно отметить, что текст петиции был составлен с намерением наиболее полно отразить нужды мусульман Таврической губернии, поэтому «общемусульманские проблемы» не стали объектом специального рассмотрения. Тем не менее, ее первые два пункта касаются общегражданских прав мусульман. Второй пункт носит декларативный характер и сводится к просьбе распространить на мусульман одинаковые права с русскими (п. 2). В первом пункте обращается внимание на необходимость предоставления мусульманам возможности реализовать недавно дарованное императором право свободного выбора представителей и свободу печати.

Некоторые из поднятых крымскими татарами вопросы также можно идентифицировать как «общемусульманские». В эту группу относится просьба о предоставлении мусульманам права усыновлять подкинутых в своих селениях младенцев (читай: отменить исключительное преимущество православных на усыновление подкидышей-младенцев, независимо от того, где они обнаружены. – И.З.) (п. 8). Собрание также постанови-

ло просить о введении правила приглашать в военные и гражданские учебные заведения вероучителя мусульманского закона, в случае обучения в них 8–10 учащихся мусульман (п. 9), и в случае перехода мусульманина в христианство исключать его из семейного списка, по которому определяется льгота по семейному положению (п.10).

Оба пункта постановления по «военной тематике» непосредственно касаются крымских татар, однако аналогичные проблемы имелись и у мусульман Волго-Уральского региона, исполнявших всеобщую воинскую повинность. После эйфории, связанной с предоставленной возможностью для их сыновей служить у себя на Крымском полуострове, с учетом закрытого характера и строгого внутреннего распорядка в войсковых частях, родители были озабочены соблюдением религиозных прав сыновей и просили об обеспечении новобранцев-мусульман отдельным котлом, ввиду известных религиозных ограничений (п. 15). Собрание также высказалось за освобождение от воинской повинности мусульманского духовенства и предоставление учащимся высших медресе льготы (на три года) от призыва в армию, т.е. уравнивание их прав с учащимися русских учебных заведений, которые получали отсрочку на период обучения (п. 7). Основанием для получения льготы указывалась успешная сдача экзамена в Духовном правлении.

Остальные пункты постановления собрания носят региональный, «местный» характер и посвящены нуждам мусульман полуострова²¹.

На наш взгляд, радикальной является инициатива упразднения существующей с 1885 г. «Особой комиссии о вакуфах» и учреждения вместо нее при ТМДП «вакуфного отделения» в составе двух членов, избираемых на

пять лет всем мусульманским населением полуострова. Для ревизии и контроля за деятельностью «вакуфного отделения» и для фактического контроля по уездам рекомендовалось избрать 12 членов сроком на пять лет.

Остановимся на этой проблеме подробнее.

Во второй половине XIX в. вакуфный вопрос на полуострове актуализировался после новой волны массовой эмиграции местного населения в Османское государство в 1860 г. Земли уехавших крымских татар и упраздненных мечетей самовольно захватывались местными жителями и новыми переселенцами. В результате правительство стало делить духовные вакуфы на две категории: вакуфы упраздненных мечетей и вакуфы действующих мусульманских учреждений. «Частные вакуфы в результате крымско-татарского переселения в массовом порядке стали продаваться в частную собственность, что также было неправомерно, как с точки зрения российских законов, так и мусульманской традиции»²². Правительство вновь обратило внимание на этот вопрос в 1874 г., с началом новой волны миграционного движения. Князь С.М. Воронцов, командированный императором в 1874 г. на Крымский полуостров для изучения данной проблемы, заявил, что вакуфный вопрос является одним из ключевых в решении проблемы крымско-татарской эмиграции: для крымских татар вакуфы были не просто частью имущества, а продолжали оставаться своеобразным религиозным символом, индикатором соблюдения их прав и традиций со стороны имперской власти²³.

Духовное правление по разным причинам не могло установить контроль за вакуфами. К тому же, сдача земель в аренду происходила беспорядочно и за мизерную цену. За вакуф-

ными именьями накопились большие недоимки, происходило их хищение. Муфтий и члены ТМДП, обвиненные правительством в злоупотреблениях своим положением в этой сфере, были привлечены к уголовной ответственности. В результате контроль над частными вакуфами в 1874 г. был передан местной Палате государственных имуществ, обязанной действовать в их отношении на основании закона о выморочных именьях. Частные вакуфы потеряли всякую связь с началами мусульманского права: исчезло право духовных или благотворительных учреждений на часть доходов, на отчуждаемость частных вакуфов. Институт частных вакуфов превратился в аналогичное заповедным именьям фамильное имущество. В начале 1880-х гг. обнаружилось новое нарушение со стороны религиозного органа. Ответной мерой правительства стало учреждение в 1885 г. «Особой комиссии о вакуфах». В ее составе были представители Министерства внутренних дел, местных губернского и духовного правлений. В действительности решения Комиссии не доводились до муфтия, вследствие чего ТМДП оставалось в затруднительном положении при разбирательстве жалоб духовных лиц²⁴.

Деятельность «Особой комиссии о вакуфах» активизировалась после отставки ее первого председателя – генерал-майора Султана Хаджи Губайдуллы Джангир-оглы Чингиз-хана. Сменивший его князь Ф.С. Голицын в 1889–1893 гг. в основном смог справиться с поставленными задачами²⁵.

Таким образом, в целях решения социально-экономических проблем, проведения земельной ревизии, желая добиться прозрачности в использовании вакуфных средств, государство, осознав неэффективность действий ТМДП в сфере вакуфного имущества, подчинило правительственным

учреждениям сначала частные, затем и духовные вакуфы, распространяя на систему их управления и аренды законодательные акты о казенных угодьях. Вакуфы упраздненных мечетей предназначались исключительно для удовлетворения религиозных потребностей крымских татар на территории Таврической губернии²⁶.

Самым радикальным предложением исследователи считают предложение наделить безземельное население Крыма землей, привлечь Крестьянский банк для выдачи безземельным татарам кредитов, а в горной части Крыма разрешить в пользу коренного населения вопрос о «приписных» лесных дачах, дабы оно не было лишено права пользования своими лесами в пределах лесоохранительного закона (п. 16).

Во всеподданнейшем отчете за 1893 г. таврический губернатор в качестве причины начавшейся в этом году эмиграции крымско-татарского населения Бахчисарая и других уездов, лиц состоятельных, имеющих недвижимость и свое «дело», указывал следующие слухи: при поступлении на военную службу будут принуждать принимать крещение и употреблять в пищу свинину, будет запрещено совершение паломничества, планируется переселить всех крымских татар в Сибирь для строительства Сибирской железной дороги²⁷.

Комитет министров тогда оперативно решил одну из главных проблем, вызывавших опасение крымско-татарского населения: высочайшим повелением от 21 декабря 1893 г. было заявлено о сохранении на будущее время Крымского дивизиона, о распределении новобранцев из крымских татар в полки 14 и 31 пехотных дивизий, расположенных в Новороссийском крае, что в определенной степени сняло напряжение среди местного населения. Другой важной причиной дискомфорта

его существования крымских татар на исторической родине являлась острота земельного вопроса, искусственно созданного властями благодаря целенаправленной русской колонизации, необеспеченность 23 тыс. крымско-татарских хлебопашцев земельными наделами. Часть из них правительство переселило на вакуфные земли, другая часть, так называемые десятичники, были вынуждены арендовать участки у частных землевладельцев, которые сгоняли их с обжитых земель и лишали возможности оседлого существования, а часть татар, не имеющая земли, была превращена в «бродящее население». В этой связи Комитет министров вынужден был принять высочайше утвержденные 5 февраля 1891 г. «Временные правила» сроком на три года, до издания закона об управлении вакуфными землями: запрещалось принудительное выселение крымских татар с обжитых вакуфных земель, а также облегчалась сдача в аренду упраздненных участков, вследствие переселений прихожан, земель мечетей²⁸.

Во всеподданнейшем отчете таврического губернатора о состоянии губернии за 1897 г. констатировалось, что для обеспечения безземельных крымских татар начиная с 1896 г., в виде опыта, было отдано более 5000 дес. вакуфной земли в аренду на 3 года, с правом продления на 12 лет. Арендная плата составляла от 1,5 до 3 руб. за десятину, что являлось очень выгодным условием. Согласно сведениям Д.В.Конкина, данный процесс продолжался вплоть до падения самодержавия в 1917 г.²⁹

Как видно, теперь собрание мусульман ставило перед председателем Комитета министров вопрос о расселении безземельных крымских татар на поступивших в казну по выморочному праву «землях татар», а не распродавать их русским и дру-

гим переселенцам, а также о передаче приписных лесных дач в горной части Крыма в пользование их собственникам по «лесоохранительному закону».

Одним из аспектов притеснения своих религиозных прав, как и их единоверцы Волго-Уральского региона, крымско-татарские общественные деятели считали отсутствие реформы системы управления духовными делами единоверцев. Собрание крымских татар выдвинуло целую программу по расширению компетенции ТМДП. Рассмотрим ее более подробно.

Речь шла о сосредоточении исключительно в руках ТМДП всех вопросов, связанных с постройкой, ремонтом и реконструкцией зданий мечетей, текий и учебных заведений, оно должна было «также руководить и наблюдать за жизнью и деятельностью этих учреждений» (п. 3). Такая общая формулировка означала отстранение губернского правления от решения вопросов мечетестроительства и укрепление религиозно-культурной автономии крымских татар.

В Таврической губернии (Одесский учебный округ) мектебе и медресе не были подчинены ведению Министерства народного просвещения, как это случилось в 1874 г. в Оренбургском и Казанском учебных округах. По действующему законодательству ТМДП должно было, наряду с мечетями, духовенством, курировать и мусульманские учебные заведения при мечетях³⁰. Тем не менее, собрание посчитало необходимым еще раз закрепить это положение, стремясь не оставить место различным разговорам и инициативам губернских чиновников по установлению правительственного контроля над учебными заведениями мусульман полуострова. Было заявлено, «чтобы всякого рода элементарные школы и мектебе или общего или профессионального характера могли быть открываемы общинами и

частными лицами явочным порядком, с правом преподавания начальных знаний на родном языке учащихся» (п. 4).

Уполномоченные крымско-татарских обществ также стремились изменить статью 1346 устава «Об управлении духовных дел магометан», согласно которой мусульмане, недовольные решением по шариату дел по завещаниям или при разделах имущества, могли обращаться в имперские суды³¹. Поэтому просили, «чтобы брачные, семейные и наследственные дела и споры мусульман, решаемые духовным правлением, приводились им в исполнение в правах судебного учреждения» (п.5).

Из-за наследственного принципа определения на мусульманские духовные должности в Таврической губернии, в нем принимало участие два института: прихожане, которые выбирали и выдвигали свою кандидатуру, и губернное правление, которое утверждало кандидата в должности. По закону при определении на звания хатиба, имама, муллы и мударриса требовалось согласие ТМДП, в действительности его участие в данной процедуре ограничивалось наблюдением за «действительной надобностью» для прихода духовного лица, за соблюдением возрастного ценза для кандидатов на духовные звания, установленного российским законодательством, и гарантией благонадежности кандидата³².

Сохранив прежний порядок избрания приходского духовенства (имамов, хатибов, муадзинов) и учителей начальных мектебе (годжей) за местным приходским обществом, собрание крымских татар настаивало на том, чтобы вопросы назначения, временного устранения и увольнения духовных лиц полностью сосредоточились в компетенции ТМДП и были изъяты из ведения губернского

правления. Речь шла о проведении экзаменов для кандидатов на духовные должности и затем их утверждения, в случае, если нет препятствий общегражданского характера (п. 6). Предлагалось также выборы кандидата на духовную должность мударриса (преподавателя высшей школы) в городах проводить всеми приходами, а в сельской местности мусульманами волости, в которой находится медресе (п. 12).

Существенным новшеством в общественной жизни крымско-татарского сообщества является рекомендация собрания ввести правило, согласно которому все приходские должности, а также должности кадия, мударриса и муфтия через соответствующие выборы будут иметь право занимать «все достойные и ученые люди без различия сословий и без ограничения в пользовании доходами с вакуфных имуществ по принадлежности с правами приходского духовного лица» (п. 13).

Следует отметить, что таврический губернатор В.Ф.Трепов 3 декабря 1903 г. обращался к директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий об изменении закона и разрешении допуска на духовные должности лиц также и не из семей духовенства. Губернатор стремился подвести под правовую основу практику определения местным губернским правлением на духовные должности крымских татар, не являвшихся по происхождению детьми лиц духовного звания. Таковых в 1904 г среди духовенства насчитывалось 11% (96 из 863 духовных лиц)³³.

Радикальным новшеством представляется ограничение пунктом 11 постановления собрания срока службы членов ТМДП пятью годами (при этом не оговаривалось, что они при желании могут быть повторно избран-

ными). Предполагалось также кардинально обновить систему их выборов, сделав их всеобщими.

В Крыму должности (и звания), кроме должностей муфтия и кади-эскера, согласно сложившейся традиции, передавались по наследству. Собрание постановило предоставить всем мусульманам право занимать духовные должности.

В Крыму существовала довольно сложная система выборов муфтия, в которых имели право участвовать высшее духовенство (кади-эскер и уездные кадии), старшие из приходских чинов (хатибы, имамы и муллы губернского и уездных городов), мурзы, главы волостей или по одному депутату из каждой волости, впервые такие выборы состоялись в 1806 г.³⁴

Порядок выборов уездных кадиев установился в 1831 г., а именно: кандидаты из числа приходского духовенства на эту должность выдвигались муфтием, кади-эскером и служащими в Симферополе кадиями. После согласования списка кандидатов с губернатором последний объявлял о созыве собрания избирателей в уездном городе. В избрании пяти уездных кадиев, заседающих в ТМДП, принимали участие духовные лица, мурзы во главе с уездным предводителем дворянства, а также волостные головы или, вместо них, по одному депутату от поселян каждой «магометанской волости» данного уезда³⁵. Тайное голосование считалось состоявшимся независимо от количества принимавших участие в выборах избирателей. По итогам выборов губернатор представлял в ДДДИИ список кандидатов с характеристикой каждого из них, затем Министерство внутренних дел (МВД) представляло одного из них на утверждение Сенату. С 1904 г. уездных кадиев стал утверждать лично таврический губернатор³⁶.

Как известно, по закону от 9 января 1890 г. все три заседателя Оренбургского магометанского духовного собрания, ранее избравшиеся муллами Казанской губернии из своей среды, стали по очереди утверждаться по рекомендации оренбургского муфтия министром внутренних дел, а оренбургский муфтий назначаться по представлению министра внутренних дел императором, хотя до этого времени в законах декларировалось положение о выборе муфтия мусульманским обществом³⁷.

Вскоре произошли изменения и в порядке выборов таврического муфтия и кади-эскера, точнее, их не стало высочайше утвержденным мнением Государственного совета «О порядке замещения таврических муфтия и кади-эскера» от 27 мая 1891 г.³⁸ Отныне таврический муфтий и кади-эскер избирались министром внутренних дел из числа мусульман духовного звания или дворян, не имеющих духовного звания, и утверждались императором. В результате на должность муфтия и кади-эскера стали назначаться представители родовитого крымско-татарского дворянства, имеющие светское образование, а отнюдь не религиозное, в результате таврические муфтии превратились в хороших администраторов³⁹.

В п. 11 постановления собрания, по сути, речь шла об отмене закона от 27 мая 1891 г. и введении выборов таврического муфтия, кади-эскера и уездных кадиев всем мусульманским сообществом полуострова – с участием представителей всех сословий.

Таким образом, принятая 7 апреля на собрании уполномоченных крымско-татарских общин петиция представляла собой итоговый документ обсуждения разработанной комиссией проекта ходатайства и затрагивала многие стороны жизни мусульман полуострова.

Крымско-татарская депутация в Санкт-Петербурге

Для передачи ходатайства в Петербург «и для дачи, где понадобятся дополнительные сведения» собрание крымских татар 7 апреля избрало депутацию в составе 9 человек: статского советника и.д. Таврического муфтия Адила мурзы Карашайского, Симферопольского уездного кадия Умара эфендия, бахчисарайского имама Аджи Эмира эфендия, председателя Симферопольской земской управы, представителя древнего крымско-татарского мурзинского рода Мустафы мурзы Кипчакского⁴⁰, Бахчисайского городского головы Мустафы мурзы Давидовича⁴¹, полковника гвардии и мецената Исмаила мурзы Муфтий-Заде⁴², редактора газеты «Тарджеман» Исмаила мурзы Гаспринского⁴³, кандидата права Мемета Аги Бекирова и Сулеймана аджи⁴⁴.

Выезд крымско-татарской депутации в столицу только спустя месяцы склонны объяснять, прежде всего, существенным обновлением ее состава. В столицу выехала депутация из 10 человек (полковник Муфтий-Заде, И.Гаспринский, М.Давидович, М.Кипчакский, Булгаков, Бекиров, аджи Эмир эфендий, Асан эфендий, аджи Эннан, Асан Головы и Сулейман аджи)⁴⁵. Как видно, из списка выпал муфтий А.Карашайский, который, сославшись на болезнь, воздержался от поездки. Не поехало и «третье лицо» после кади-эскера в ТМДП – Симферопольский уездный кадий Умар эфендий. Таким образом, одним из важных итогов петиционной кампании на полуострове явилась смена руководителя крымско-татарской депутации – ее возглавил И.Гаспринский. Перед отъездом депутация была принята таврическим губернатором В.Ф.Греповым⁴⁶.

Крымских татар на Курском вокзале встретил имам г. Харькова Тугеев.

В Москве теплый прием прибывшим единоверцам оказал Мухаммадзагид Шамиль, который являлся членом депутации татар г. Москвы и в ее составе был на аудиенции у С.Ю.Витте⁴⁷. До конца марта 1905 г. Мухаммадзагид Шамиль находился в столице, встречался со многими региональными общественными деятелями, играл роль своеобразного посредника, устраивая знакомства и встречи прибывшим в Санкт-Петербург членам депутатий различных регионов⁴⁸. От него крымцы узнали последние новости о происходивших в столице делах, о настроении и миссиях депутатий мусульман России⁴⁹.

Нужно сказать, что в марте, апреле и мае высокопоставленные чиновники, руководители ведомств были вынуждены, отрываясь от своих прямых обязанностей, любезно принимать делегации различных народов и регионов страны. Сановники встречали их радужно и давали всем депутатиям примерно одинаковые обещания о непременно рассмотрении и решении (!) поднятых ими проблем. В условиях разгорающейся революции такой диалог нужен был для того, чтобы отвлечь нерусские народы от революционных действий. Если шире смотреть на проблему, сановники, встречаясь с депутатиями и давая им обильные обещания, решали важную государственную задачу – успокоить мусульман, дав им надежду на завтрашнее счастливое будущее.

Крымско-татарская депутация 12 мая подала прошение председателю Комитета министров о разрешении представиться для передачи полученного от «народного собрания» ходатайства⁵⁰, и 16 мая была принята самим С.Ю.Витте. Во время встречи бахчисарайский имам Эмир эфендий произнес приветственную речь. В ответ С.Ю.Витте обещал, что в ближайшее время к управлению страной

будут активно привлекаться мусульмане, а учреждаемая особая комиссия выработает правовую основу для решения проблем крымских татар в сфере управления духовными делами мусульман. 18 мая депутация была принята министром народного просвещения В.Г.Глазковым⁵¹, 19 мая – министром внутренних дел А.Г.Булыгиным (участвовали 8 членов депутатии) и военным министром В.В.Сахаровым, а также председателем комиссии по печати Д.Ф.Кобеко, который дал И.Гаспринскому интервью. Каждому из сановников, исходя из его компетенции, депутация подавала петиции, извлеченные из главной петиции, переданной С.Ю.Витте⁵².

По итогам поездки крымско-татарской депутации в столицу И.Гаспринский на страницах газеты «Тарджеман» опубликовал объемную статью⁵³. В частности, он поделился радостью по поводу обещания военного министра удовлетворить их просьбу об организации отдельного котла для приема пищи солдатам-мусульманам и обеспечении их муллой, духовным лицом, в случае если в поселении, где дислоцируется войсковая часть, нет муллы⁵⁴, опубликовал полный текст «Докладной записки» уполномоченных крымских мусульман, министру народного просвещения⁵⁵, интервью с председателем комиссии о печати Д.Ф.Кобеко⁵⁶.

Депутация также посетила Александрово-Невскую лавру, однако митрополита Антония на месте не оказалось, депутаты выразили ему свое уважение в книге посетителей. В день отъезда, узнав о назначении графа А.П.Игнатьева председателем комиссии о веротерпимости, члены депутатии, встретившись с ним, во время полуторачасовой беседы указали ему «главные недостатки» управления духовными делами мусульман и необходимые реформы в этой области. Уве-

ренные в том, что в комиссию будут приглашены «следующие люди из мусульман», просили графа, чтобы они были избраны самим мусульманским населением, с чем А.П.Игнатъев согласился и просил выслать ему записку о духовных нуждах единоверцев⁵⁷.

25 мая крымско-татарская депутация вернулась в Симферополь и Бахчисарай, где их радушно встретили представители крымско-татарской элиты и простые мусульмане⁵⁸.

Приезд в Санкт-Петербург представительной группы крымских татар, потребовавший значительных расходов, был вызван еще одной причиной. В начале марта 1905 г. в Казани Габдерашит Ибрагимов и Юсуф Акчура пришли к мысли о созыве в Санкт-Петербурге съезда мусульманских общественных деятелей Поволжья, Крыма, Кавказа, Туркестана и Казахской степи. Юсуфа Акчура написал редактору газеты «Тарджеман» письмо с приглашением крымско-татарских общественных деятелей в марте в столицу для участия на этом мероприятии. Габдерашит Ибрагимов с аналогичным предложением обратился к Алимардану Топчибашеву⁵⁹.

Однако крымско-татарская депутация сумела выехать в столицу лишь в начале мая, после отъезда представителей мусульман Закавказья (в столице оставался лишь А.Топчибашев). Из-за этого между представителями мусульман Волго-Уральского региона, Крыма и Закавказья была достигнута договоренность о переносе Всероссийского съезда на август 1905 г., когда в Нижнем Новгороде проходила ярмарка⁶⁰. В этом плане приезд депутатов мусульман различных регионов России сыграл важную роль в установлении контактов и обсуждении принципов консолидации тюркских народов империи для достижения общих задач, стоящих перед ними.

На страницах «Тарджемана» вскоре стали появляться заметки о перспективах общественного движения мусульман. В частности, в газете от 21 июня 1905 г. была опубликована заметка «Мусульманское собрание», в которой анонимный автор сообщает, что во время Нижегородской ярмарки состоится собрание мусульман «для обсуждения своих общественных нужд и дел и, быть может, как следствие этого будет подана правительству общая докладная записка в дополнение поданных многочисленных петиций... В силу закона эволюции жизни, среди мусульман уже зародилась «партия прогрессистов», а члены ее, несомненно, чувствуют потребность обменяться мыслями, установить программу деятельности на поприще народной нужды и борьбы с узкими воззрениями и вековым консерватизмом»⁶¹.

В своей заметке анонимный автор сообщает, по сути, результаты договоренности в столице с мусульманскими общественными деятелями Среднего Поволжья. Перечислим их.

1. Составление и подача единой петиции от имени многомиллионного мусульманского населения, которая должна была вобрать в себя ключевые требования и претензии к правительству, тем самым поставив вопрос о предоставлении мусульманам равных с русскими подданными гражданских прав.

2. Важнейшим итогом поездки в столицу для крымско-татарской депутации явилось наступление нового этапа в общественно-политическом движении мусульман России. Представителей этой группы анонимный автор именуется «партией прогрессистов» и четко представляет ключевые части ее программы.

Вторая часть текста заметки позволяет уточнить еще несколько договоренностей, достигнутых в Санкт-

Петербурге с татарами Среднего Поволжья.

3. О проведении выборов – учреждении организационного комитета будущей партии.

4. О расширении сети джадидских школ.

5. О тактике решения поставленных на собрании задач.

Поддерживая саму идею о таком собрании мусульман всей России, анонимный автор перечисляет условия, при соблюдении которых, по его мнению, собрание в Нижнем Новгороде могло бы стать в общественной деятельности мусульман «многозначительным явлением». Это:

– проведение мероприятия легально;

– основательное обсуждение проблем мусульман и выставление перед правительством «разумно обоснованных» просьб⁶². Не вызывает сомнения, что публикация принадлежит руководителю крымско-татарской делегации И.Гаспринскому.

А спустя две недели И.Гаспринский вновь возвращается к теме политической партии мусульман. В своей заметке «Татарская прогрессивная партия» он пишет: «Это новое явление и новые люди, как проект общего подъема и оживления русской жизни, составляет отрадное и интересное явление современной жизни наших мусульман. Ядром этой партии служат интеллигентные мусульмане, посвятившие себя делу просвещения народа, развитая часть духовенства, люди, посвятившие себя литературе и писательству, часть учителей и мугалимов новометодных мектебов, более или менее развитая часть купечества и других элементов, осознающих и видящих недостатки национального быта и жизни».

Далее автор сообщает еще некоторые интересные детали обсужденных в столице с представителями регио-

нальных лидеров вопросов: во главу угла будут положены «распространение среди мусульман современного просвещения, реформа национальных училищ (мектебов и медресе) на почве сближения их с современными учебными учреждениями, изыскание помощи и стипендий для учащихся в средних и высших учебных заведениях в России мусульман; выяснение посредством печати нужд и потребностей мусульман, защита их прав и интересов перед лицом различных учреждений общественных и правительственных. Распространение полезных технических и земледельческих знаний, и развитие грамотности и развитие познаний среди женщин. В делах более общего и широкого характера, в делах общегосударственной жизни. К осени партия, вероятно, будет более или менее организована»⁶³.

Петиция крымско-татарской делегации от 16 мая 1905 г.

В Санкт-Петербурге крымско-татарская делегация воздержалась от подачи постановления симферопольского собрания от 7 апреля и составила новый текст петиции. По сравнению с «Постановлением собрания мусульман Крымского полуострова» от 7 апреля 1905 г. петиция крымско-татарской делегации от 16 мая 1906 г.⁶⁴ выделяется, прежде всего, своей политизированностью и акцентом на общемусульманские нужды. Кажется, это момент стал одним из выводов, сделанных ими в ходе консультаций с общественными деятелями других регионов. В петиции четко выделяются две сюжетные линии. С одной стороны, члены делегации пишут о своих региональных и этноконфессиональных крымско-татарских проблемах, с другой стороны – обращают внимание правительства на нужды и чаяния соседних мусульманских народов, видя в этих притесне-

ниях системный подход внутриполитического курса самодержавия.

Такая «раздвоенность» петиции привлекает внимание с первого абзаца. Ущемленное положение крымских татар депутация объясняет отходом имперской власти от основополагающих начал внутренней политики самодержавия, закрепленных указами Екатерины II после аннексии в 1783 г. Крымского ханства. Констатируя отсутствие политической подоплеки в своих помыслах и действиях и воспринимая введенные в послеекатерининское время ограничительные законы и инструкции в отношении крымских татар лишь на основании этноконфессионального признака (по сути, разделяя население империи на «своих» – русских, православных, и «чужих» – нерусских и неправославных), петиция считает такой поход не способствующим политическому единению российских поданных.

Затем авторы петиции сообщают о существовании такого же официального взгляда на все мусульманское население империи. Подчеркивая отсутствие между татарами и русскими (и другими народами) враждебных отношений, они объясняют замкнутость татар Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Нижегородской и других соседних губерний не отчужденностью, а результатом активной деятельности миссионеров наподобие Н.И. Ильминского, способствовавших формированию у власти в целом однобокого, предвзятого отношения к мусульманам.

Кроме того, развивая мысль о предоставлении единоверцам «полных гражданских и политических прав», они одновременно перечисляют ряд притеснений мусульман, закрепленных в действующем законодательстве, некоторые из которых непосредственно на них не распространялись. В частности, миграционные потоки

крымских татар в XIX – начале XX вв. были направлены отнюдь не в Туркестан или центральную Россию, а в Османское государство, на них также не распространялся ценз для гласных нехристиан в составе городской думы в количестве 25 %, указанный в «Городовом положении» 1890 г. и т.д.⁶⁵

Подразумеваемая общеимперское правовое пространство, депутаты указывают на притеснение избирательных прав городских мусульман при выборах в Городскую думу; на запрет мусульманам покупать недвижимость в Туркестанском генерал-губернаторстве, согласно «Положению о Туркестанском крае» 1886 г.⁶⁶, напоминают о случаях исправления текста Корана российским цензором, запрете на публикацию произведений классиков русской литературы, что наблюдалось в Волго-Уральском регионе, на запрет пристраивать минареты к городским мечетям в Закаспийской области, на ограничение в создании мелкотогровых и промышленных товариществ по этноконфессиональному признаку (в Волго-Уральском регионе. – *И.З.*). Также сообщают о «неофициальном ограничении мусульман в содействии Крестьянского банка», об ограничении мусульман Волго-Уральского региона и Западной Сибири в правах издавать газеты и журналы на родном языке (называют это ограничение одной из причин, способствовавших отсталости единоверцев) и просят об уравнивании их прав с другими российскими подданными, которым разрешено печатать и читать свою национальную периодику.

Петиция содержит 19 пунктов и их нумерация не совпадает с пунктами постановления собрания мусульман Крыма от 7 апреля; текст заново структурирован, изменения произошли также вследствие размещения отдельных просьб, ранее изложенных в одном пункте (п. 11⁶⁷ и п. 16⁶⁸), разделив на два пункта, введения совер-

шенно новых пунктов, исключения п. 4 («чтобы всякого рода элементарные школы и мектебе или общего или профессионального характера могли быть открываемы общинами и частными лицами явочным порядком, с правом преподавания начальных знаний на родном языке учащихся») и т.д.

Под воздействием именного высочайшего указа «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» от 18 февраля 1905 г. и публикаций столичных газет о предстоящих политических реформах в империи крымско-татарская депутация первым делом заявляет о предоставлении мусульманам свободного выбора достойных представителей в представительное учреждение (п. 1), и о допущении татар к обсуждению законодательных предложений, надеясь на равноправный диалог с властью с прицелом на разработку справедливых законов, характерных для гражданского общества (п. 2). Эти два пункта в определенной степени перекликаются, однако не повторяют первые два пункта постановления собрания крымских татар от 7 апреля.

Новизна документа определяется, прежде всего, введением новых просьб. Депутация ходатайствует о разрешении открывать самим мусульманам частные учебные заведения с преподаванием на родном языке и с содержанием учителя русского языка за счет государства (п. 3). Эта просьба присутствовала в петициях многих народов (в том числе в «докладной записке» казанской депутации от 28 января 1905 г.)⁶⁹. Речь шла, по сути,

о создании таким путем системы национального светского образования. Как «региональную» можно квалифицировать новую просьбу об отмене предписания Николая I, запрещающего эмигрировавшим в Османское государство крымцам возвращаться на историческую родину, и разрешении вернуться при условии принятия российского подданства (п. 17).

Следующей приметой документа является дополнение его новыми пунктами или упразднение некоторых пунктов постановления собрания крымских татар от 7 апреля. Скажем, при определении срока службы членов ТМДП пятью годами специально оговаривается, что при желании они могут повторно избираться. К этой группе следует отнести и пункт по «военной тематике». Предыдущая формулировка об отдельном котле для военнослужащих-мусульман была существенно расширена: теперь в петиции речь идет и об обеспечении новобранцев муллой за счет перегруппировки их в частях (п. 18). Претерпел изменение и пункт о льготе от воинской повинности: посчитав нереальным получение льготы для учащихся конфессиональных школ, было решено просить о распространении льготы, помимо приходского духовенства, на учителей мектебов и медресе, т.е. уравнивать их права с учителями русских начальных школ и православного приходского духовенства (п. 4). Вследствие того, что в военных учебных заведениях в целом обеспечивались права воспитанников мусульман по обучению основам ислама, в петиции этот вопрос был ограничен лишь учащимися гражданских учебных заведений (п. 5).

В петиции проведено тщательное редактирование имеющихся пунктов, позволившее более аргументированно и четко выразить суть излагаемого вопроса. Например, ограничение

срока службы членов ТМДП пятью годами, с тем, чтобы при желании они могли быть повторно избранными, было изложено более обоснованно. Такое ограничение срока службы воспринималось депутатами серьезным рычагом воздействия на духовных администраторов, ранее избравшихся пожизненно и поэтому не всегда должным образом считавшихся с мнением паствы⁷⁰.

В пункте о выборах членов ТМДП (муфтий, кади-эскер и уездные кадии) был добавлено уточнение о введении норматива выбора уполномоченных из расчета 1 представитель от 100 совершеннолетних прихожан.

В 14-м пункте петиции о расширении компетенции Духовного правления (вопросы постройки мечетей по утвержденным планам, открытие мектебов и медресе) сообщалось как о вопиющей несправедливости о статье «Устава строительного», согласно которой разрешение на постройку мечетей в поликонфессиональных поселениях Таврической губернии зависело от епархиального архиерея («Таврическое губернское правление при строительстве мечетей близ христианских церквей должно было предварительно получить согласие у епархиального архиерея». – *И.3.*)⁷¹.

В другом случае депутаты попытались сделать ссылку на закон, просили «Об упразднении сословных привилегий духовного звания, указанных в статьях 1352, 1356; 1358, 1359 и 1360 т. XI ч.1 и о предоставлении права занимать духовные должности лицам всех сословий»⁷².

В просьбе об упразднении «Особой комиссии о вакуфах» в Крыму и передаче ее функции «в особо учрежденное для этой цели отделение ТМДП уточнялось, что отделением должны заведовать два платных выборных члена» под председательством муфтия (прежний вариант: «избираемых

на пять лет всем мусульманским населением Крыма»); также уточнялось, что все 12 членов выборной комиссии, призванной контролировать его деятельность, должны трудиться на общественных началах (п. 15). Дополнительно указывалось, что такого же мнения придерживались таврический губернатор В.Ф.Трепов и Таврическое губернское земское собрание, однако ходатайство земства было проигнорировано Департаментом духовных дел иностранных исповеданий.

Остальные пункты постановления собрания крымских татар от 7 апреля были включены в петицию⁷³.

«Контрпетиция» муфтия А. Карашайского

Практически повсеместно обсуждение, составление текста петиции в населенных пунктах приводило к дискуссиям и способствовало поляризации точек зрения среди участников. Участники собрания, имеющие другую точку зрения и оставшиеся в меньшинстве, имели право на составление новой, своей петиции, однако, как правило, воздерживались от этого шага, подчиняясь мнению большинства собрания. Например, во время обсуждения текста аналогичной петиции в конце февраля 1905 г. в Казани проходили бурные дискуссии между участниками, которые, исходя из своих общественно-политических взглядов и гражданской позиции, высказывались за радикализацию отдельных пунктов ходатайства или, наоборот, за придание документу традиционного «верноподданнического» духа. В результате текст петиции неоднократно уточнялся⁷⁴. Не случайно весной 1905 г. в Казанской губернии в ходе петиционной кампании стали приобретать четкие очертания основные политические движения мусульман региона: социал-революционеры и либералы⁷⁵.

Особенностью петиционной кампании в Крыму явилось единогласное утверждение текста ходатайства участниками собрания 7 апреля. Как было рассмотрено, на первом собрании была избрана комиссия для составления проекта петиции. Видимо, большинство участников, несогласных с отдельными пунктами петиции, не выступало открыто. Единственный вопрос, который задавали некоторые уполномоченные перед голосованием по отдельным пунктам, заключался в том, насколько это соответствует шариату. Не вызывает сомнения, что такой вопрос исходил от духовных лиц.

Частое повторение одного и того же вопроса вызвало раздражение у председателя собрания – исполняющего обязанности муфтия А.Карашайского, который заявил: «Что вы, господа, все шариат да шариат. Кто его теперь поддерживает»⁷⁶. Такое категоричское высказывание главы мусульман Крымского полуострова, очевидно, способствовало единогласному голосованию. Между тем, единение во время голосования, которое, видимо, было открытым, настораживает, потому что среди 200 участников собрания были люди различных профессий, возрастов, представители различных сословно-социальных групп, имеющих неодинаковые взгляды. Нужно сказать, что в петиции имелся пункт, явно направленный против нынешнего состава Духовного правления. Как было рассмотрено, 11-й пункт петиции гласил, что состав ТПДП был выборным, сроком на пять лет. Избрание муфтия и его помощника кади-эскера должно происходить всем мусульманским населением полуострова, а уездных кадиев – мусульманами всего уезда. При этом не оговаривалась возможность повторного избрания членов Духовного правления. Это – во-первых. Во-вторых, вовлечение в выборы муфтия и кади-эскера всех

мусульман губернии делало выборы непредсказуемыми и противоречило недавно принятому закону от 27 мая 1890 г.

На Крымском полуострове «альтернативное мнение» появилось после отъезда депутации в столицу. Оказалось, что группа духовных лиц во главе с А.Карашайским, «обнаружив» в петиции некоторые пункты, не соответствующие шариату, решили подать в Комитет министров новое ходатайство.

Почему так случилось? А. Карашайский – представитель мурзинского рода, светский образованный дворянин, бывший предводитель дворянства одного из уездов губернии, во время обоих собраний старался позиционировать себя в качестве лидера крымско-татарского общества. Здесь можно сделать несколько предположений.

И.Гаспринский в своей публикации «Открытое письмо г.и.д. муфтия А.М.Карашайскому» предположил, что его недовольство могли вызвать некоторые публикации на страницах газеты о делах Духовного правления, поэтому публично обратился к А. Карашайскому: если эти публикации оклеветали ТМДП, то пусть его председатель привлечет редакцию газеты к судебной ответственности⁷⁷.

Можно высказать еще ряд предположений о причинах кардинального изменения позиции А. Карашайского. Во-первых, можно предположить, что недовольство отдельными пунктами петиции ему лично высказал губернатор В.Ф.Трепов, что стало сигналом к отказу от поездки в столицу в качестве руководителя депутации. Дело в том, пункт петиции о наделении безземельных крымско-татарских крестьян землей, а в горной части Крыма разрешить в пользу коренного населения вопрос о «приписных» лесных дачах являлся очень серьезной претензией к предыдущей политике имперской

власти и предполагал кардинальный пересмотр сложившейся системы землевладения. Ведь главным виновником в обезземеливании крымских татар и экспроприации у мусульман лесов являлись самодержавие и местная администрация. В.Ф.Трепов понимал невозможность исполнения этого пункта петиции, который возродил у местного населения надежду на историческую справедливость, а значит, угрожал дестабилизацией обстановки в губернии.

Вторая причина, самая веская, могла быть связана с меркантильными интересами А. Карашайского – невозможностью повторно быть избранным на должность муфтия после завершения пятилетнего срока службы.

В-третьих, можно предположить, что А. Карашайский, стремясь выработать собственную позицию и обратить внимание правительства на необходимость реформирования управления духовными делами мусульман и повышения статуса исламских религиозных институтов, решил максимально воспользоваться ситуацией. Выставляя крымско-татарское духовенство в качестве самостоятельной общественной силы, а религиозные нужды – в качестве проблем, требующих неотлагательного и автономного решения, он стремился решить те вопросы, которые были озвучены в начале 1890-х гг., когда по поручению тогдашнего министра внутренних дел И.В.Дурново в ТМДП специально приезжал чиновник особых поручений МВД В.В.Вашкевич⁷⁸. Во время общения с ним мусульмане, безусловно, довели до сведения высокопоставленного гостя информацию о нуждах духовенства и ТМДП⁷⁹. Однако после отъезда чиновника из г.Симферополя каких-либо мер не было принято. Теперь поступающие вести о благосклонном отношении столичных чиновников к ходатайству мусульман

давали А.Карашайскому надежду на реанимацию в правительственных кругах идеи реформирования духовных дел крымских татар. Такая идея у А.Карашайского могла возникнуть под впечатлением событий, происшедших в г. Уфе, и активности оренбургского муфтия М.Султанова. Как было рассмотрено, газета «Тарджеман» (№28) 12 апреля, спустя пять дней после собрания мусульман полуострова, на котором был утвержден текст ходатайства правительству, опубликовала текст петиции оренбургского муфтия М.Султанова, переданной в Комитет министров⁸⁰. Как видно, М.Султанов, как глава всех мусульман округа ОМДС, самостоятельно довел до сведения премьер-министра С.Ю.Витте проблемы, требующие разрешения, обособясь от мнения мусульманского сообщества округа ОМДС. Более того, по итогам встречи с С.Ю.Витте он получил разрешение на проведение в ОМДС совещания улемов, посвященного разработке проекта нового устава религиозного управления. 29 апреля в газете «Тарджеман» был опубликован список участников Уфимского совещания улемов, которое состоялось во второй декаде апреля⁸¹.

Непредсказуемое поведение А.Карашайского вызвало недовольство и негодование И.Гаспринского, который оценивал его действия чуть ли не как предательство интересов мусульман полуострова, внесение раскола в крымско-татарское сообщество.

В губернии 25,2% крымско-татарского населения проживало в городах, и среди жителей, в отличие от сословно-социальной структуры мусульманского общества Волго-Уральского региона, существовало несколько иное соотношение сословно-социальных групп. Согласно сословной иерархии Российской империи, крестьяне составляли 72% крымских татар, меща-

не – 21,5%, купцы и потомственные и личные почетные граждане – 0,8 %⁸².

Большое влияние на общественное мнение мусульман полуострова оказывали мусульманские духовные лица, численность которых в 1891 г. в губернии составляла 774 человека⁸³, которые, как и дворяне, были освобождены от всех налогов и повинностей (кроме всеобщей воинской повинности), и мурзы – потомки средневековой феодальной элиты, записанной в российское дворянство. Мурзы-дворяне занимали высокое социальное положение и играли важную роль в социальной жизни соотечественников, составляя на рубеже столетий 1,4% татарского населения⁸⁴. Во время проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Таврической губернии потомственными дворянами (с членами семей) записалось 1641 человек (875 м.п. и 766 ж.п.), что составляло 13,2% всех потомственных дворян губернии и 0,8% крымско-татарского населения (для сравнения: удельный вес потомственных дворян в общей численности населения губернии составлял лишь 0,1%). Среди единоверцев крымско-татарские потомственные дворяне по численности занимали третью позицию после привилегированной корпоративной группы мусульман Уфимской и Минской губерний⁸⁵. Из них 305 душ обоего пола проживало в городах (18,6% всех потомственных дворян, проживавших в городах губернии), более 2/3 (69,2%) крымско-татарского потомственного дворянства являлись сельскими жителями – 1336 человек (81,4% потомственных дворян, проживавших в уездах)⁸⁶.

Личных дворян⁸⁷ насчитывалось 566 душ обоего пола, что составляло 5,5% всех личных дворян губернии и 0,3% крымско-татарского населения⁸⁸. Среди татарско-мусульманского населения регионов это была самая много-

численная группа личных дворян; однако большинство из них проживало в уездах (80,2%)⁸⁹.

Дворяне, кажется, не ожидали, что духовные лица, большинство которых не знало русского языка и придерживалось традиционных взглядов, могли самостоятельно публично высказываться и составить для подачи правительству собственного прошения.

И.Гаспринский в одной из своих публикаций в «Тарджемане» резко критиковал орenburgского и таврического муфтиев: «...в Крыму и Уфе духовные управления наши в лице муфтиев и ближайшего нашего «духовенства» в деле изложения правительству народных нужд стали в некоторого рода оппозицию в отношении народа. В петициях уфимском и крымском 2-й под именем нужд народа до наивности прозрачно «правленцы» хлопочут об интересах касты и кружка, думая, что народ все еще остается и должен оставаться быдлом и дойной коровой... Эти последние не видят, что за последние 25 лет народилась новая интеллигенция и народное общественное мнение, чего ранее не было. Ныне среди городского населения и купечества мусульман, среди самого духовенства и даже среди сельских обывателей, есть немало людей, думающих «о народе», а потому желающих говорить и работать для него. Если прибавить к этой чисто народной группе просвещенных европейски мусульман, то мы увидим, что существует новая живая сила, с которой надо считаться»⁹⁰.

Руководитель крымско-татарской депутации смотрел на проблему широко и считал, что религиозные нужды являются лишь одной из многочисленных проблем крымских татар, он подчеркивал, что «В высокоотеческой и монаршей заботе о России и ее народах государь император дал право всем высказаться об обще-

ственных нуждах и пользах; приказал составить проект собрания народных выборных для постоянного общения с нуждами и желаниями великой России, а наши некоторые чалмоносцы, забыв, что они только пастыри, лезут в роль плохого урядника и, якобы что-то предупреждая и пресекая, желают обделать узко кастовое дело. Не этого требует государь, не этого желает народ»⁹¹.

Видимо, под воздействием влиятельных мурз или преодолев давление А.Карашайского, некоторые авторитетные духовные лица, присутствовавшие 7 апреля на собрании, отказались от намерения составить отдельную петицию. В частности, кади-эскер заявил, что «он теперь по своим убеждениям и по шарияту заодно с общим желанием мусульман», о чем телеграммой сообщил находившимся в Петербурге депутатам. Так же поступил и Алуштинский кадий, а симферопольский кадий заявил, что он «впредь ничего противного общим желанием, в петиции выраженных, совершать не будет»⁹².

Согласно газете «Тарджеман», «казьями был пущен слух, что некоторые статьи общей петиции не согласны с требованиями шарията и потому для спасения душ мусульман от греха ими составлена другая петиция. Во всем согласно требованиям и указаниям шарията. Этот ловкий маневр и обман были пущены в ход, чтобы хитро заманить простой народ к подписанию контрпетиции»⁹³.

Муфтий, заявляя о «шариатских неточностях» в петиции, сумел организовать сбор подписей за подачу нового ходатайства⁹⁴. В результате, сторонники И.Гаспринского стали называть документ, принятый 7 апреля на собрании общественности, «народной петицией» или «общей петицией», а ходатайство А.Карашайского – «контрпетицией»⁹⁵.

Секретарь газеты «Тарджеман» А.Леманов, ознакомившись с текстом «контрпетиции», в своей публикации, посвященной разоблачению двойственной позиции А. Карашайского, писал, что в ней «по шарияту» изменены те пункты, которые затрагивают их (духовных лиц. – *И.З.*) интересы⁹⁶.

Ранее в газете «Тарджеман» (№ 41) от 27 мая 1905 г. была опубликована заметка «Крымский муфтий и духовенство», в которой приводилась выдержка из столичной газеты «Новое время». Согласно этой публикации, одним из главных требований новой петиции являлось возвращение в ведение ТМДП всех вакуфов и капиталов, которые с 1885 г. находились в компетенции «Временной комиссии о вакуфах».

Таким образом, если оценивать «всеобщую петицию» и столичную петицию крымско-татарской депутации как мнение приверженцев либерального общественного движения, содержащее некоторые оттенки взглядов эсеров (по части ревизии земельных отношений в Крыму – возвращение незаконно отнятых имперской властью лесных угодий крымских татар и обеспечение наделами безземельных единоверцев). В них во главу угла поставлен комплексный подход к решению проблем и нужд единоверцев. Третья петиция была составлена председателем ТМДП и, возможно, узким кругом духовных лиц, она имеет четкую ведомственную направленность и ориентирована на расширение полномочий Таврического магометанского духовного собрания. Адиль мурза Карашайский, очевидно, не мог допустить, чтобы его петиция была лишь дополнением к ранее поданному в Комитет министров прошению. Между тем, такой подход мог стать разумным компромиссом.

Какие просьбы крымских татар были выполнены правительством?

23 сентября 1905 г. директор ДДДИИ направил петицию крымских мусульман, которая 16 мая была вручена премьер-министру С.Ю.Витте, графу А.П. Игнатьеву, председателю Особого совещания по делам веры⁹⁷.

Однако Манифестом от 6 августа 1905 г. было объявлено об учреждении Государственной думы. В результате был установлен новый порядок делопроизводства по внесению и рассмотрению законопроектов. Подлежащие ведению Государственной думы дела должны были вноситься в нее исключительно после предварительного обсуждения в Совете министров, что явилось главной причиной ограничения деятельности Особого межведомственного совещания по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева (29 ноября 1905 – 28 мая 1906 г.) лишь сбором материала по вышеуказанным вопросам и выработкой «руководящих начал». После закрытия Совещания его материалы поступили в распоряжение Совета министров, а оттуда в Министерство внутренних дел.

Некоторые озвученные в петициях 1905 г. проблемы единоверцев попытались решить депутаты Таврической губернии. Во II Государственную думу из Таврической губернии депутатом был избран Абдурешид Медиев (1880–1912), который на одном из заседаний огласил наказ «братьев татар» с жалобами на расхищение чиновниками вакуфных земель⁹⁸. Депутат III Государственной думы – член депутации 1905 г. отставной полковник Исмаил мурза Муфтий-Заде – инициировал разработку законопроекта о допущении к мусульманским духовным должностям лиц недуховного сословия, который получил силу закона в 1912 г. под названием «О допущении к занятию мусульманских духовных

должностей при мечетях округа Таврического магометанского духовного правления лиц всех сословий»⁹⁹.

По распоряжению Таврического губернатора надзор за правильным расходованием пособий, выделяемых ежегодно из сумм вакуфного капитала упраздненных мечетей (от 30 до 40 тыс. руб.), был возложен на Духовное правление. Однако в действительности ТМДП через уездных кадиев не могло эффективно контролировать эти расходы. С одной стороны, экспертиза предполагала наличие у человека специальных технических знаний, с другой – в Духовном правлении отсутствовали средства для командировки кадиев на эти культовые объекты. Поэтому религиозное управление ограничивалось запросом через уездных кадиев у татарских приходов счетов – документов, подтверждающих реальные расходы. Муфтий просил ДДДИИ возложить эту функцию на строительное отделение Таврического губернского правления, сотрудники которого занимались проверкой технической документации реконструирующихся и строящихся мечетей и выезжали на строящиеся из камня объекты на предмет соблюдения технологии строительных работ¹⁰⁰.

Манифест от 17 октября 1905 г. о предоставлении российским подданным основных гражданских свобод подвел юридическое основание для существования периодики на татарском языке. Если ранее «Тарджеман» издавался на русском и тюркском языках, с 101-го номера, в декабре 1905 г. – только на тюркском языке. Сам И.Гаспринский в 1905 г. получил право на издание газеты для женщин «Галаме Нисан» («Мир женщин»), в 1906 г. – юмористического журнала «Ха-ха-ха», затем – еженедельника «Миллет» («Народ»)¹⁰¹. В 1907 г. в г. Белогорске Абдурешидом Медиевым

издавалась газета «Ватан хадими» («Слуга отечества») и т.д.

Таким образом, открытое обсуждение насущных проблем различных сословных групп крымских татар и составление «народной петиции» способствовали консолидации мусульман, позитивно повлияли на активизацию их социального поведения. Благодаря составлению новой

редакции петиции выехавшие в столицу депутаты довели до правительства юридически более выверенное и более адекватно отражающее нужды мусульман России и Крымского полуострова ходатайство. С политической точки зрения эти прошения соответствовали либеральным ценностям. Однако лишь малая часть этих просьб была исполнена правительством.

Список сокращений

ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий.

МВД – Министерство внутренних дел.

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание.

ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ-3. – Т. 24. – № 25495.

² ПСЗ-3. – Т. 25. – № 25853.

³ Сенчакова Л.Т. Предисловие // Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905 – 1907 гг. Сборник документов. Авт.-сост. Л.Т.Сенчакова. Под ред. В.П.Данилова и А.П.Корелина. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 4.

⁴ Ганкевич В.Ю. Депутация крымских татар в С.-Петербурге в 1905 г. // Проблемы и перспективы истории Крыма: Итоги и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Симферополь, 24-25 мая 1996 г. – Симферополь: Б.И., 1996. – С. 24–27.

⁵ Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. – Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008. – С. 42–58.

⁶ Богданович И.А., Шендрикова С.П. Общественно-политическое движение мусульман Российской империи. Газета «Терджиман» как источник по истории возникновения общественно-политического движения мусульман Российской империи // <http://turkology.tk/library/206>

⁷ Ходатайство казанских мусульман // Тарджеман. – 1905. – № 17. – 4 марта.

⁸ Тарджеман. – 1905. – № 20. – 15 марта.

⁹ Тарджеман. 1905. – №19. – 11 марта.

¹⁰ Разные вести // Тарджеман. – 1905. – № 22. – 22 марта; № 23. – 25 марта.

¹¹ Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Тарджеман. – 1905. – № 28. – 12 апреля.

¹² Мусульманские петиции // Тарджеман. – 1905. – № 34. – 3 мая.

¹³ Еврейские ходатайства // Тарджеман. – 1905. – № 22. – 22 марта.

¹⁴ Еврейские ходатайства // Тарджеман. – 1905. – № 22. – 22 марта.

¹⁵ Таржеман. – 1905. – №32. – 26 апреля

¹⁶ Ходатайство крымских мусульман // Тарджеман. – 1905. – № 24. – 29 марта.

¹⁷ Мартынов П. Последняя миграция татар из Крыма в 1874 году // Исторический вестник. – 1886. – Т. XXIV. – С. 698–708.

¹⁸ Мусульманские петиции // Тарджеман. – 1905. – № 34. – 3 мая.

¹⁹ Постановление собрания мусульман крымского полуострова // Тарджеман. – 1905. – № 31. – 22 апреля.

²⁰ Богданович И.А., Шендрикова С.П. Указ. соч.

²¹ В частности, «Народное собрание» просило преобразовать Симферопольскую татарскую учительскую школу в среднее учебное заведение и усилить в ней преподавание татарского языка и грамоты (п. 17).

²² *Конкин Д.В.* Вакуфный вопрос в системе взаимоотношений российского самодержавия и мусульман Крыма (конец XVIII – начало XX вв.) // Мусульманские духовные лица в социальном и духовном развитии татарского народа (XVII – начало XX вв.). Сб. статей. / Отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. – С. 104.

²³ *Конкин Д.В.* Указ. соч. – С. 106.

²⁴ *Загидуллин И.К.* К вопросу об управлении вакфами в Крыму (последняя четверть XVIII – начало XX вв.) // Благотворительность в России: исторический опыт, проблемы возрождения традиций и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 5 апреля 2007 г.). – Казань: Изд-во «Милли китап», 2008. – С. 68–74.

²⁵ *Конкин Д.В.* Указ. соч. – С. 104.

²⁶ *Загидуллин И.К.* Указ. соч. – С. 73.

²⁷ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 172–172 об.

²⁸ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 170–172 об.

²⁹ *Конкин Д.В.* Указ. соч. – С. 108.

³⁰ О управлении духовных дел магометан // Свод законов Российской империи. – Т.11. – Ст. 1384, 1387, 1389, 1390.

³¹ Там же. – Ст. 1346.

³² Там же. – Ст. 1393.

³³ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайретдинова З.З.]. – Симферополь: Элиньо, 2009. – С. 145–147.

³⁴ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – С. 143, 144.

³⁵ Свод учреждений и уставов управлений духовными делами иностранных исповеданий христианских и иноверных. Изд. 1857 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 11. – Ч. 1. – Ст. 1172.

³⁶ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – С. 145–149.

³⁷ Там же. – С. 143–144.

³⁸ ПЗС-3. – Т.11. – № 7754.

³⁹ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – С.145.

⁴⁰ Мустафа мурза Кипчакский получил военное образование, после отставки работал почетным мировым судьей и членом Симферопольской уездной земской управы, в момент подачи прошения Кипчакский являлся ее председателем. В 1916 г., после смерти таврического муфтия А.Карашайского, он рассматривался в качестве одного из возможных кандидатов на эту высокую должность, однако муфтием был определен кади-эскер Д.Кунтуганский.

⁴¹ *Мустафа Давидович* (?–1914) – дворянин, из литовских татар, выпускник Московского кадетского корпуса, городской голова Бахчисарая в 1885–1907 гг.

⁴² Муфтий-Заде Исмаил мурза (1841–1917) – выпускник военного корпуса, бывший офицер команды Лейб-гвардии Крымских татар конвоя (упразднен в 1890 г.), дослужившийся до звания полковника, дворянин, землевладелец (821 дес.), автор исследования «Очерк столетней военной службы крымских татар с 1783 по 1904 гг. по архивным материалам», почетный попечитель Симферопольской татарской учительской школы в 1893–1903 гг., затем – председатель Крымского мусульманского благотворительного общества, депутат III Государственной думы (Усманова Д.С. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань: Фэн АН РТ, 2005. – С. 562.

http://tatkonvolut.at.ua/publ/tarih/abibullaeva_d_i_mecenatstvo_krymskotatarskoj_ehlity_v_konce_xix_nachale_xx_vv/6-1-0-48.

⁴³ Гаспринский Исмаил (1851–1914) – общественный и политический деятель, просветитель, педагог, издатель, из дворян. С апреля 1883 г. стал издавать тюркоязычную газету «Тарджеман». В медресе, основанном им в 1884 г., ввел новый (звуковой) метод обучения арабскому алфавиту, включил в программу ряд светских предметов, поэтому его медресе стало образцом для многих новометодных учебных заведений в России. В период революции 1905–1907 гг. был одним из организаторов двух съездов крестьян Крыма, участник 1, 2 и 3-го Всероссийских съездов мусульман. (Татарская энциклопедия. – Т. 2. – Казань, 2005. – С. 64. См. более подробно: Куркчи Л.И. Исмаил-бей Гаспринский // Дружба народов. – 1991. – № 12; Ганкевич В. На службе правде и просвещению. – Симферополь, 2000).

⁴⁴ Тарджеман. – 1905. – № 28. – 12 апреля.

⁴⁵ Тарджеман. – 1905. – № 35. – 6 мая.

⁴⁶ Еще о депутатии // Тарджеман. – 1905. – № 41. – 27 мая; Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 42. – 31 мая.

⁴⁷ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 24.

⁴⁸ *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007. – С. 81.

⁴⁹ Разные вести // Тарджеман. – 1905. – № 36. – 10 мая.

⁵⁰ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 117.

⁵¹ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 42. – 31 мая; № 43. – 3 июня; № 44. – 7 июня.

⁵² *Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П.* Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. – Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2008. – С. 51–54; Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁵³ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁵⁴ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁵⁵ Докладная записка уполномоченных крымских мусульман, поданная г. министру народного просвещения // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁵⁶ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня; № 44. – 7 июня.

⁵⁷ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 47. – 17 июня.

⁵⁸ Крымская депутатия // Тарджеман. – 1905. – № 41. – 27 мая.

⁵⁹ Жарулла Муса. Ислахат эсаслары. – Пг., 1917. – 5–6 б.

⁶⁰ Там же. 9–11 б.

⁶¹ Мусульманское собрание // Тарджеман. – 1905. – № 48. – 21 июня.

⁶² Там же.

⁶³ Исмаил. Татарская прогрессивная партия // Тарджеман. – 1905. – № 52. – 5 июля.

⁶⁴ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 118–122 об.

⁶⁵ *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 21, 52.

⁶⁶ Статья 262 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г., согласно которой «Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианских вероисповеданий воспрещается» (Положение об управлении Туркестанским краем. Изд. 1892 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 2. – Ч. 1. – Ст. 262).

⁶⁷ Пункт 11-й гласил: «...чтобы состав Таврического магометанского духовного правления был выборным, сроком на пять лет. Избрание муфтия и его помощника кади-эскера должно быть производимо всем мусульманским населением полуострова, а уездных кадиев мусульманским населением всего уезда по принадлежности, в отмену существующего порядка назначения и существовавшего ранее порядка выборов» разделен на п. 10 («Чтобы Таврический муфтий, кады-эскер и уездные кадии избирались

из всех сословий и состояли без исключения всеми классами населения Крыма; муфтий и кады-эскер уполномоченными от всех уездов Крыма, а кадии по уездам...» и п. 11 («Чтобы муфтий, кады-эскер и уездные кадии избирались на пять лет...»).

⁶⁸ Пункт 16-й гласил: «чтобы были приняты соответствующие меры по наделению безземельного населения Крыма землею, к содействию в тех же видах Крестьянского банка разрешать, а в горной части Крыма разрешать в пользу населения вопрос «о приписных» лесных дачах, дабы оно не было лишено права пользования своими лесами в пределах лесоохранительного закона». Из текста созданы два пункта: просьба о расселении «на перешедших в казну от татар по выморочному праву землях татар были бы поселены безземельные татары и в горной части полуострова приписные лесные дачи были бы переданы в пользование их собственникам в пределах лесоохранительного закона» (п. 18) и просьба о распространении на татар хлебопашцев финансовой помощи Крестьянского банка при обеспечении их землей (п. 8).

⁶⁹ Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 года // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2015. – № 1–2. – С.59.

⁷⁰ «Без допущения всесословного выбора состава Духовного правления на ограниченный срок, удовлетворение нашей просьбы касательно круга деятельности и прав этого учреждения потеряет почти всякое значение, так как только при просимом порядке избрания выполнение Духовным правлением его обязанностей может подлежать проверке общества и даже правительственной власти» (РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 111 об.).

⁷¹ Устав строительный. Изд. 1900 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 12. – Ч. 1. – Ст. 157.

⁷² В статьях 1352, 1356, 1358, 1359 Устава «Об управлении духовных дел магометан» перечислены лишь духовные звания мусульманского духовенства (муфтий, кади-эскер, уездные кадии, муллы, хатибы, имамы, муадзины, «служители при мечетях», мударисы, гочи и шейхи – начальники текий), в статье 1360 помещалось высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке замещения таврических муфтия и кади-эскера» от 27 мая 1891 г. (ПЗС-3. – Т.ХІ. – № 7754).

⁷³ Пункт 4: «Чтобы подкиннутые перед мечетями и жилищами мусульман дети были отдаваемы на попечение мусульман с правом регистрировать их в мусульманскую веру»; пункт 5: «Чтобы сыновья мусульман, перешедшие в иноверие по отношению к отбыванию воинской повинности, не считались членами семьи на основании тех же соображений, как и принявшие иностранное подданство»; пункт 19: «Признано было необходимым преобразование Симферопольской татарской учительской школы с расширением программы до степени среднего учебного заведения, о чем подается особое ходатайство Министру народного просвещения».

⁷⁴ Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007. – С. 104–105.

⁷⁵ Загидуллин И.К. «Татарские социалисты» в петиционной кампании мусульман России 1905 года / И.К.Загидуллин, Н.С.Хамитбаева // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015. – № 5. – С.72–95.

⁷⁶ А.Л. Крым // Тарджеман. – 1905. – № 51. – 1 июля.

⁷⁷ Открытое письмо г.и.д. муфтия А.М. Карашайскому // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁷⁸ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 12. – Д. 262. –Л. 120 об.–121.

⁷⁹ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 408. – Л. 8.

⁸⁰ Петиция оренбургского муфтия в комитет министров // Тарджеман. – 1905. – № 28. – 12 апр.

⁸¹ О совещании в Уфе // Тарджеман. – 1903. – № 33. – 29 апреля.

⁸² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 41. Таврическая губерния. – СПб., 1904. – Ведомость XXIV. – С. 274–275. Подсчитано нами.

⁸³ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 408. – Л. 129–130.

⁸⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.41. Таврическая губерния. – СПб., 1904. – Ведомость XXIV. – С. 274–275. Подсчитано нами.

⁸⁵ Байбулатова Л.Ф. Из истории татарского мусульманского дворянства Российской империи в XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Вып. 2. / Отв. ред. И.К.Загидуллин.– Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 50–51. Таблица 1.

⁸⁶ Байбулатова Л.Ф. Указ соч. – С. 56–57. Таблица 3.

⁸⁷ Личное дворянство приобреталось тремя путями: 1) пожалованием монарха; 2) достижением определенного чина на действительной службе; 3) пожалованием российского ордена за «служебные отличия».

⁸⁸ Байбулатова Л.Ф. Указ соч. – С. 54–55. Таблица 2.

⁸⁹ Байбулатова Л.Ф. Указ соч. – С. 56–57. Таблица 3.

⁹⁰ Тарджеман. – 1905. – № 59. – 29 июля.

⁹¹ Тарджеман. – 1905. – № 59. – 29 июля.

⁹² Тарджеман. – 1905. – № 39. – 20 мая.

⁹³ А.Л. Крым // Тарджеман. – 1905. – № 48. – 21 июня.

⁹⁴ Открытое письмо г.и.д. муфтия А.М.Карашайскому // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁹⁵ А.Л. Крым // Тарджеман. – 1905. – № 51. – 1 июля.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ РГИА. – Ф.821. – Оп.10. – Д.30. – Л. 58.

⁹⁸ Конкин Д.В. Вакуфное землевладение в Крыму в конце XVIII – начале XX вв.: Дисс... канд. ист. наук. – Симферополь, 2013. – С. 171.

⁹⁹ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайретдинова З.З.]. – Симферополь: Элиньо, 2009. – С. 156–157.

¹⁰⁰ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 627. – Л. 2–2 об.

¹⁰¹ Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914) / Вступ. статья А.Р. Эмирова. – Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2000. – С. 151–158.

Аннотация

В статье освещаются подготовка текста петиции о нуждах крымских татар и подача ее депутацией во главе с И.Гаспринским правительству в 1905 г., основные положения ходатайства и значение этого события в общественной жизни мусульман Крымского полуострова и России.

Ключевые слова: Петиционная кампания мусульман 1905 г., крымские татары, И.Гаспринский, А.Карашайский.

Summary

The article is devoted to the text preparation of the petition about the needs of the Crimean Tatars and its submission to the government by deputation headed by I. Gasprinsky in 1905. Also there reflected the main provisions of the petition and shown the importance of this event for the public life of Muslims of the Crimean peninsula and Russia.

Keywords: petition campaign of the Muslims 1905 year, Crimean Tatars, I. Gasprinsky, A. Karashaisky.

УДК 913.1

**ТЕРМИНЫ АК-ОРДА И КОК-ОРДА
В ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ
(к вопросу о семантике терминов)**

*Ж.М. Сабитов, доктор философии (Казахстан),
А.К. Кушкумбаев, доктор исторических наук (Казахстан)*

Научное изучение таких терминов, как Ак-Орда и Кок-Орда, имеет большую историографическую традицию. Еще в 1835 году Иосиф фон Хаммер-Пургштал представил свою работу¹, в которой на основе трудов Натанзи предлагал свой вариант локализации Ак-Орды и Кок-Орды. Его позицию критиковали российские историки, опиравшиеся на русские летописи. На тот момент существовало всего три группы источников, прямо или косвенно говоривших о локализации Ак-Орды и Кок-Орды: русские летописи (косвенно упоминали географическое положение Синей Орды), Натанзи и Абулгази (он мельком упоминал, что Кок-Орда – это ставка Джучи). Из-за того, что русские летописи и Натанзи полностью противоречили друг другу, решить исторический вопрос о локализации Ак-Орды и Кок-Орды тогда было невозможно.

Исходя из источниковедческого дефицита сведений об Ак-Орде и Кок-Орде, сформировались две традиции, восходящие к Иосифу фон Хаммер-Пургшталью и его оппонентам. Причем, первая традиция в самом начале доминировала. Мы ее видим в трудах Стэнли Лэн-Пуля 1899 года², Бертольда Спулера³, Б.Грекова и А.Якубовского⁴. Противоположную точку зрения высказывали Г.В.Вернадский⁵, М.Сафаргалиев⁶.

Широкое распространение второй точки зрения началось с введения в научный оборот такого источника, как «Муизз ал Ансаб», в котором было четко сказано, что Кок-орда относится к Орда-Эджену. Извлечения из «Муизз ал Ансаб» были опубликованы во 2-м томе материалов по истории Золотой Орды в 1941 году. Издание же трактата Утемыш-хаджи в переводе Юдина В.П. и его статей по этому вопросу⁷, критических замечаний по поводу достоверности Натанзи (статьи Ю.Шамильоглу⁸, А.Г.Гаева⁹, В.П.Костюкова¹⁰, Ж.М.Сабитова¹¹ и др.), казалось бы, должно было поставить точку в данном вопросе. Но даже в таком академическом издании, как «Внутренняя Азия: эпоха Чингизидов», изданном в издательстве Кембриджского Университета, встречаются обе противоположные точки зрения у разных авторов. К примеру, М.Биран склоняется к историографической традиции Хаммер-Пургшталья¹², а И.Вашари¹³ и Ю.Брегел¹⁴ – ко второй историографической традиции, хотя стоит отметить, что в данном издании вторая историографическая традиция доминирует, так как в разделе про Улус Джучи эта традиция предельно четко обозначена. Интересна трактовка Мустакимова И.А., писавшего: «...допустимо предположить, что в меняющихся полити-

ческих условиях в Джучиевом улусе, особенно со второй половины XIV в., термин Ак-Орда из престижных соображений мог присваиваться своим владениям представителями разных ветвей Джучидов... Все это и могло создавать ситуацию, когда разные средневековые авторы прилагают термины Ак-Орда и Кок-Орда к владениям разных Джучидов»¹⁵.

Ранее мы выдвинули тезис о том, что Ак Орда являлась составной частью Золотой Орды (ее центром), левым крылом являлась Кок Орда, правым – Боз Орда¹⁶. В этом вопросе мы, с одной стороны, подтвердили точку зрения Юдина В.П., а с другой стороны, точку зрения А.Г. Мухамадиева, считавшего, что: «Монгольские ханы разделили улус Джучи на три крыла – Кук Орду (левое крыло), Ак Орду (центр, Золотая Орда) и Орду Ногай (правое крыло)»¹⁷.

Политическая мотивация дискриминации Золотой Орды в казахстанской историографии, а также конструктивистский выбор «государства» Ак-Орды как символического предка Казахского ханства в советскую эпоху нами отмечались ранее¹⁸.

После ряда научных статей¹⁹ вопрос о локализации Ак Орды и Кок Орды (в плане их идентификации с улусами Бату и Орда Эджена) фактически перестал быть дискуссионным. Но, помимо вопроса о локализации Ак-Орды и Кок-Орды, также интересен вопрос об эволюции семантики данного термина. За весь период, начиная с XIII века (приблизительное время возникновения этих двух терминов), эти термины использовались в разных источниках с разным значением.

Еще Шокан Валиханов писал: «слово орда имело и прежде в Золотой Орде такое же значение, как теперь у киргиз (казахов. – Ж.С., А.К.) и калмыков, и означало в обширном смысле место столицы хана. В тесном – его

ставку. Золотая орда – Золотой шатер и юрта, в которой сидел хан. Впоследствии оно обратилось в название всех ставок, где жили ханы. Так что слова Ак Орда, Кук Орда, Сары Орда нужно принимать не как название улуса или юрты, а как название главной стоянки, резиденции ханов»²⁰.

Юдин В.П. писал: «О Золотой Юрте, т. е. о Золотой Орде, на Руси узнали немедленно после ее появления. Однако по ряду причин название “Золотая Орда” стали применять лишь с конца XVI в. Русские ездили уже не “в Орду”, а в “Золотую Орду”, т.е. название ставки переосмыслилось в название державы. Но и до сих пор историки допускают иногда ошибку, утверждая, что название “Золотая Орда” – исконное и восходит ко времени Бату»²¹.

Кошенова Р., соглашаясь с трактовкой Шокана Валиханова, считает, что под Ак Ордой подразумевалось место, где сосредоточены все власти. Слово Орда и особа хана означали одно и то же понятие, так как ханы сменялись, а место оставалось одно и то же²².

Говоря об эволюции семантики, стоит выделить разные группы источников по их смысловой нагрузке.

1. Ордынская (Тюркская) устная традиция (Утемыш-хаджи, Абулгази). Согласно этой традиции, Ак Орда ассоциируется со ставкой Бату, Кок Орда – со ставкой Орда Эджена, а Боз Орда со ставкой Шибана. То есть общее понимание термина здесь: «Ставка, резиденция», причем четко прослеживается аффилиция орд с конкретными сыновьями Джучи и их потомками. У Абулгази говорится о владении Шибана в Белой Орде, но при этом ставка Джучи называется Синей Ордой. Таким образом, Абулгази занимает промежуточное положение между разными традициями, понимая Орду как ставку и как владение.

2. Персидская Тимуридская историографическая традиция (Натанзи, «Муизз ал Ансаб»). В «Муизз ал Ансаб»: Кок-Орда – род Орда-Эджена. «Его детей и род называют Кок-Орда». У Натанзи: потомки Тохты – султаны Кок-Орды, а потомки Ногая – султаны Ак-Орды. То есть, здесь Ак-Орда или Кок-Орда представлены как **«род или потомки какого-то правителя»**.

3. Традиция русских летописей. В них Синяя Орда представлена как географическая точка, отдаленно находящаяся далеко на востоке. То есть в этой традиции Синяя Орда стала **«географической точкой, находящейся на востоке»**.

4. Персидская среднеазиатская традиция (Махмуд Бен Вали). Тут впервые появляются значения Ак-Орды как государства (мамлакат). То есть в этой традиции Ак Орда (она же ошибочно названная Йуз Орда) это государство Бахадур-хана, сына Шибана.

Здесь необходимо сделать следующую ремарку. Ошибочное прочтение термина «Йуз Орда» (буквально «сто орд») возникло из-за погрешности при написании или переводе оригинальной части текста источника. В действительности, данное название звучало как «Боз Орда» – «светлая» или «белая орда». В.П. Юдин, в свое время изучавший этот сюжет, связанный с этим словом, обратил внимание на то, что термины «боз орда» и «йуз орда» «отличаются друг от друга в арабском написании только одной лишней точкой под первым зубчиком слова йуз, которая в скорописном тексте часто сливается со второй точкой, почему слова боз и йуз становятся графически неразличимыми»²³. Сейчас уже можно точно сказать, что название «Боз Орда» в восточных письменных источниках, вполне (параллельно) согласуется со сведениями устных источников, в частности, например, с эпическим жырмом «Ер Едиге». И в ус-

тной, и в письменной традиции «Боз Орда» – это вторичное (или иное) обозначение ставки-юрты «Ак Орда» джучидских ханов (об этом подробнее см. ниже).

5. Постордынская (степная тюркская или даштыкыпчакская) устная традиция (героический эпос, Кадырали Жалаири). К примеру, у казахов под Ак Ордой понимается ставка хана или верховного правителя, причем, нет никакой связи этой ставки с конкретной династией. К примеру, Кадырали Жалаири понимает под Ак-Ордой ставку Бориса Годунова. Интересны сведения об Ак-Орде из эпоса об Едиге. Из истории изучения настоящего произведения известно около 30 вариаций этого эпоса. Первые записи жыра об Едиге зафиксированы у башкир и, что весьма интересно, относятся к XVIII веку²⁴. Существуют казахская, ногайская, каракалпакская, башкирская, узбекская, туркменская версии дастана, а также отмечено более 20 вариантов в татарской эпической традиции, включая крымско-татарскую и сибирско-татарскую. Уже сейчас только в Казахстане, в рамках большой государственной программы «Мәдени мұра» было опубликовано 8 (!) казахских вариантов интересующего нас эпоса²⁵. Их общее количество со временем (включая все версии тюркоязычных народов) может превысить 40 единиц!

На эпосе об Едиге можно остановиться подробнее, так как он ранее не привлекался при научном исследовании вопросов об Ак-Орде.

Шокан Валиханов, определяя датировку, считал, что «джир Идыге по событиям относится к концу XIV века, должен быть составлен в начале XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке, примечательно также и то, что в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова»²⁶.

Использовались ли в прошлом в востоковедной историографии сведения об «Ак Орде», встречающиеся в этом народном дастане, в решении вопроса названия и географической привязки официальной резиденции (орда-ставка) золотоордынских ханов, нам неизвестно.

Действительно, в эпическом дастане «Ер Едиге» («Едиге жыры» в каз. вар.) «Ақ Орда» в качестве ставки (резиденции) золотоордынского хана упоминается регулярно. Так, согласно повествованию о главном герое, когда Едигей, который избежал гибели со стороны заранее сговорившихся приближенных хана Токтамышша, и бежал из его владений, на ханский совет был приглашен престарелый Сұм-жырау. Этот вещий сказитель в своей блистательной поэтической речи (жыр), адресованной Токтамыш-хану, повествует ему о его будущей судьбе и говорит следующие примечательные пророческие слова:

*Алтыннан соққан Ақордаң,
Күмістен соққан ақ есің,
Түсі суық шым – болат,
Ұшыменен ашар-ды...
Тоқсан басты ақ орда
Тонамай ие болар-ды²⁷.*

*Золотом насеченную твою
Белую орду,
из серебра выбитые двери,
Он [Едиге. – Ж.С., А.К.] подымет
холодным лезвием булатного копья...
И в девяностоголовой твоей белой
орде без грабежа станет хозяином²⁸.*

(Перевод на рус. язык К.И. Сатпаева)

При переводе текста переводчик (или издатель?) допустил ошибку и перевел этот отрывок так: «И в шестидесятистрельной твоей кибитке без грабежа станет хозяином», хотя, как ясно видно из текста, речь идет о «девяностоголовой белой орде».

Также выражение «Алтыннан соққан ақ орданың. Күмістен соққан ақ есің» («Золотом покрытая Белая Орда») встречается в других местах данного эпоса²⁹.

Мы сейчас достоверно знаем, что ханская юрта (шатер-резиденция) джучидских властителей Сарая, по восточным письменным источникам, была позолоченной (отделанной золотом). Традиция возведения золотых шатров степных владык восходит к древней имперской традиции центрально-азиатских номадов, в соответствии с которой только верховные правители (каганы, кааны, ханы) имели право на возведение таких шатров, которые являлись неперенным атрибутом-признаком высшей власти в кочевых государствах. Таким образом, «Орда» – это место пребывания, ставка хана.

В татарской версии дастана об Едиге аналогично в отношении ставки Токтамышша используется эпитет «Золотая Орда» и «Ак Орда» в общей связке сюжетной канвы:

*Борын үткән заманда
Болгар белән Сарайда,
Жаяк белән Иделдә,
Алтын Урда, Ак Урда –
Данлы кыпчак жүрөндә,
Татардан туган Нугай илендә
Туктамыш дигән хан булды³⁰.*

*В стародавние времена,
Там, где была нугаев страна,
А предком Нугая был Татар,
Там, где стольный Сарай стоял,
Там, где вольный Идиль бежал,
Там, где город Булгар блистал,
Там, где текла Яика вода,
Там, где была Золотая Орда,
Там, где жили кыпчак и булгар,
Ханствовал над страной татар
Хан по имени Токтамыш³¹.*

(Перевод на рус. язык С. Липкина)

Следует обратить внимание на то, что «Ак Урда», как ключевое слово для нас, вообще осталось без перевода. Скорее всего, перевод С. Липкина не отражает двухсоставное (единое органичное) понятие, в которой «Золотая Орда» – это есть «Ак Орда», где сидит Токтамыш-хан и находится его резиденция. Все это, видимо, говорит о не совсем удачной литературной обработке поэтического текста переводчиком. Эпитеты «Алтын» и «Ак» неоднократно произносятся действующими лицами татарского варианта дастана. Так, сокольничий Токтамыш-хана – Кутлыкья-бек (отец Едигея) говорит своему хозяину следующие слова:

*Били белсән, ханиям,
Икселмәс дәүлет бу иде.
Алтын Урда, Ак Урда
Алтмыш йортка юл иде,
Кәрван, дөя килалмый³².*

*Эй, владыка-хан, великий хан!
Править умел бы ты страной,
Мощной владел бы ты казной,
Не терпел бы народ мытарств.
Вспомни: была Золотая Орда,
Белая Большая Орда,
Путем шестидесяти государств, –
Теперь караван не входит сюда,
Верблюды не знают твоих ворот³³.*

(Перевод на рус. язык С. Липкина)

Далее, нетрудно сделать сравнение как татарской, так и казахской версии эпического сказания, из которого следует, что и в том и в этом варианте «Золотая Орда» и «Ак Орда» – это синонимы или тождественные понятия-конструкции, которые нужно, исходя из указанного контекста, воспринимать нераздельно, то есть целостно.

Встречается в этом жыре, в монологе Кен-Джанбая, обращенном к Едигею, наряду с «Ак Ордой» и понятием «Боз Орда»:

*Ай Едиге сен енді қайт сана.
Кайтып Еділ өт сана,
Еңсесі биік боз орда
Еңкейіп сәлем бер сана,
Еріні жұқа сары аяқ
Ер сарқытын іш сана³⁴.*

*Эй, Едиге, теперь ты возвращайся,
Возвращайся, переправляйся через Едил.
Высокая просторная Белая Орда,
Приветствуй, низко поклоняясь,
Из тонкой желтой чаши
Отведай напиток богатыря³⁵.*

(Перевод на рус. язык
Н.Ж. Сагандыковой)

В других вариациях, например, в версии, изданной академиком К. Сагпаевым в 1927 г., вместо «Боз Орда» указана «Ақ Орда»:

*Эй, Едиге, сен енді қайт сана,
Кайтып Еділ өт сана,
Еңсесі биік ақ орда,
Еңкейіп сәлем бер сана,
Ернеуі жұқа сары аяқ
Ер сарқытын іш сана³⁶.*

*Эй, Едиге, возвращайся,
Возвращаясь, переплыви Волгу.
В высоковерхой Белой Орде,
Склоняясь, отдай-ка ты свой салям.
Из тонкогубой деревянной чашки
ты опять будешь пить саркыт
(гостинцы, остатки еды со стола
знатных гостей).*

(Перевод авторов статьи)

Кроме того, стоит отметить, что в других вариантах данного эпоса Ак Орда также упоминается: «оставил скот и Ак Орду»³⁷, «Упавшая Ак Орда»³⁸, «Бывшая холмистой Ак Орда»³⁹, «Шестикрылая Ак Орда»⁴⁰.

Также интересны упоминания об Ак Орде среди таких жырау, как Сыпыра-жырау (XIV век) («есть земля

под названием Ак Орда», «конфликт, решенный в Ак Орде»⁴¹, Казтуган-жырау (ногайский жырау XVII века) («Стержневая основа Ак Орды»⁴², Бухар-жырау (казахский жырау XVIII века, советник казахского хана Аблая) (шестидесятиканатная Ак Орда)⁴³.

Тем самым, нужно отметить, что сведения героических дастанов об Едигее дают ценную информацию о настоящем историческом обозначении ставки-резиденции золотоордынских ханов и, безусловно, отражают внутренний взгляд и представление кочевого населения джучидских улусов о реальном названии первопрестольного (политического) центра Джучиева Улуса. И это название, исходя из приведенных материалов, несомненно, было связано с Золотой Ордой – она же искомая Ак Орда (центральная ставка), которая, вне всяких сомнений, была расположена в улусе Бату и прочно ассоциировалась у тюркоязычных номадов Дашт-и Кыпчака, в эпоху поздней золотоордынской истории, с этим ведущим районом. Самое примечательное здесь также то, что исторические данные этого жыра *полностью согласуются* с надежными и проверенными *выводами* исследователей, вытекающими из тщательного анализа сведений восточных источников, из

которых следует, что «*Ак Орда*» это и есть столичная ставка-центр золотоордынских ханов, находившаяся именно на берегах Едиля, в Поволжье.

Резюмируя все вышесказанное об эволюции термина Ак-Орда и Кок-Орда, можно представить следующую схему (см. табл.).

Существующая в казахстанской историографии точка зрения, что Ак-Орда – это государство–предшественник Казахского ханства, при локализации Ак-Орды на востоке Улуса Джучи, ошибочна. Мы ранее затрагивали этот вопрос, критикуя устаревшую советскую парадигму⁴⁴.

Выше мы показали, что Ак-Орда ассоциирована с личностью Бату, а не Орда-Эджена. При этом необходимо заметить, что под термином Ак-Орда в степной традиции понимается не государство (*ел, иль*), а официальная резиденция, ставка-центр, «столица» властителей Джучиева Улуса. Изначально она была ставкой Бату и его потомков, а уже позже Ак-Ордой стали называть ставки ханов (чингизидских владык, претендующих на высшую власть). И эта золотоордынская степная политическая традиция называть ставку правителя термином «Ак Орда», судя по некоторым данным, оказала влияние на наименование резиденции русских

<i>Традиция</i>	<i>Значение термина Ак-Орда и (или) Кок-Орда</i>
Ордынская устная традиция (Утемыш-хаджи, Абулгази)	Ставка, резиденция (с привязкой к конкретной персоне), то есть Ак-Орда – ставка Бату и Кок-Орда – ставка Орда-Эджена (или Джучи)
Персидская Тимуридская историографическая традиция XV века (Натанзи, «Муизз ал Ансаб»)	Ак-Орда или Кок-Орда представлены как «род или потомки какого-то правителя»
Традиция русских летописей	Синяя Орда – это географическое место, находящееся на востоке
Персидская среднеазиатская традиция XVII века (Махмуд Бен Вали)	Ак-Орда – государство (мамлакат)
Постордынская устная традиция (устные эпосы, Кадыралаи Жалаири)	Ставка хана или верховного правителя , причем, нет никакой связи этой ставки с конкретной династией

государей (как у Кадырали Жалаири). Изменения значения терминов Ак-Орда и Кок-Орда в персидском (Натанзи, «Муизз ал Ансаб» и Махмуд Бен Вали) и русском языках (русские летописи) вызваны плохим пониманием самого термина персидскими и русскими летописцами, а в случае с трудом «Бахр ал Асрар...» – хронологической отдаленностью и изрядной противоречивостью первоисточников, которыми пользовался Махмуд Бен Вали.

Таким образом, можно считать установленным, что Ак-Орда изна-

чально была всего лишь обозначением ставки золотоордынских ханов – официальной столичной резиденции правителей Улуса Джучи, а не названием (тем более самоназванием) государства, как его понимают до сих пор некоторые исследователи. Более того, что весьма примечательно, такая степная политическая традиция сохранилась и в современном Казахстане, в наименовании официальной резиденции Президента – «Ақорда», расположенной в столице страны городе Астана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shamiloglu U.* Tribal Politics and Social organization in the Golden Horde. – Columbia University, 1986.
2. *Spuler B.* History of the Mongols: Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries. – Dorset Press. New York, 1989. – 222 p.
3. The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, Peter B. Golden. – Cambridge University Press, 2009. – 488 p.
4. Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева. – Астана: Фолиант, 2006. – Т. 39. – 448 б.
5. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. – 432 с.
6. *Валиханов Ч.Ч.* Идиге (джир). Вступление // ЗИРГООЭ. Сочинения Ч.Ч. Валиханова. Изданы под ред. Н.И. Веселовского. Т. XXIX. – СПб: Типография Главного управления делов, 1904. – С. 223–264.
7. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. – Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. – 480 с.
8. *Гаев А.Г.* Генеалогия и Хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Выпуск 4. том. 3. – Нижний Новгород, 2002. – С. 9–55.
9. *Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда. (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). – Ленинград: Соцэргиз, 1937. – 203 с.
10. *Ер Едіге.* Қ.И. Сәтбаевтың алғы сөзімен 1927 жылы Мәскеуде жарияланған басылым. – Алматы: Ғылым, 1995. – 152 б.
11. Жеті ғасыр жырлайды. Том 1. – Алматы: Жазушы, 2008. – 400 б.
12. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Избранные труды. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.
13. Идегэй. Татар халық дастаны. Байназар Әлменов рәсемнәре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – 535 б.
14. Идегей: Татарский народный эпос. Пер. С. Липкина. – Казань: Татар. кн. изд во, 1990. – 256 с.
15. История Казахстана в арабских источниках. Том 1. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 711 с.
16. *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. – 2007. – №1. – С.169–207.
17. *Кошенова Р.* История Казахского ханства в научном наследии Шокана Уалиханова // Материалы международной научно-практической конференции «От Казахского ханства к независимому Казахстану» 22–23 мая 2015 года. – Астана, 2015. – С. 188–195.
18. *Кушкумбаев А.К.* «Алтун босағалы ақ өргәні Сайын-ханғә салды...» (крыльевая модель в военно-политической организации империи Джучидов) // Военное дело Улуса

Джучи и его наследников: сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. – Астана, 2012. – С. 109–164.

19. *Кушкумбаев А.К.* «Алтыннан соккан акордан..»: о термине «Ак орда» в героическом эпосе «Ер Едіге» // в печати.

20. *Кушкумбаев А.К.* Крыльевая система в Улусе Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». – Казань, 2009. – С. 80–104.

21. *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. – Москва, 2004. – 311 с.

22. *Мухамадиев А.Г.* Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1995.

23. *Сабитов Ж.М.* Аноним Искендера как генеалогический источник // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. – Казань, 2008. – С. 117–122.

24. *Сабитов Ж.М.* Золотая Орда в Казахстанской историографии // Сборник материалов I городского Форума историков Қазақ хандығы – қазақ мемлекетінің тұғыры. – Астана, 2015. – С. 70–84.

25. *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* О новой парадигме истории происхождения Казахского народа // Второй конгресс историков Казахстана: сборник научных статей. – Астана: Издательство ЕНУ, 2014. – С. 274–283.

26. *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак-Орды и Кок-Орды // Золотоордынское обозрение. Вып. 2. – Казань, 2013. – С. 60–72.

27. *Сабитов Ж.М.* Натанзи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань, 2010. – С. 150–154.

28. *Сабитов Ж.М.* Рецензия на монографию: Ускенбай К.З. «Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи» // Научный Татарстан. – 2014. – №4. – С. 145–157.

29. *Сагандыкова Н.Ж.* Ч.Ч. Валиханов «О формах казахской народной поэзии»// <http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Sagyndykova.....2.....13.pdf>

30. *Сафаргалиев М.Г.* «Распад Золотой Орды». – Саранск, 1960.

31. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. [Текст]: факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина / подготовка к изд. Ю. Г. Баранова; комментарии и указ. М. Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 296 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Казахстана в арабских источниках. Том 1. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С. 15.

² *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. – Москва, 2004. – С. 160–170.

³ *Spuler B.* History of the Mongols: Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries. – Dorset Press. New York, 1989. – P.25.

⁴ *Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда. (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII– XIV вв.). – Ленинград: Соцэкгиз, 1937. – С.43.

⁵ *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. – Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. – С.146.

⁶ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – С.40.

⁷ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. [Текст] : факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина / подготовка к изд. Ю. Г. Баранова; комментарии и указ. М. Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – С. 28.

⁸ *Shamiloglu U.* Tribal Politics and Social organization in the Golden Horde. – Columbia University, 1986. – P. 165–168.

⁹ *Гаев А.Г.* Генеалогия и Хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Выпуск 4. Том 3. – Нижний Новгород, 2002. – С. 14.

¹⁰ *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск. – 2007. – № 1. – С. 195–204.

¹¹ *Сабитов Ж.М.* Аноним Искендера как генеалогический источник // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. – Казань, 2008. – С. 117–122. Сабитов Ж.М. Натанзи как

источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань, 2010. – С. 150–154.

¹² The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, Peter B. Golden. – Cambridge University Press, 2009. – P. 53.

¹³ The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, Peter B. Golden. – Cambridge University Press, 2009. – P. 82.

¹⁴ The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, Peter B. Golden. – Cambridge University Press, 2009. – P.221.

¹⁵ *Мустакимов И.А.* Еще раз к вопросу о цветообозначениях орд в Улусе Джучи (Термин Боз-Орда в источниках XVI – XIX вв.) // в печати. Выражаем глубокую благодарность Ильясу Мустакимову за предоставленную возможность ознакомиться с его статьей.

¹⁶ *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак-Орды и Кок-Орды // Золотоордынское обозрение. Вып. 2. – Казань, 2013. – С. 60.

¹⁷ *Мухамадиев А.Г.* Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1995. – С. 182.

¹⁸ *Сабитов Ж.М.* Золотая Орда в Казахстанской историографии // Сборник материалов I городского Форума историков Қазақ хандығы – қазақ мемлекетінің тұғыры. – Астана, 2015. – С. 70–84.

¹⁹ *Кушкумбаев А.К.* Крыльевая система в Улусе Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII – XV вв.)». – Казань, 2009. – С. 80–104. *Кушкумбаев А.К.* «Алтун босагалы ақ өргәні Сайын-ханға салды...» (крыльевая модель в военно-политической организации империи Джучидов) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников: сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. – Астана, 2012. – С. 109–164. *Кушкумбаев А.К.* «Алтыннан соққан ақордан...»: о термине «Ақ орда» в героическом эпосе «Ер Едіге» // в печати. *Сабитов Ж.М.* Рецензия на монографию: *Ускенбай К.З.* «Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи» // Научный Татарстан. – 2014. – № 4. – С. 145–157.

²⁰ *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. – С. 166.

²¹ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. [Текст] : факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина / подготовка к изд. Ю.Г. Баранова; комментарии и указ. М.Х. Абусейтовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – С. 33.

²² *Кошенова Р.* История Казахского ханства в научном наследии Шокана Уалиханова // Материалы международной научно-практической конференции «От Казахского ханства к независимому Казахстану» 22–23 мая 2015 года. – Астана, 2015. – С.192.

²³ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. [Текст]: факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина/ подготовка к изд. Ю.Г. Баранова; комментарии и указ. М.Х. Абусейтовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – С. 30.

²⁴ *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Избранные труды. – Л.: Наука, 1974. – С.353.

²⁵ Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева. Т. 39. – Астана: Фолиант, 2006. – 448 б.

²⁶ *Валиханов Ч.Ч.* Идиге (джир). Вступление // ЗИРГООЭ. Сочинения Ч.Ч. Валиханова. Изданы под ред. Н.И. Веселовского. Т. XXIX. – СПб.: Типография Главного управления делов, 1904. – С. 226.

²⁷ *Ер Едіге.* Қ.И. Сәтбаевтың алғы сөзімен 1927 жылы Мәскеу дежарияланған басылм. – Алматы: Гылым, 1995. – С. 42.

²⁸ *Ер Едіге.* Қ.И. Сәтбаевтың алғы сөзімен 1927 жылы Мәскеу дежарияланған басылм. – Алматы: Гылым, 1995. – С. 107.

²⁹ Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева. Т. 39. – Астана: Фолиант, 2006. — С. 20, 24.

³⁰ Идегэй. Татар халык дастаны. Байназар Әлменов рәсемнәре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – С.4.

³¹ Идегей: Татарский народный эпос. Пер. С. Липкина. – Казань: Татар. кн. изд -во, 1990. – С.5.

³² Идегэй. Татар халык дастаны. Байназар Әлменов рәсемнәре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – С.22.

³³ Идегей: Татарский народный эпос. Пер. С. Липкина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – С.13.

³⁴ *Валиханов Ч.Ч.* Идиге (джир). Вступление // ЗИРГООЭ. Сочинения Ч.Ч. Валиханова. Изданы под ред. Н.И. Веселовского. Т. XXIX. – СПб.: Типография Главного управления делов, 1904. – С.226.

³⁵ *Сагандыкова Н.Ж.* Ч.Ч. Валиханов «О формах казахской народной поэзии»// <http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Sagyndykova.....2.....13.pdf>

³⁶ *Ер Едиге.* Қ.И. Сәтбаевтың алғы сөзімен 1927 жылы Мәскеу дежарияланған басылым. – Алматы: Ғылым, 1995. – С. 43–44.

³⁷ *Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева.* Т. 39. – Астана: Фолиант, 2006. – С.88.

³⁸ *Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева.* Т. 39. – Астана: Фолиант, 2006. – С.111.

³⁹ *Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева.* Т. 39. – Астана: Фолиант, 2006. – С.134.

⁴⁰ *Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева.* Т. 39. – Астана: Фолиант, 2006. – С.153.

⁴¹ *Жеті ғасыр жырлайды. Том 1.* – Алматы: Жазушы, 2008. – С. 8.

⁴² *Жеті ғасыр жырлайды. Том 1.* – Алматы: Жазушы, 2008. – С. 22.

⁴³ *Жеті ғасыр жырлайды. Том 1.* – Алматы: Жазушы, 2008. – С. 44.

⁴⁴ *Сабитов Ж.М., Қушқумбаев А.К.* О новой парадигме истории происхождения Казахского народа // Второй конгресс историков Казахстана: сборник научных статей. – Астана: Изд-во ЕНУ, 2014. – С. 274–283.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об изменении значения слов Ак Орда и Кок Орда в разных историографических традициях. Изначально Ак Орда (Белая Орда) являлась ставкой Бату и его потомков. После пресечения линии Бату тюркоязычные источники подразумевали под Ак Ордой ставку любого правителя. В персоязычной традиции Кок Орда и Ак Орда означали название династии и (или) страны. В традиционных русских летописях Синяя Орда означала максимально отдаленную часть Улуса Джучи, находящуюся на востоке. В статье аргументировано мнение, о том, что Ак Орду нельзя понимать как некое государство Орда-Эджена и его потомков. Изначальное содержание Ак Орды – ставка, резиденция правителя.

Ключевые слова: Золотая Орда, Ак-Орда, Кок-Орда, Бату, Орда-Эджен, Едиге.

Summary

This article discusses the issue of changing the meaning of the word Aq Horde (White Horde) and Kok Horde (Blue Horde) in different historiographical traditions. Initially Aq Horde was the residence of Batu and his descendants. After Batu Khan, Turkic-speaking sources meant that Aq Horde is the residence of any Governor. In Persian tradition Kok Horde and Aq Horde means the name of the dynasty and (or) the name of the country. In traditional Russian chronicles Blue Horde is the part of the Jochi Ulus, located in the east. The paper argued the view that the Aq Horde can not be understood as a state of Orda-Edzhen and his descendants. Initially Aq-Horde was the residence of the Governor.

Keywords: The Golden Horde, Aq Horde, Kok Horde, Batu, Orda-Edzhen, Edige.

УДК 355/359

ТУРКМЕНЫ-КОМАНДИРЫ ЦАРСКОЙ И «БЕЛОЙ» АРМИЙ: ГЕНЕРАЛ ОРАЗ-СЕРДАР, СЫН ДЫКМА-СЕРДАРА

*Мурадгелди Соегов, академик Академии наук Туркменистана,
профессор, доктор филологических наук*

Постсоветский период развития туркменской гуманитарной науки характеризуется, прежде всего, новым, более адекватным подходом к событиям и историческим личностям прошлого столетия. Одним из направлений, которое нуждается в объективной, научной оценке, являются вопросы, связанные с участием офицеров-туркмен в Первой мировой и Гражданской войнах. Поэтому новые сведения, относящиеся к данной области знаний, воспринимаются с особой заинтересованностью не только со стороны специалистов, но также у широкого круга читателей. Об этом свидетельствует и тот факт, что после обнаружения наших статей ««Белый» генерал Ораз-Сердар в истории и литературе» в журнале «Язык и культура» на русском языке в Словакии (г. Прешнев) [7] и «İlk Türkmen general ve katıldığı tarihî olaylar» в журнале «Тюркология» на турецком языке в Казахстане (г. Туркестан) [12], к нам неоднократно обращались читатели с просьбой продолжить исследования об этой неординарной личности на основе нововыявленных фактов о его жизни и деятельности. Тем более, у автора этих статей за период, прошедший после их публикации, также появились некоторые новые суждения и мысли по данной теме.

Существуют различные предположения относительно присвоения

Ораз-Сердару высших военных чинов (армейских званий), дискуссионным остается вопрос о дате и месте его смерти. Не уточнено до конца: был ли он генерал-майором царской или «Белой» армии? Может быть, ему это звание было присвоено эмиром Бухары Сейидом Алим-ханом (1880–1944) – правителем одного из двух самостоятельных государств тогдашней Средней Азии (другое – Хивинское ханство, которое наряду с Бухарским эмиратом до 1917 года находилось в вассальном подчинении Российской империи), чтобы Ораз-Сердар мог вести переговоры с английским генералом, находясь в равном с ним положении? Почти во всех справочниках до недавнего времени констатировалось, что дата и место смерти Ораз-Сердара неизвестны. Лишь в последние годы появились отдельные публикации, в которых указывается, что он умер в 1919 году, находясь в соседнем Иране. В это же время другие авторы пишут, что в конце 1919 – начале 1920 гг. Ораз-Сердар на английском корабле прибыл из Ирана в порт Красноводск, что находится на туркменском берегу Каспийского моря. В настоящее время также есть и те, кто считает, что Ораз-Сердар вместе с другими представителями «белого» движения эмигрировал в Югославию и умер в 1929 году в Белграде. Все эти предположения, конечно, имеют право на существование, пока не будут

найлены архивные и другие достоверные источники, удостоверяющие подлинность того или иного сообщения ученых.

В последнее время на соответствующих сайтах Интернета его пользователями обнаружены отдельные архивные сведения о туркменском генерале Ораз-Сердаре Дыкма (Тыкме / Tagma) Сердар-оглы, которые содержатся в фондах Российского Государственного Военно-Исторического Архива. Например: РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34957.Л.78 об.(1914); Ф. 409. Оп. 1. п/с 305–410 (1891 г.) и др. В этих документах Ораз-Сердар часто называется именем Ураз и фамилией Берды, что фактически является искаженной формой его полного личного имени Оразберди. Его отец Дыкма-Сердар (1825–1882) – один из командиров туркменов в героической обороне Геоктепинской крепости в январе 1881 года [См.: 11], иногда называл своего десятилетнего сына именем Ахалберди, о чем сообщила в мае 1881 года одна из петербургских газет в статье об их пребывании в столице империи. Действительно, в мае 1881 года по специальному приглашению в Петербурге находилась небольшая делегация туркменов во главе с Дыкма-Сердаром, состоящая из его близких людей. От имени государя они были награждены медалями, карманными часами и другими ценными подарками, после чего и была сделана фотография (см. фото).

Примечательно, что архивные источники содержат конкретную дату рождения Ураз-Берды (Ораз-Сердара) – 7 января 1871 года. Военное образование он получил в кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище. Прослежена хронология присвоения ему военных званий до 1904 года: корнет (ст. 4.08.1892), поручик (ст. 4.08.1896), штабс-ротмистр (ст. 1.06.1900), ротмистр (ст.

Дыкма-Сердар (сидит в центре) и его сын Ораз-Берды (стоит, первый справа). Санкт-Петербург, май 1881 г.

1.06.1904), а также некоторые его награды [См.: 9].

В предвоенные годы Ораз-Сердар служил в Закаспийской области, а накануне войны – в составе Туркменского (Текинского) конного полка. В качестве одного из командиров подразделений данного полка участвовал в Первой мировой войне. В период войны стал заместителем командира полка и, очевидно, к 1916 г. уже имел звание подполковника, а к 1917 г. – полковника. Величайшим приказом от 2 декабря 1916 года награжден Орденом Святого Георгия 4 степени [См.: 5].

Ораз-Сердар – активный участник Гражданской войны 1918–1920 гг. Был командующим «Белой» Армии Закаспийского Временного Правительства, которое объявило и вело войну против большевиков. В своей пояснительной записке от 30 июня (13 июля) 1919 г. бывший Председатель Закаспийского Временного Правительства Ф.А.Фунтиков (1875–1926), называя Ораз-Сердара (в оригинале

Генерал Ораз-Сердар

Генерал Маллесон

Британский орден

Бухарский орден

Арас-Сердар) полковником и командующим фронтом, пишет, что Ораз-Сердар «всегда расхваливал туркменские части, много говорил об их стойкости на позиции» [См.: 3].

По данным «Туркменской Советской Энциклопедии» (т. 6, стр. 327), Ораз-Сердар 19 ноября 1918 г. в Байрамалы (где раньше находилось административное здание Мургабского имени русского царя) встретил английского генерала сэра Уилфреда Маллесона (Major-General Sir Wilfred Malleeson, 1866–1946) и вел с ними переговоры, а также от имени эмира-монарха вручил ему орден Бухарского государства. Генерал Маллесон руководил Британской военной миссией, которая находилась в Мешхеде (Иран). Первые подотчетные миссии вооруженные отряды по просьбе Закаспийского Временного Правительства для оказания военной помощи «белым» начали прибывать в область, начиная с июля 1918 года, а последняя часть британских войск в количестве 700 чел. покинула туркменскую землю (г. Красноводск) в августе 1919 года.

Один из непосредственных участников событий, развернувшихся в

разных регионах Азии при участии англичан, Latham Valentine Stewart Blacker (1887–1964) еще в 1922 году в своей книге «On Secret Patrol in High Asia» («В секретном патруле на высоких широтах Азии»), которая переиздана в Лондоне в 2013 году, пишет, что со стороны Британской короны туркменскому генералу был присужден почетный титул «Sir Oraz Sardar K.C.M.G.» [10].

Из справочной литературы узнаем, что сокращение К.С.М.Г., или KCMG, означает «(In the UK) Knight Commander of the Order of St Michael and St George», то есть «(В Великобритании) кавалер ордена II степени Св. Михаила и Св. Георгия». Исходя из этого, нетрудно представить такую картину: во время встречи в Байрамалы Ораз-Сердар вручил генералу Маллесону бухарский орден «Nişan-i Dar-üs-Saltan-i Buhara-i Şerif», а Маллесон, в свою очередь, прикрепил на груди Ораз-Сердара британский орден «The Order of St Michael and St George».

Не исключено, что звание генерал-майора полковнику Ораз-Сердару также было присвоено королем

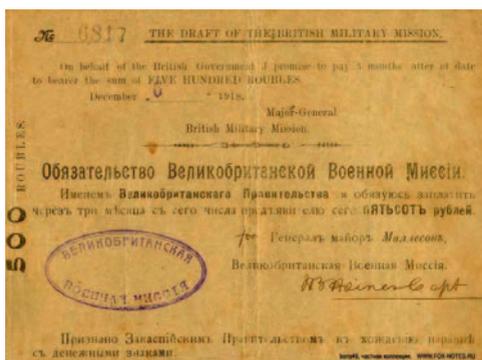
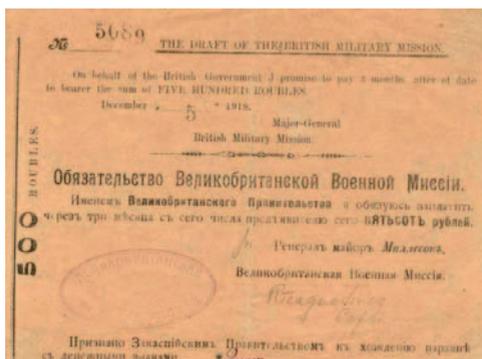
Великобритании по представлению той же миссии Маллесона. Аналогичный случай наблюдаем в отношении полковника русской армии Л.Ф.Бичерахова (1882–1952), осетина по национальности, который был одним из военных руководителей «белого» движения на Кавказе. До этого, в годы Первой мировой войны и Ораз-Сердар, и Л.Ф.Бичерахов служили в составе так называемой «Дикой» дивизии под командованием младшего брата российского императора Николая II – Михаила Александровича (1878–1918) [См.: 8]. В сентябре 1918 году Л.Ф. Бичерахов стал генерал-майором британской армии, поскольку он, как и туркменский полковник русской армии Ораз-Сердар, тесно сотрудничал с англичанами: 27 июля 1918 года в Энзели (ныне Иран) Л.Ф.Бичерахов заключил с англичанами (генерал Л. Денстервиль) договор о совместных действиях на Кавказе [См.: 1]. Неслучайно первым автором, назвавшим в своей книге Ораз-Сердара генералом еще в 1922 году, был именно англичанин Latham Valentine Stewart Blacker.

Таким образом, более или менее достоверно мы можем утверждать, что Ораз-Сердар был полковником русской армии и генерал-майором британской армии. Он эмигрировал не в Белград (и якобы умер там же в 1929 году), как считалось раньше, а уехал в Великобританию, как это сделал в те годы упомянутый выше генерал-майор британской армии Л.Ф.Бичерахов. Но эти предположения, особенно последнее, нуждаются в подтверждении архивными документами и другими достоверными источниками. С этой целью следует вести в будущем тщательную исследовательскую работу, как с материалами российских архивов, так и с источниками соответствующих архивов Великобритании.

Рассмотрим другой исторический факт, который, хотя и косвенно, может подтвердить эмиграцию Ораз-Сердара в Англию. За вывезенные и подготовленные к вывозу из области товары и оказанные военные услуги Британская военная миссия во главе с генералом Маллесоном от имени правительства своей страны взяла на себя финансовые обязательства путем выдачи ценных бумаг (бумажных бон), как займа у граждан, ибо в то время в Закаспийской области катастрофически не хватало денег. Так называемые тогда «маллесоновки» были распространены в трех выпусках от 5 (6), 14 декабря 1918 и 14 января 1919 гг. Если судить по номерам, у этих обязательств была сквозная нумерация с 10 000 выпущенных банкнот в каждом выпуске. Таким образом, оформленная, т.е. официально признанная общая сумма задолженности британского правительства населению Закаспийской области тогда составила 15 млн. рублей.

Штаб английских войск во главе с капитаном Реджинальдом Тиг-Джонсом располагался в Ашхабаде – административном центре Закаспийской области. Поэтому практическая работа английской военной миссии в области была возложена на капитана Тиг-Джонса, представителя его Величества в Ашхабаде. Он, за некоторыми исключениями, подписывался практически на всех облигациях за генерала Маллесона: «Именем Великобританского Правительства я обязуюсь заплатить через три месяца с сего числа предъявителю сего пятьсот рублей». В них имеется также запись: «Признано Закаспийским правительством к хождению наравне с денежными знаками».

Систематические ежедневные упадки, наблюдаемые в экономике и финансах из-за безуспешной войны с большевиками, не позволили Закас-

**Банкноты с обязательством
Британской военной миссии**

пийскому правительству и его английским покровителям вовремя производить через банки оплату по ценным бумагам с обязательствами Британской военной миссии. Можно не сомневаться, что «хозяева» изначально предполагали подобный финал своей финансовой сделки. Еще в 1926 году в печати отмечалось, что «многие из доверчивых держателей «маллесоновок» и по сей день крепко хранят их в полной надежде получить за них когда-либо английскими золотыми Sovereigns или индийскими серебряными рупиями ту сумму, что прописана на этих обязательствах» [6].

В 2005 году, спустя 80 лет после этой публикации, Михаил Истомин (Украина) и Давид Смит (Великобритания) в совместной статье утверждают, что «обязательства первого и второго выпусков были погашены частично серебряной монетой, привезенной из Индии. К сожалению, не-

известно точно, когда и как были погашены непогашенные обязательства первого и второго выпуска, а также третьего выпуска». В то же время они голословно стараются уверить читателей в том, что Британская военная миссия выполнила обещание до середины апреля 1919 года, а остающиеся непогашенные обязательства были выплачены банкнотами Закаспийского правительства. Свои тезисы авторы хотят обосновать тем, что эти банкноты редко встречаются в сохранившихся коллекциях [4].

Но такой подход к проблеме не выдерживает никакой критики, т.к. после установления советской власти многие уничтожили свои «маллесоновки», чтобы новые хозяева не обвинили их в пособничестве английским интервентам в прошлом. Уже к началу тридцатых годов коллекционерам практически не предоставлялась возможность приобрести эти бонны у местного населения из-за полного отсутствия таковых. Это – во-первых.

Во-вторых, о какой выплате со стороны Закаспийского правительства можно говорить, когда председатель этого правительства Ф.А. Фунтиков в начале 1919 года был арестован по обвинению в коррупции – растрате 7 млн. рублей, предназначенных для нужд фронта [3]. По сообщениям тех же М.Истомина и Д.Смита, были еще и подделки банкнотов (фальшивки), но «капитан Тиг-Джонс не придает никакой важности этой теме в своем дневнике» [4]. Но почему? Именно здесь, по нашему мнению, и «зарыта собака».

Реджинальд Тиг-Джонс (Reginald Teague-Jones, 1889–1988) известен как английский шпион, обвиненный в свое время в убийстве 26 бакинских комиссаров, начиная с 1922 года стал жить скрыто, сменив имя на Рональд Синклер (Ronald Sinclair). Одна из основных причин этого – желание

обезопасить себя от обвинений в совершении злодеяний в Закаспийской области, а также избежать преследования своих кредиторов – владельцев «маллесоновок» на общую сумму 15 млн. рублей, практически на каждой из которых стояла его подпись. Под новым именем Тиг-Джонс и прожил оставшиеся 66 лет. Лишь после его смерти, в 1988 году, вышли несколько книг, в которых он рассказывал о событиях тех времен [См. еще: 2].

Что касается нашего героя Ораз-Сердара, то в связи с вышеизложенным мы можем с большой долей

вероятности предположить, что он, будучи генерал-майором британской армии, по совету своих английских «друзей», прежде всего Тиг-Джонса, уехал вместе с ними в Англию и, сменив имя, прожил там в спокойствии до старости лет, а сообщение о его смерти в Буджнурде (Иран) в 1919 году было очередной «уткой» английской разведки, чтобы замести следы. Хотя жизнь другого генерал-майора британской армии, осетина-белогвардейца Л.Ф.Бичерахова, эмигрировавшего в Англию, была не столь спокойной и материально обеспеченной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. <http://www.litmir.info/br/?b=227941>
2. 26 бакинских комиссаров. <http://gistory.ru/content/26-bakinskikh-komissarov>
3. Из пояснительной записки Ф.А.Фунтикова от 30 июня (13 июля) 1919 года. <http://www.istprof.atlabs.ru/176.html>
4. *Истомин М., Смит Д.* Обязательства Британской Военной Миссии в Туркестане (декабрь 1918–январь 1919) // Петербургский коллекционер. – 2005. – № 3. http://www.fox-notes.ru/spravka/fn_st0019_istomin.htm
5. Кавалеры Св. Георгия 4-го класса. <http://george-orden.narod.ru/ordgrg4st1916.html>
6. *Кузовкин С.* Как были выпущены «Маллесоновки» // Советский коллекционер. – 1926. – № 7. – С. 4–6. <http://www.bonistikaweb.ru/SOVKOLSF/malesson.htm>
7. *Соегов М.* «Белый» генерал Ораз-Сердар в истории и литературе // Язык и культура. – 2013. – № 16. http://www.ff.unipo.sk/jak/rus/16_2013/soegov.pdf
8. *Соегов М.* Туркменский полк, расформированный в 1917 году в Киеве (в связи со столетием начала Первой мировой войны) // Східний світ. – 2013. – № 2–3. – С.64–73. http://www.irbis-nbu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbu/cgiirbis_64.exe?...
9. Ураз-Берды. <http://regiment.ru/bio/U/33.htm>
10. *Blacker L. V. S.* On Secret Patrol in High Asia. 1922. Reprint. – London: Forgotten Books, 2013. http://www.forgottenbooks.com/readbook_text/On_Secret_Patrol_in_High_Asia_1000071989/173
11. *Söyegov M.* Az bilinen eski fotoğraflarda kısa tarifleriyle Göktepe Savaşı'nın kahramanları // Тюркология. – 2013. – № 3–4. <http://turkology.iktu.kz/ru/index.php/muragat>
12. *Söyegov M.* İlk Türkmen generalvekatıldığı tarihî olaylar // Тюркология. – 2014. – № 1 (67). <http://turkology.iktu.kz/ru/index.php/muragat>

Аннотация

Статья посвящена анализу исторических событий, которые в той или иной степени были связаны с жизнью и деятельностью первого туркменского генерала Ораз-Сердара Дыкма-Сердар-оглы, сражавшегося на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. Многие страницы жизни этого боевого генерала до сих пор остаются «темными» и ждут своего освещения в прямом и переносном смысле этого слова.

Ключевые слова: Ораз-Сердар, война, командующий, эмиграция, военная миссия, финансовая задолженность.

Summary

Article is devoted to the analysis of historical events of our recent past which have been to some extent connected with life and activity of the first Turkmen general Oraz-Serdar Dykma-Serdar-ogly striking on fronts as World War I, and Civil wars. Many parties of destiny of this fighting general remain till now «dark», and wait for the illumination in direct and figurative sense of this word.

Keywords: war, the commander, emigration, military mission, financial debts.

УДК 001-057.4

ПАТРИАРХ СОЦИОЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

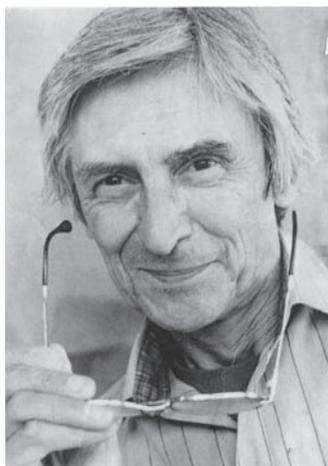
(памяти академика РАЕН, профессора
Э.С. Кульпина-Губайдуллина) (1939–2015 гг.)

А.А. Бурханов, кандидат исторических наук

14–18 сентября 2015 года в городе Судак (Республика Крым) прошла очередная XXV международная научная конференция «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». Ранее конференция собиралась в разных городах Крыма, Краснодарского края, подмосковном Звенигороде, польских Познани и Кракове и организовывалась непосредственно основоположником новой научной дисциплины – социоестественной истории – профессором Эдуардом Сальмановичем Кульпиным-Губайдуллиным под патронажем Научного Совета по проблемам Социоестественной истории (СЕИ) при Институте Востоковедения РАН при участии Польской академии наук, вузов и музеев Крыма. В работе этой научной программы ежегодно активно участвовали ведущие ученые и специалисты из регионов России и зарубежных стран, в том числе из Татарстана.

Эдуард Сальманович отдавал всю свою энергию, огромные знания и много сил организации работы Научного Совета по проблемам СЕИ при РАН, проведению международных конференций, изданию научного сборника и монографий серии «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории» и научного журнала «История и современность».

Последняя XXV конференция по проблемам СЕИ в крымском городе Судак в сентябре с.г.

года была посвящена уже памяти Э.С. Кульпина-Губайдуллина. Он скоропостижно умер в Москве поздно вечером 23 июня 2015 года после возвращения из Крыма. В связи с этим я хотел бы рассказать о жизни и научной деятельности нашего соплеменника, выдающегося ученого-востоковеда, философа и историка, основоположника СЕИ, доброго и внимательного учителя, друга и брата, высокоинтеллектуального человека – профессионала.

* * *

Об этом человеке ходили легенды, еще при жизни о нем говорили разное, по-разному относились к его научным взглядам, гипотезам, книгам и его деятельности. Несомненно одно – это был прекрасный человек, гражданин своей Родины и, конечно, большой ученый, внесший значительный вклад

в науку – в область экономических, философских и исторических знаний. Он был человеком нелегкой судьбы. Но его жизненный и творческий путь был честным и открытым для многих.

Он кандидат экономических наук, доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук (РАЕН), заведующий кафедрой истории Московского физико-технического института, главный научный сотрудник Института Востоковедения (до этого работал в Институте социологии) Российской Академии наук, руководитель Научного Совета по СЕИ при РАН, главный редактор научного журнала «История и современность», автор около 30 научных книг и монографий по экономике, философии, истории Китая, Востока, России, Евразии, Европы и Золотой Орды, редактор более 30 сборников по проблемам СЕИ.

Эдуард Сальманович родился 21 сентября (по документам – 28 сентября) 1939 года в Баку. В этом году ему исполнилось бы 76 лет. Его прадед по материнской линии Александр Кульпин был крепостным крестьянином-мастеровым, а прадед по отцовской линии Салих Губайдуллин был богатым татарским купцом, меценатом, покровителем просвещения и науки. Его сын (дед Э.С.Кульпина-Губайдуллина) Газиз Салихович Губайдуллин (Г. Газиз, 1887–1937 гг.) – яркая и многогранная личность, известный татарский историк, востоковед и писатель, выпускник Казанского Императорского университета с дипломом первой степени, первый профессор-историк из татар, тюрколог, автор многих статей и книг, в том числе изданной на татарском языке «Татар тарихы» (1925 г) («История татар»). Г.Газиз был расстрелян в 1937 году как главный идеолог пантюркизма.

Его сын Сальман (отец Э.С. Кульпина-Губайдуллина), прошедший всю

Великую Отечественную войну, вынужден был скрываться от преследований органов уже не только как сын врага народа, но и как один из оппонентов небезызвестного Лысенко. Мне повезло встретиться и общаться с Сальманом ага Губайдуллиным еще при его жизни. Это был простой, интересный и интеллигентный человек, глубоко любивший свой народ и Татарстан.

Сын Сальмана – Эдуард, у которого было нелегкое детство, до 1956 года сменил 10 школ в разных республиках бывшего Советского Союза, впоследствии поселился в Москве. Эдуард Сальманович еще в школе готовил себя к стезе востоковеда. С помощью одного из родственников (татарина) учил арабский язык, однако поступить в Институт восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова) не смог из-за здоровья.

Эдуард окончил Московский полиграфический институт. Во время учебы в институте был внештатным корреспондентом «Комсомольской правды». Предполагал стать журналистом. Но судьба молодого человека повернулась иначе, он пошел работать в лабораторию соединения металла с керамикой для производства вентилях полупроводниковых выпрямителей. Через два года ушел в аппарат Миннефтехимпрома. Эта работа позволила увидеть ряд производств: машиностроительных, металлургических, химических и дала уверенность в возможности разобраться практически в любом техническом вопросе и добиваться своего перед любым руководством.

Эдуард Сальманович никогда диссидентом не был, просто всегда мнение свое имел и, когда нельзя было молчать, – говорил. Защищал интересы специалистов и простых людей. Парадоксально, но дорога для карье-

ры не только не закрывалась, но, напротив, открывалась еще шире.

В 1970 году Э.С.Кульпин поступил учиться в аспирантуру Института международного рабочего движения. Условия были уникальные, и по тем временам аспирантам предоставляли относительно большую свободу. Эдуарду Сальмановичу было рекомендовано заняться историей современного Китая, уникальной страны мира. Диссертацию молодой учёный написал почти в положенные сроки. В 1975 году выпустил по ее результатам первую книгу «Технико-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая». Затем еще в течение двух лет публиковались его статьи, а потом 10 лет ни один научный журнал не принимал ни одну статью по современному Китаю.

В этой ситуации для молодого ученого-китаиста психологической отдушиной были поездки с лекциями по стране и работа в Агентстве Печати и Новостей (АПН). Полтора года он писал якобы для сингапурского журнала «Современный Китай и мы». Его делали пятеро молодых людей, которые, приняв на себя личины представителей Запада – снобов-интеллектуалов, немножко левых, но не слишком, писали, как пишут «они», лишь с некоторыми нюансами. Все авторы имели свою легенду. Э.С.Кульпин был профессором Эдом Вартом из Калифорнии.

Однако на Старой площади требовали не нюансов, а много больше. Эти требования в конце концов и провалили журнал. Мертвым грузом легли рукописи двух книг.

Но если нельзя писать о современном Китае, то можно было о дореволюционном, древнем. Э.С.Кульпин начал выступать с докладами, написал новую монографию. Историк-специалисты по античной истории встретили новичка в штаны. Отдел

Китая Института Востоковедения АН СССР рассматривал рукопись его книги дважды: сначала отклонил, а потом, в 1984 году, рекомендовал монографию к изданию и к защите в качестве докторской диссертации. Дальше книга 7 лет недвижно пролежала в редакции «Восточная литература». Лишь когда Э.С.Кульпин, по примеру Л.Н.Гумилева, решил ее депонировать, был собран совет, который оказался очень либерально настроен к его книге. На вопрос главного редактора: «Сколько она будет жить?» автор ответил — «самый малый срок 50 лет». Монография «Человек и природа в Китае» вышла в свет в 1990 году, в Москве была распродана за 15 дней и затем получила Первую премию на конкурсе Института востоковедения АН СССР.

Весь жизненный путь, на котором были и поездки с родителями в экспедиции, и работа помощником таксатора в Беловежской пушце во время аспирантских каникул, инженерное прошлое и, конечно, изучение истории великой китайской цивилизации, дал Эдуарду Сальмановичу ключ к познанию других цивилизаций, открыл глаза на новую научную дисциплину на стыке гуманитарных и естественных наук – социоестественной истории (СЕИ). В Институте стран Азии и Африки, в который он в юности не смог поступить, Э.С.Кульпин начал читать спецкурс СЕИ. В 1992 году он защитил докторскую диссертацию «Социоестественная история: предмет, методы и концепции». С того же года в Коктебельском заливе (Крым) он проводил ежегодную конференцию «Человек и природа — проблемы социоестественной истории». Он являлся руководителем ученых: историков, психологов, биологов, географов, геологов и других естественников. При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Институ-

та Востоковедения РАН Центр Социально-естественной истории при Академии Городской Среды, руководителем которого являлся Э.С.Кульпин, осуществил выпуск 15 книг по проекту «Генезис кризисов природы и общества в России». Затем им был создан Научный Совет по проблемам СЕИ при Институте Социологии и Институте Востоковедения РАН.

Социоестественная история, основоположником которой практически являлся Э.С.Кульпин-Губайдуллин, – это часть истории бисферы Земли, научная дисциплина на стыке естественных и гуманитарных наук, которая рассматривает взаимосвязь, взаимообусловленность процессов, явлений и событий в жизни общества и природы. При совмещении знаний разных наук происходит эффект, подобный цветной печати в полиграфии. Там наложение трех цветов — синего, желтого и красного — дает весь спектр радуги. Более того, появляются новые четкие линии, которые слабо намечены либо вовсе отсутствуют на отдельных моноцветных оттисках. В социоестественной истории аналог радуги – объемное, многоаспектное представление о процессах, явлениях и событиях: аналог линий – новые идеи, новые логические цепочки. В отличие от традиционных дисциплин, где всегда знаешь, чего добиваешься, в СЕИ много нового и неожиданного. Получаешь не только то, что ищешь, но и иное. Так характеризует новую научную дисциплину его основоположник.

Хочу назвать те книги, которые написаны лично Э.С.Кульпиным или подготовлены группой ученых – его коллег, под его редакцией или его усилиями изданы. Я кратко позволю себе охарактеризовать некоторые книги и сборники научных трудов, изданные в серии «Социоестественная история».

Кульпин Э.С., Пантин В.И. «Решающий опыт» (М., 1993). В этой монографии раскрывается взаимосвязь главных процессов в жизни общества в истории Европы.

Газиз Г. «История татар» (перевод с татарского) (М., 1994). Это первое русское издание первой и единственной до сих пор этнической истории татар. Перевод осуществили С.Г. и А.Х.Губайдуллины. Редакторы и автор предисловия – Э.С.Кульпин и Ш.Д.Мухамедьяров. Автор послесловия – В.И.Пантин.

Книга была написана Г.Газизом в 1919 году и переиздана в 1925 году. Автор книги – Газиз Салихович Губайдуллин – личность яркая и многогранная. История источниковедения, историография, литература и литературоведение – таков далеко неполный круг творческих интересов ученого. Г.Губайдуллин находился в водовороте общественной жизни своего времени. Начав свою деятельность как политик в бурные революционные годы, он активно включился в работу созданного 20 ноября 1917 года Миллэт Меджлисе (Национальное собрание мусульман Внутренней России и Сибири), вошел в состав коллегии по созданию Штата Идель-Урал. Там рука об руку с другими членами коллегии Г. Шарафом, Ф. Сайфи, Ф. Мухамедьяровым, С. Атнагуловым он занялся претворением в жизнь этого наиболее реалистического в условиях распада Российской империи проекта воссоздания национальной государственности татарского народа. Одна за другой из года в год из-под его пера выходили публицистические статьи и брошюры.

С течением времени он стал первым профессором из татар, читал лекции по истории тюркских народов в университетах Казани, Самарканда, Баку.

Особое место в научном творчестве Г. Газиза занимали проблемы истории татар. «История татар» становится одной из популярных в 1920–30-е гг. работ ученого. Временные рамки этого исторического очерка охватывают период с древнейших времен до начала XIX вв. Как показывает ученый, политическая и этническая история татар, государственность и культура прошли разные периоды развития: ранний – Тюркский и Хазарский каганаты, Великая и Волжская Болгария, зрелый – Золотая Орда и поздний – Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, Касимовское ханства, Ногайская Орда и другие татарские государства Восточной и Западной Евразии эпохи средневековья.

Изданием обобщающего исторического очерка в первые годы советской власти Г.С.Губайдуллин наглядно продемонстрировал, что татарский народ прошел длительный, сложный самобытный путь развития, доказав свое право на язык, этническую культуру, собственную государственность. Переход татарских земель в новый государственный организм после падения Казанского ханства знаменовал собою, по существу, рубежную веху в историческом развитии. В исторической памяти народа недавнее национальное угнетение и дискриминация татарской культуры со стороны самодержавия еще остро переживались во время издания книги. Поэтому выход в свет первой истории татар оказал заметное влияние на активизацию национально-освободительного движения в разных регионах расселения татар.

В начале XX века фактический объем наших знаний об истории татарского народа был много меньшим, чем сейчас. Современный читатель вправе сам оценить то, что написано в книге Г.Газиза.

Несмотря на дискуссионность отдельных положений, некоторых оценок, научное наследие Г.С.Губайдуллина, в первую очередь «История татар», имеет непреходящее значение. К нему обращались и обращаются в своих трудах многие отечественные исследователи, его широко используют в своих трудах зарубежные ученые. Издавая, а точнее, переиздавая книгу Г.Газиза уже на русском языке, Э.С.Кульпин-Губайдуллин и его коллеги поставили своей целью расширить аудиторию читателей этой книги, и они добились этого. Сейчас книга Г.Газиза доступна и простому учителю, и краеведу, и широкой научной общественности России и зарубежных стран.

Следующая книга Э.С.Кульпина «Путь России», изданная в 1995 году издательством «Московский лицей», является уникальным вкладом в изучение истории Евразии и России. В ней осуществлен первичный анализ первого социально-экологического кризиса XIV–XVII веков в том вмещающем ландшафте славяно-тюркского суперэтнуса, который впоследствии заняла Россия, и предпринимается первая попытка к выявлению системы ценностей россиян — ключу понимания процессов в стране и в прошлом, и настоящем. Причем, в книге анализ истории идет параллельно с путем развития Западной Европы, особое место в книге отводится идее о существенной роли тюрков и Золотой Орды в истории Российской государственности.

В книге «Лик сфинкса» (М., 1995) сделан акцент на проблемы антропогенных преобразований природных зон и ландшафтов, экологическому фактору в современной СЕИ России, результатам эмпирического изучения базовых ценностей российского славяно-тюркского суперэтнуса, истории взаимоотношений человека и природы на Востоке.

В книге «Генетические коды цивилизаций» (М., 1995) впервые формулируется идея целостной системы ценностей цивилизации как главного выражения представлений суперэтноса о мире и о себе, формулируются системы ценностей дальневосточной и западноевропейской цивилизаций.

В книге Э.С.Кульпина «Бифуркация Запад – Восток» (М., 1996) впервые делается попытка представить в целостном виде основы – принципы, аксиомы, законы и понятия социоестественной истории.

В сборнике статей «Билль о правах человека и природы» (М.-Л., 1997), изданном Э.С.Кульпиным при участии известных ученых – историков, физиков, географов, философов, экологов и других, анализируются современные представления о глобальном социально-экологическом кризисе, критериях оценки состояния биосферы в целом и в каждой стране в отдельности, ресурсной оценки потенциала России с позиции СЕИ, состояние осознания россиянами комплексных глобальных проблем, стоящих перед страной.

Книга «Крымские татары: проблемы репатриации» (М., 1997) написана группой специалистов, но основные авторы – Э.С. Кульпин и А.Р. Вяткин. Она является важнейшим и уникальным вкладом в изучение истории и самосознания крымских татар, к проблемам изучения репатриации и социоприродной среды Крымского полуострова, а также в ней рассматриваются сегодняшние позиции и взгляды ведущих ученых на вопросы депортации, репатриации и адаптации коренного народа Крыма. В книге детально рассматриваются нелегкие проблемы возвращения на историческую родину многострадального крымскотатарского народа, в мае 1944 года депортированного в Среднюю Азию и отдаленные регионы Урала, Сибири и

Казахстана. Авторы анализируют социальные, демографические, экологические, политические и идеологические проблемы репатриации.

Проведенные в 1992–1996 гг. в Крыму и Средней Азии учеными Института Востоковедения Российской Академии наук под руководством Э.С.Кульпина, полевые исследования позволили авторам в своих выводах опереться на уникальные материалы непосредственного наблюдения. Наряду с основными авторами, учеными, авторами монографии, небольших приложений стали политические деятели крымско-татарского национального движения и представители исполнительной власти Республики Крым.

Монография (книга-эссе) Э.С. Кульпина «Золотая Орда. (Проблемы генезиса Российского государства)» (М., 1998) – своеобразная развернутая заявка на исследование проблем генезиса российского государства, книга переиздавалась три раза. В ней собраны современные знания о процессах, протекавших в Восточной Европе в XIII–XVI вв., и выявляются истоки острейших проблем российского общества на переломе тысячелетий. В целом же она посвящена самому большому и организованному государству в средневековой Евразии XIII–XIV вв. – Улусу Джучи (Золотой Орде).

По мнению Э.С. Кульпина, тюркские этносы, объединившие в XIII веке основные народы Евразии и принявшие в XIV в. ислам, не смогли удержать свое лидерство, и два века спустя оно перешло к восточно-славянским этносам, однако сложившееся единство было обречено на жизнь. Фактически все положительное в организации государственной системы Российское государство взяло у Золотой Орды, золотоордынское влияние сыграло большую роль в дальнейшем подъеме России как государства и

русского народа как высокоразвитого этноса. Поэтому в изучении истории Евразии и России особое место нужно уделить Золотой Орде, подчеркивает автор монографии.

В труде «Человек и природа на Дальнем Востоке» (М., 1999) Э.С.Кульпин в форме лекций излагает результаты 20-летнего поиска генетического кода дальневосточной конфуцианской цивилизации. Несмотря на популярность изложения, сложность рассматриваемых проблем предполагает не массового, а элитарного читателя.

В сборнике статей, изданном Э.С.Кульпиным в 1999 г. под названием «Ландшафт и этнос», содержатся материалы, представляющие наиболее значимые результаты исследований в области социоестественной истории. В 1998 г. работы научной группы Кульпина имели свою направленность на решение теоретических проблем СЕИ и поиск первых подходов к социоестественной истории Японии.

В конце 1999 года Э.С.Кульпин выпустил сборник материалов VIII научной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории», которую он ежегодно организовывал и проводил в Крыму. Известные ученые и специалисты в этом сборнике под названием «Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе» обсуждают различные теоретические и практические вопросы взаимоотношений человека и природы в различные исторические периоды.

Важнейшей работой Э.С. Кульпина стала монография «Русь между Западом и Востоком» (М., 2001, 2012 г. на русском и польском языках). В ней автор рассмотрел процессы, явления и события в Восточной Европе VIII–XIV веков с позиции СЕИ – истории взаимоотношений человека и приро-

ды. Впервые показано, что протестантская этика – ментальная основа европейского капитализма – сложилась в эпоху Великой распахки за три века до развития капитализма. В книге подчеркивается особая роль Золотой Орды в истории Евразии в эпоху средневековья и дальнейших судьбах славянских, тюркских и других народов. В основу книги положен курс лекций, прочитанных автором в 1999 году в Университете им. Адама Мицкевича в Познани (Польша).

«Китай: истоки перемен (Образование и мировоззрение в 1980-х годов)» (М., 2002) – так называется фундаментальная монография Э.С. Кульпина и О.А. Машкиной. Работа посвящена процессам, происходившим в КНР в 1980-е годы, в решающее десятилетие для китайской реформы XX века. Основной акцент в работе сделан на изменение системы образования. Школа, по мнению авторов, наряду с семьей, является тем местом, где закаливаются основы мировоззрения, осуществляется общая и профессиональная подготовка.

Далее последовали сборники, изданные под редакцией Э.С. Кульпина-Губайдуллина: «Природа и ментальность» (М., 2003), «Человек и природа: история и современность» (М., 2004), «Эволюция российской ментальности» (М., 2005), «Природа и общество в глобализирующемся мире» (М., 2005), «Человек и природа: из прошлого в будущее» (М., 2006), «Природа и общество: Сибирь – судьба России» (М., 2007), «Social-Natural History (1992–2007)» (на англ. яз., М., 2007) и др.

В 2008 году московское издательство «Инсан» выпустило бесценную монографию Э.С. Кульпина-Губайдуллина «Золотая Орда: Судьбы поколений» (переиздана в Москве 7 раз, а также в Симферополе, в издательстве «Полуостров» в 2010 г. выпущен-

на специальная версия). Данная монография посвящена истории тюркских народов России, Казахстана, Украины, радикальным изменениям в жизни кочевников Евразии, которые вместе с оседлыми тюрками Волжской Болгарии создали уникальную степную городскую цивилизацию, преодолев неблагоприятные природные условия.

Особый интерес уделяется принципиальным изменениям в представлениях людей о мире и о себе, отношениях человека и природы, взаимоотношениям этносов, народа и знати, экологическим и экономическим критериям цивилизованности, роли Средневековой глобализации и системе престолонаследия, специфике полиса и хоры. Впервые в историческом анализе жизнь общества рассматривается как развитие живого организма, проходящего этапы принципиальных метаморфоз в ходе смен демографических поколений. Важным для развития в истории многих народов, в том числе тюрков и в целом России, этапов изменений (кризисов, подъемов и этапов возрождения) являются периоды развития 7 человеческих поколений.

В 2014 году издательством «Учитель» (Волгоград) к 75-летию ученого была выпущена его фундаментальная научно-методологическая работа «Социально-естественная история. От метода – к теории, от теории – к практике» (336 с.). В работе автор определяет цель СЕИ на стыке гуманитарных и естественных наук, во взаимосвязи природы, технологий и ментальности в прошлом и настоящем. Задача книги – дать читателю общее представление о теории и практике научного направления в текстах, написанных живым, образным и научным языком.

Крымскотатарские коллеги и друзья накануне 75-летия Э.С. Кульпина-Губайдуллина преподнесли ученому подарок, издав сборник его статей «Крымские татары и вызовы

XXI века» (Симферополь: «АРИАЛ», 2014, 164 с.). В нем содержатся собранные в хронологическом порядке воспоминания, извлечения из книги «Крымские татары – проблемы репатриации», интервью, статьи и заметки ученого, связанные с проблемами Крыма и крымских татар. В тот же год ему была присуждена Международная премия им. Чобан-заде.

С 2007 года Э.С. Кульпин-Губайдуллин всецело посвятил себя изданию и редактированию научного журнала «История и современность», который вошел в список лучших гуманитарных и исторических журналов России.

Мне посчастливилось встречаться и иметь близкие творческие и личные контакты и дружить с Э.С. Кульпиным-Губайдуллиным. Я участвовал в работе многих его конференций, опубликовал около 20 научных статей в сборнике «Человек и природа: проблемы СЕИ» и «История и современность».

Познакомился я с ним в 1995 году, в ходе Международной конференции «Россия и Восток», прошедшей в Челябинске и Аркаиме. Настоящее близкое знакомство с нашим коллегой и другом состоялось в Казани и райцентре Высокая Гора в декабре 1995 года, когда я, будучи организатором Первой Региональной научно-практической конференции «Проблемы истории и культуры Закавказья», пригласил его и профессора Ш.Ф. Мухамедьярова участвовать в работе этого научного мероприятия. Для меня и моих коллег приезд известных московских ученых был большой честью и сюрпризом. Для Э.С. Кульпина-Губайдуллина это был приезд в Татарстан, на родину своих предков. Эта наша встреча (вторая) сыграла большую роль в определении моей дальнейшей научной деятельности и сотрудничестве с Эдуардом Сальмановичем и его мно-

гочисленными коллегами и друзьями. Именно тогда у него созрела идея написания его уникальной монографии «Золотая Орда». Позже он стал частым гостем Казани и регионов Татарстана и участником многих Международных конференций и съездов татарских ученых. Тогда, в 1995 году, Ш.Ф. Мухамедьяров и Э.С. Кульпин-Губайдуллин выступили с очень интересными докладами, встретились с казанскими коллегами, местными краеведами, а также с руководством Высокогорского района, в частности с главой администрации – ныне президентом Республики Татарстана Р.Н. Миннихановым.

Позже, в 2009 году, Рустам Нургалеевич в Москве вручил благодарственное письмо Эдуарду Сальмановичу за вклад в изучение истории татарского народа и в честь 70-летия ученого.

Далее наши встречи с Эдуардом Сальмановичем стали частыми, мы встречались в Будапеште, Ашхабаде, Крыму, Москве, Познани, Баку, Азнакаево, Базарных Матаках, Уруссу и Казани.

Он был моим учителем, единомышленником и другом, стал близким и родным моей семье, особенно сыну и дочери. «Эдуард абый», как называли его мои дети, сильно повлиял на развитие их характера, кругозора и интересов, сыграл большую роль в выборе ими будущей профессии.

Последняя наша встреча и беседы состоялись 3–6 июня 2015 года в Саратове, в ходе научной конференции, посвященной золотоординскому Укеку, в рамках проведения татарского Сабантуя в Саратовском Поволжье. Он был полон энергии, замыслов и идей. Об этом позже мне неоднократно говорили мои казанские, саратовские, московские и зарубежные коллеги и друзья. А тогда, в Саратове, я даже представить не мог, что мы видимся в последний раз...

Завершая рассказ об этом прекрасном человеке, ученом и патриоте татарского народа и России, автора многих книг и трудов, скажу, что его имя и труды являются образцом научного героизма и гуманизма.

Он сделал очень многое для восстановления справедливости по отношению к истории татар, роли нашего народа в истории России и мира. Он внес большой вклад в привлечение молодых ученых Татарстана и татарского мира в историческую науку и оказывал содействие в публикации их статей и защите диссертаций. Не зря в Москве его называли татаринком, а в Казани москвичом. Несомненно одно: он был нашим другом, коллегой, учителем и надеждой.

Пока мы живы, будем помнить его, нашего Эдуарда Сальмановича, будем продолжать его дела, а его труды останутся в науке на века!

Аннотация

Статья посвящена жизненному пути и научной деятельности известного московского учёного – востоковеда, историка и философа основоположника новой научной дисциплины – социоестественной истории Э.С. Кульпина-Губайдуллина (1939–2015). Внук первого профессионального историка из татар – Газиза Губайдуллина, Э.С. Кульпин-Губайдуллин внёс значительный вклад в изучение истории тюрко-татар, Золотой Орды, взаимоотношений тюрков и славян, роли славяно-тюркского суперэтноноса в процессе генезиса Российского государства. Учёный, известный как патриарх социоестественной истории, являлся организатором международных конференций, автором и издателем многочисленных монографий и сборников по проекту «Человек и природа: проблемы социоестественной истории» а также, был главным редактором научного журнала «История и современность».

Ключевые слова: Социоестественная история, человек и природа, татары, Золотая Орда, славяно-тюркский суперэтнос, история татар, Восток, тюркские народы, система ценностей, Российское государство.

Summary

The article is devoted to the life and scientific work of the famous Moscow scientist - orientalist, historian and philosopher, the founder of a new scientific discipline – social and natural history E.S. Kulpin – Gubaidulin (1939–2015). The grandson of the first professional historian of the Tatars – Gaziz Gubaidulin, E.S. Kulpin – Gubaidullin introduced a significant contribution to the study of the history of Tatars of the Golden Horde, the relationship of the Turks and Slavs, the role of Slavo-Turkic super ethnos in the Russian state genesis process. The scientist known as the patriarch social and natural history, he was the organizer of international conferences, author and publisher of numerous books and collections of the project «Man and Nature: Problems of Social and Natural History» and he was the Chief Editor of the scientific journal «History and Modernity».

Keywords: Social and natural history, man and nature, the Tatars, the Golden Horde, the Slavo-Turkic super ethnos, history of the Tatars, East, Turkic peoples, system of values, the Russian state.

УДК 94"04/14"

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ СТОЛИЦА ЗЕМЛИ КАЗАНСКОЙ*
(вопросы хронологии, «столичного» статуса и историко-культурного значения позднесредневекового городка-крепости «Ычки Казан» – «Ички Казан» в среднем бассейне р. Казанка)

Р.Г. Галлям, кандидат исторических наук

Исторические города Среднего Поволжья, в особенности эпохи поздней Золотой Орды, Казанского ханства, относятся к числу малоизученных. В их числе легендарная Иски-Казань (Старая Казань) – по народным преданиям, первая столица земли Казанской.

Современное Иски-Казанское (Камаевское) городище находится на высоком правом берегу среднего течения р. Казанка, в 1,5 км от с. Камаево Выскогорского муниципального р-на Республики Татарстан (в 53 км от Казани выше по течению р. Казанки).

К северо-западу от села, на высокой террасе, возвышающейся над старицей реки, на мысу, образуемом глубоким, с крутыми склонами, оврагом с юго-запада и крутым обрывом к старице с юго-востока, на ровной, издавна распахиваемой площадке расположено городище, – свидетельствует археологический справочник. С севера городище окружено хорошо сохранившимся дугообразным валом и рвом с проездом. Примерно посередине на мысу также заметны следы вала и рва. Площадка городища имеет треугольную форму, протяженность с севера на юг 320 м, с запада на восток

у северного вала 350 м¹. Таким образом, общая площадь городища составляет 112 000 кв.м.

Оно известно в литературе с 70-х годов XVIII в.² Несмотря на, казалось бы, относительно неплохую археологическую изученность, территория старого городища и его окружи поныне таят в себе немало тайн и загадок, в числе которых достоверное время основания городка-крепости, хронология его «столичного» статуса, легенды, связанные с переносом «столицы» из среднего течения Казанки на устьевую часть реки – на место современной Казани и т.д. Задача их разрешения осложнена малочисленностью письменных источников эпохи.

Татарские предания связывают основание городка-крепости с завоевательным походом правителя Востока Тамерлана («Аксак Тимер») в 1391 г. на Болгар. Согласно легенде, жена («ханбике») убитого Тамерланом последнего правителя города – «хана» Абдуллы и их сыновья Алтынбик и Галимбик³ – чудесным образом были спасены жителями г. Биляр (Буляр). Предварительно подготовившись, последние, якобы, представили «ханбике» и ее двух сыновей взорам все-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального научно-исследовательского проекта «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 14-11-16026 («Малые города-крепости Среднего Поволжья в XV–XVII вв.: возникновение и развитие»).

могущего Тамерлана. И тот, очарованный ее красотой и сладостным красноречием, позволил ей с сыновьями, а также ряду освобожденных по ее просьбе знатных особ города Болгара поселиться в любой части Болгарского юрта, построив свой город. Впоследствии «ханбике» с сыновьями переехали на правобережье р. Камы и основали в среднем бассейне р. Казанки город под названием Болгар аль-Джадид («Новый Болгар») или Старую Казань (Иске Казан)⁴.

Однако достоверных письменных свидетельств, подтверждающих факт осады и завоевания г. Болгар в 1391 г. войском Тамерлана, не обнаружено. Тем не менее, учитывая, что этот год ознаменовался победным походом войска Тимура в Среднее Поволжье, такую вероятность исключить нельзя⁵.

Самые древние находки на территории современного Иски-Казанского (Камаевского) городища (джучидские монеты и т.д.) относятся к концу XIV в.⁶ В этой связи, сведения татарских легенд об образовании нового городка в среднем течении р. Казанка соотносимы с данными археологии. Поэтому есть основания предположить, что он был основан в конце XIV в., а именно в хронологическом отрезке между 1391 и 1400 гг.

Если по одним легендарным данным, город основали двое братьев, сыновья убитого Тамерланом правителя Болгара («хана») Абдуллы – Алтын-бек и Гали-бек («Галим-бек», «Гали-би»), то по другим – старший из братьев, Алтын-бек⁷. Как бы то ни было, Алтын-бек явился первым правителем округи – «княжества».

По одному из преданий, якобы, «один княжеский служитель, черпая из реки воду, уронил котел (казан) (медный. – *Р.Г.*) свой в реку; по этому случаю князь назвал реку и город Казанью»⁸.

В этой связи примечательно одно обстоятельство: хотя современное городище именуется «Иски-Казанским», в русскоязычной документации XVI – XVII вв. оно зачастую фигурирует как «Ички-Казанское» городище. Такое же название – «Ички Казан» (или «Ычки Казан») – носило и сельское поселение (слобода – ?) возле городка-крепости (совр. с. Камаево Высокогорского муниципального р-на РТ)⁹. Очевидно, что это их архаичные названия эпохи ханства. Русскоязычные транскрипции этих названий городища и поселения возле него на татарском языке интерпретируются как «Эчке Казан» («Внутренняя Казань»)¹⁰.

Вообще, определение «эчке» («внутренний») было характерным для социально-политической жизнедеятельности, топонимии и гидронимии позднесредневековых тюрко-татарских государств, в том числе и Казанского ханства. Так, понятием «эчке шәһәр» («внутренний город») обозначалась укрепленная (крепостная) часть города. В отличие от «задворных казаков», состоявших на службе у местных, вассальных от хана, князей и мурз, в Казанском ханстве «ички казаками» («эчке казаклар») называлась ханская (дворцовая) гвардия. Также известна речка Ичка («Ичка Казан» – «Эчке Казансу»), вытекавшая в свое время из оз. Верхний Кабан и впадавшая в р. Волгу в районе современного пос. Победилово г. Казани¹¹. Во всех этих случаях смысловое значение определения «ички» («ычки», «ичка») в русскоязычных источниках XVI–XVII вв. по-татарски одинаково – «эчке» («внутренний»).

Таким образом, есть основания полагать, что в эпоху ханства крепость-городок в среднем бассейне р. Казанка, а также поселение-слобода возле него носили название «Ички Казан» («Ычки Казан»), что по-татарски оз-

начает «Эчке Казан» («Внутренняя Казань»). Вероятно, что к их основным названиям «Казан» определение «ычки» – «ички» («эчке») было добавлено потому, что, в отличие от устьевой, «Новой Казани», они находились «в глубинке», на несколько отдаленных от Волги «внутренних» землях Болгарского юрта (улуса).

Как бы там ни было, очевидно параллельное существование двух названных городов-крепостей в определенный хронологический период времени – устьевой Казани и крепости-городка «Ычки Казан» («Ички Казан») в среднем течении р. Казанки (по крайней мере, до окончательного запустения городка-крепости «Ычки Казан» в середине XVI в.). В этой связи определение «ычки» («ички») в названии Ычки-Казанского (Ички-Казанского) городка-крепости следует рассматривать в рамках обычной топонимической традиции, когда одноименные поселения, для их различения между собой, получают в своих названиях дополнительные определения в виде «верхний» – «нижний» – «средний», «большой» – «малый», «старый» – «новый» и т.д.

Вместе с тем, уместен вопрос: почему же тогда ныне историческое городище, а также одноименный историко-культурный музей-заповедник называются «Иски-Казанскими» («Иски-Казанское городище», «Иски-Казанский музей-заповедник»)? Возможно, первопричиной топонимического казуса является государственно-канцелярское делопроизводство XVII в., либо народная память, согласно которой всякое наследие прошлого является «старым» («иске»). Отсюда простонародное название «старого» городища (в противовес «новой», совр. Казани) – «Иски Казан» («Иске Казан»). Согласно документам, данная трансформация топонима произошла между серединой и семи-

десятью годами XVII в. К 1678 г. он приобрел современную форму («Иски Казан»)¹².

Выше было отмечено, что крепость-городок «Ички Казан» (Эчке Казан) (другое, легендарное название – «Болгар аль-Джадид» – «Болгар эл-Жэдит», т.е. «Новый Болгар»), скорее всего, был основан в конце XIV в., во временном отрезке между 1391 и 1400 гг. Тогда Казанского ханства еще не существовало. Очевидно, с периода своего основания и до образования в 1437/38 – 1445 гг. Казанского ханства городок являлся «столичным» центром округа, некоего «княжества» под управлением вышеупомянутых «шахзаде» Алтын-бека и Гали-бека. В начале правил Алтын-бек – старший из братьев, затем – Гали-бек (Гали-би).

Впрочем, согласно дастану Ферхег-наме, Алтын-беку новые места не понравились, и он впоследствии перешел жить на р. Тобол¹³. Однако другая легенда повествует о его «полувековом» правлении здесь и уходе в бренный мир «столетним» старцем¹⁴.

Мы склонны придерживаться того мнения, что Алтын-бек, скорее всего, остался здесь и правил городком и его округой, т.к. тому есть косвенные свидетельства – опять же, легендарного характера. При том, конечно же, ни о каком «пятидесятилетнем» правлении Алтын-бека речи быть не может, поскольку примерно этим сроком определяется весь период существования самостоятельного Ички-Казанского (Ычки-Казанского) «княжества».

Сохранились предания о том, что Алтын-бек выстроил в «Старой Казани» (т.е. в «Ички» – «Ычки» Казани) мечети, медресе и мектебе для детей, разбил большие сады, привлек сюда со стороны много ученых мужей, которым выплачивал из казны ежемесячное жалованье. Переживая за разрушение города Болгар, всячески старался возродить былое величие от-

чего Болгарского юрта. Однако из-за общего запустения округа Болгар так и не смог добиться своего. Тем не менее, он возродил в г. Болгар Соборную мечеть («Хэлэф Жэмигы шэрифне»), Большое медресе, пригласив туда имамов и мударрисов (священнослужителей и учителей)¹⁵.

По одному из преданий, после смерти Тамерлана¹⁶ к Алтын-беку и Гали-беку присоединились третий (очевидно, младший) брат по имени Шеуне-бек (Шэунэ бэк) с сестрой. До того Шеуне-бек скрывался в г. Кашане¹⁷, где выдавал себя за учителя. Его сестра вышла замуж «за братнина полководца» (т.е. за полководца Алтын-бека) Мулла-Хазея (Мулла-Хажи)¹⁸, который был, наряду с Алтын-беком, «основателем Старой Казани, где и умер»¹⁹.

В этой связи исследователи XIX в. – священник Е.А. Малов и С.М. Шпилевский – указывают «на кладбище в ½ версте от города Иски-Казани, где более 300 лет тому назад положен... Мулла-Хазей, отчего и ключ, протекающий возле могилы, считается священным. К этому ключу набожные из татар, из близлежащих городов и деревень, приезжают на богомолье»²⁰.

Согласно легендам, после Алтын-бека правил его брат Гали-бек (или Гали-би), который также, как и старший брат, совершил немало благих дел.

Вероятно, что братья Алтын-бек и Гали-бек (или Гали-би) были единственными правителями Ички-Казанского (или Ычки-Казанского) «княжества» за относительно недолгий, примерно, полувековой период его существования до образования Казанского ханства в 1437/38 – 1445 гг. Правда, в одном из преданий, в свое время записанном со слов старца из с. Наласа (совр. Арский муниципальный р-н РТ) и повествующем об основании «Новой Казани» в устье

р. Казанки, упоминается правитель округи – «хан» и «царь» – по имени Гумер («Гомэр хан», «патша»)²¹. Однако это единичное сообщение, к тому же, несколько выбивающееся из общей канвы легендарных повествований о правителях «Старой Казани»²², никакими другими источниками, фактами не подтверждается.

Согласно легендам, именно при Гали-беке столица Ички-Казанского (Ычки-Казанского) княжества была перенесена в устьевую Казань, т.к. «места эти для народа показались невыгодными»²³. В однотипных татарских преданиях о «Старой Казани» характерно звучит недовольство местных женщин (в одних случаях – весьма знатных особ, в других – из числа простых жительниц разного возраста), их жалобы местным правителям на то, что трудно носить воду из реки на высокую гору²⁴. По некоторым легендам, князья-правители и сами были не вполне довольны местоположением своего городка²⁵.

Как бы там ни было, социально-экономические, политические основания для принятия непростого для местных правителей и населения решения очевидны – городок находился в отдалении от речных торговых путей, к тому же его местонахождение «в глубинке» затрудняло сношения с внешним миром. В этом отношении месторасположение устьевой Казани было гораздо более выгодным. Возможно также, что к тому времени относительно небольшая округа городка-крепости уже не могла в полном объеме обеспечивать социально-экономические, хозяйственные потребности все более увеличивающегося населения местности, т.е. отчасти исчерпала свои хозяйственно-экономические ресурсы.

К сожалению, в имеющихся письменных источниках этот процесс переноса столицы «княжества» из

«Ычки Казани» в устьевую Казань не прослеживается. Сведения легендарного характера, декларирующие о «104-летнем» и более существовании городка-крепости до обозначенного события, доверия не вызывают, т.к. серьезно противоречат существующей исторической хронологии. Собственно, в этом заключается одна из характерных особенностей татарских летописаний. В этой связи можно лишь предположить, что это политическое событие, ориентировочно, могло произойти незадолго до образования в 1437/38–1445 гг. Казанского ханства.

При этом буквально все татарские предания, повествующие о переносе «столицы» княжества в устье р. Казанки, связывают это событие с известным сюжетом сжигания и изгнания змей с Зилантовой горы («Елантау», в черте совр. Казани) и основанием, в этой связи, «Новой Казани»²⁶.

Однако, по свидетельствам археологов, опирающихся на новейшие результаты широкомасштабных археологических изысканий начала 2000-х годов, город-крепость на Кремлевском холме образовался еще на рубеже X–XI вв. Поэтому сообщения татарских легенд об основании несколькими веками позже в устье р. Казанки «Новой Казани» оказываются под большим сомнением. При этом самую возможность переноса столицы Ычки-Казанского (Ички-Казанского) княжества ближе к р. Волге, либо таковую попытку, нельзя исключать. К тому же, два городища на территории современной Казани – на Кремлевском холме и Зилантовой горе – в одно (пусть и не продолжительное) время могли сосуществовать. Примерно такого мнения придерживался в свое время и известный казанский исследователь-археолог Н.Ф. Калинин, который считал, что «в конце XIV в. на Зилантову гору была перенесена Казань с городища

Иски-Казань. Подтверждением своего предположения он считал находку при археологической разведке на склоне Зилантовой горы в 1950 г. белого изразцового кирпича с голубой поливой и фрагментов позднеболгарской керамики»²⁷. Следует также учесть, что археологически территория Зилантового городища поныне остается неисследованной до конца.

Имеется легендарное сведение о кончине последнего Ычки-Казанского (Ички-Казанского) князя Гали-бека (Гали-би) по пути следования в г. Болгар с целью посещения могилы своего отца. Однако, судя по всему, Гали-би и есть тот самый летописный «Либеи», убитый в 1445 г. сыном золотоордынского хана Улу-Мухаммеда Махмутеком²⁸. В свое время такого же мнения придерживался известный исследователь XIX в. В.В. Вельяминов-Зернов, считая, что «упоминаемые вотчики казанские, по Воскр. летоп. – Либеи, а по Никон. – Азыи, одно лицо»²⁹.

Как известно, с этого периода начинается новый этап в истории Среднего Поволжья – эпоха Казанского ханства. Материалы археологии, а также письменные источники свидетельствуют о функционировании крепости-городка «Ычки Казан» («Ички Казан») и в это период, вплоть до падения Казанского ханства в середине XVI в. Мало того, в эту эпоху округа была одной из экономически развитых, «цветущих» регионов в государстве, с большой концентрацией сети поселений и социальной элиты в лице татарских беев (князей) и мурз. Помимо земледелия и скотоводства, были развиты металлургия, различные ремесла и промыслы.

Князь А.А. Курбский – полководец и сподвижник царя Ивана Грозного, непосредственно участвовавший в событиях, связанных с завоеванием Казанского ханства, так характеризует эти края в своих сочинениях: «В

земле той [Казанской] поля великие, и зело преизобильные и гобзующе на всякие плоды; тако же и двory княжат и вельмож зело прекрасны и воистину удивлению достойны, и села часты; хлебов же там на подобие множества звезд небесных; тако же и скотов различных безчисленное множество, и корыстей драгоценных...»³⁰.

Как реликт эпохи ханства, следы былого величия, экономической мощи татарских князей и мурз обнаруживаются и в документах второй пол. XVI–XVIII вв., связанных с неоднократными усилиями государства и православной церкви по их христианизации, отторжением у них остатков родовых земель и т.д.

Все это позволяет рассматривать Ички-Казанское (или Ычки-Казанское, по-современному, Иски-Казанское) городище и его округу как особый историко-культурный регион эпохи средневековых тюрко-татарских государств, заслуживающий специального изучения. Территориально мы ограничиваем пределы Ички-Казанской округи к западу селением Куркачи (совр. Высокогорский муниципальный р-н РТ), к востоку – городом Арск и его юго-западными окрестностями, к северу – бассейном речки Аты – правого притока среднего течения р. Казанки. По сути, это та «сторона», которую в простонародье издавна называют «Арча ягы» («Арская сторона»).

Наши ключевые выводы, сформированные на основе анализа имеющейся литературы и источников по теме, заключаются в следующем:

Городок-крепость под названием «Ички Казан» (Эчке Казан) или, по-другому, «Болгар аль-Джадид» («Болгар эл-Жэдит» – «Новый Болгар») в среднем течении р. Казанка, скорее всего, возник в конце XIV в., в хронологическом промежутке между 1391 и 1400 гг.;

Бронзовый гуннский котел (казан) V в., найденный в бассейне р. Сульча, на тер. совр. Аксубаевского муниципального р-на РТ (Иски-Казанский историко-культурный и природный музей-заповедник. Село Камаево Высокогорского муниципального р-на РТ).

Источник: <http://www.museum.ru/>

До образования Казанского ханства он служил «столичным» центром местной округи («княжества»);

Его перенос (точнее, перенос его «столичных» функций) в «Новую Казань», в устье р. Казанки, мог произойти ближе к периоду образования Казанского ханства;

Как город-крепость, административный центр округи в составе Казанского ханства, «Ычки Казан» («Ички Казан») продолжал функционировать вплоть до середины XVI в. В этот период его округа была одной из экономически развитых в государстве. Кроме земледелия и скотоводства, были развиты металлургия, различные ремесла и промыслы. Наблюдалась концентрация поселений, социальной элиты ханства (князей и мурз).

Ички-Казанская (или Ычки-Казанская) историко-культурная округа эпохи позднесредневековых тюрко-татарских государств, на наш взгляд, с запада ограничивается селением Куркачи (совр. Высокогорский муниципальный р-н РТ), с востока – городом Арск, с севера – бассейном речки Аты – среднего правого притока р. Казанки.

Иски-Казанское (Камаевское) городище и его округа, как памятник тюрко-татарской государственности

эпохи позднего средневековья, объект историко-археологического наследия уникального историко-культурного региона, заслуживает специального изучения, дальнейшей популяризации и музеефикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Тарской АССР. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С. 117.

² Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975 – С. 165.

³ Здесь частицу «бик» в личных именах «шахзаде» следует понимать в значении «князь». Соответственно, правильнее будет их называть «Алтын-бек» (или «Алтын-би») и «Гали-бек» (или «Гали-би»). Подача имени последнего в форме «Гали би» (т.е., буквально, в значении «князь Гали») встречается и в татарских легендах (см.: Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. – 51 б.).

Правда, одна из них представляет «Гали би» и «Галимбека» («Галимбәк») как двух разных «шахзаде» «хана» Абдуллы, первый из которых вместе со своим старшим братом Алтын-беком переселился в средней бассейн р. Казанки и заложил там «Старую Казань», другой («Галимбек»), якобы, основал на одном из притоков Волги, реке Черемшан, г. Булумер (очевидно, имеется в виду Билярское городище). Однако в этом фольклорном сведении обнаруживается хронологическое несоответствие с данными археологии, по которым г. Биляр, как болгарский город в бассейне р. Малый Черемшан, впрочем, как и поселение на месте совр. Бальмерского городища у р. Волги, близ одноименного села Спасского муниципального р-на РТ, были образованы не позднее X в. В этой связи, его достоверность не вызовет доверия (см.: Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники... – С. 64–71, 150–152). Скорее всего, в татарских легендах «Гали би», «Галимбик» или «Галимбек» являются лишь разными вариантами подачи имени одного и того же «шахзаде». Помимо того, это может быть и результатом его различного прочтения в старых арабграфических текстах преданий, где, как известно, гласные звуки отсутствуют.

⁴ Татар халык ижаты... – Б. 45–47, 58–59.

⁵ В частности, 18 июня 1391 г. состоялось одно из величайших сражений эпохи при р. Кондурче между войсками Тамерлана и золотоордынского хана Тохтамыша, по сути, предрешившее дальнейшую судьбу Улуса Джучи. По некоторым сведениям, в этой «битве народов» с обеих сторон участвовало по 200 тыс. чел.

⁶ Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники... – С. 117.

⁷ Татар халык ижаты... – Б. 47, 58; Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877 – С. 70.

⁸ Шпилевский С.М. Древние города... – С. 69; Татар халык ижаты... – Б.47.

⁹ См.: Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов: Публикация текста. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2006. – С. 334–336, 475–479, 532–534 и др.

Другое свое название – «Камаево» – поселение «Ычки Казан» («Ички Казан») возле одноименного городища получило в XVII в. в связи с тем, что здесь в конце XVI – начале XVII вв. находилось поместье князя Камая. По такому же принципу именем его сына, мурзы Кадряка, были названы еще два поселения в округе – Татарское и Русское Кадряково, а также селения Большое и Малое Кадряково на территории совр. Рыбно-Слободского муниципального р-на Республики Татарстан.

¹⁰ Попытки некоторых коллег-историков, не согласных с данной постановкой вопроса, базирующейся на письменных свидетельствах эпохи, интерпретировать на татарском языке определение «ычки» – «ички» русскоязычных источников каким-либо образом иначе, т.е. в значениях «иске», «еске», «аскы» или «аргы», «бирге» – не убедительны.

¹¹ Она была так названа потому, что по отношению к основному руслу р. Казанки имела «внутреннее, материковое» положение, текла в ближайших окрестностях Казани.

¹² Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Публикация текста. – М.: Институт Российской истории РАН, 2001. – Л. 460 об., 461 об.; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1209. – Оп. 1, ч. 2. – Кн. 6453. – Л. 423 об., 424, 431.

¹³ Шпилевский С.М. Древние города... – С. 70.

¹⁴ Татар халык ижаты... – Б. 47.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Как известно, восточный правитель Тамерлан умер от болезни в 1405 г. в Ораре.

¹⁷ Кашанское городище находится вблизи совр. с. Шуран Лаишевского муниципального р-на РТ, на правом высоком берегу р. Камы.

¹⁸ Его другие имена: «Мулла-Хозятаз», «Софин-харака».

¹⁹ Шпилевский С.М. Древние города... – С. 70–71.

²⁰ Там же. – С. 71.

²¹ Татар халык ижаты... – Б. 53–54.

²² В частности, по преданию получается, что он правил округой в то же время, что и князь Гали (Гали-бек, Гали-би).

²³ Шпилевский С.М. Древние города... – С. 70.

²⁴ Татар халык ижаты... – Б. 48–54.

²⁵ Там же. – С. 52.

²⁶ Об этом сохранилось много фольклорных преданий, по одному из которых «один из змей (по одним версиям – двухголовый, по другим – двенадцатиголовый летающий змей-дракон – аждаха. – Р.Г.) гнался верст 50 за всадником из Старой Казани, богатырем, который поджег солому; наконец, змей настиг богатыря у оврага неподалеку от нынешнего села Чурилино (совр. Арский муниципальный р-н РТ. – Р.Г.), и растерзал его на 6 частей, отчего этот овраг и поныне у татар называется алты-кутар («Алты кутар». – Р.Г.) (у русских кутарка), что значит шесть частей». По легендам, перед тем несколько раз пораженный отравленным копьём отважного богатыря, змей и сам не выжил (см.: Татар халык ижаты... – Б. 48, 49, 52–53, 55; Шпилевский С.М. Древние города. – С. 72).

²⁷ Халиков Альфред, Шавохин Лев. Древнейшая Казань // Казанские истории. – 2005. – № 10 – С. 14.

²⁸ «Лиbey» – [Га]ли-бей («бей» – «князь»).

²⁹ Там же. – С.79.

³⁰ История Татарии в материалах и документах. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 91.

Аннотация

В статье, на основе письменных, археологических источников, народных преданий и легенд, рассматриваются проблемы хронологии, «столичного» статуса и историко-культурного значения, другие актуальные вопросы, связанные с изучением прошлого средневекового городка-крепости «Ычки Казан» – «Ички Казан» (в просторечье – «Иске Казан», «Старая Казань») в среднем бассейне р. Казанка и его округи.

Ключевые слова: позднее средневековье, конец XIV – первая половина XVI вв., городок-крепость «Ички Казан» («Ычки Казан»), Иски-Казанское (Камаевское) городище.

Summary

The article is devoted to the problems of chronology, «capital» status and its historical and cultural significance on the basis of written, archaeological sources, folk tales and legends. It also discusses other important issues related to the study of the medieval walled city «Internal Kazan» and its neighborhood, which was in the middle basin of the river Kazanka. (In the popular slang of the city called «Old Kazan»).

Keywords: Late Middle Ages, the end of XIV – first half of the XVI century, walled city «Internal Kazan», city-fortress «Old Kazan» (Kamaevskoe).

УДК 069.44

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ТУКАЙ-КЫРЛАЙ ТАТАРСКОЙ СНРПМ

Ю.А. Егорушкин, генеральный директор

ОАО Татарского специального научно-реставрационного управления,

Л.А. Мухаммадева, кандидат исторических наук

В марте 1970 г. в Министерство культуры Татарской АССР от имени членов колхоза «Тукай-Кырлай» обратился его председатель С.С. Садриев с просьбой о восстановлении дома в деревне Тукай-Кырлай, где жил татарский поэт Габдулла Тукай.

Министр культуры ТАССР Ю.Аминов не замедлил с ответом и 16 марта выслал письмо за № 274 в исполком Арского райсовета депутатов трудящихся, в котором поддержал просьбу членов колхоза о восстановлении указанного дома и одновременно предложил реставрировать 2-х этажный дом, где размещалось на тот момент правление колхоза, с сохранением всех архитектурных и декоративных элементов с целью введения его в комплекс дома-музея Г.Тукая. Последний предполагалось восстановить на соседнем с домом участке¹.

Татарская Специальная научно-реставрационная производственная мастерская (СНРПМ) уже в мае включила данный памятник в свой «План работ, предусмотренных СНРПМ по выявлению новых памятников архитектуры на 1970 год».

В связи с предстоящим юбилеем со дня рождения Г.Тукая в середине 1970-х гг. вышли постановления Совета Министров ТАССР за №№ 434 от 23 июля 1974 г. и 159 от 27 марта 1975 г. по созданию мемориального

центра Габдуллы Тукая и благоустройству села Новый Кырлай Арского района.

Министерством культуры ТАССР был составлен пятилетний план на 1971–1975-е гг. по ремонтно-реставрационным работам по памятникам культуры и истории Татарии, куда вошел жилой двухэтажный деревянный дом в деревне Новый Кырлай Арского района. В плане он значился как вновь выявленный памятник татарского народного зодчества республики, готовящийся к музейному показу. Общая стоимость работ по генеральной смете тогда составила 5 тысяч рублей². Аналогичный план был составлен также и на следующую пятилетку 1975–1980-е гг.

Начальник Госинспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР О.И. Пруцын в 1976 г. затребовал от Министерства культуры ТАССР представить список историко-мемориальных памятников Татарской АССР для проведения паспортизации и написания статей, согласно установленному плану Научно-исследовательского института культуры по подготовке Свода памятников, на что был представлен предварительный список памятников и памятных мест, связанных с жизнью деятелей культуры, науки и просвещения Татарстана. Согласно ему в Казани значилось 104

памятника, более 80 памятников предполагалось в республике³.

На 1976 г. СНРПМ уже была составлена программа по организации мемориального комплекса Тукай-Кырлай, сметная стоимость которой первоначально составила 25 тысяч рублей (в квартал выдавалось по 2 тысячи рублей). Проектно-сметная документация в тот момент находилась еще на стадии разработки⁴.

Уже за последующие три года были введены в эксплуатацию здание для музея Г.Тукая, котельная для центрального теплоснабжения мемориального центра, Дом культуры на 350 мест, средняя школа на 320 учащихся и сельский магазин. Создана парковая скульптура Г.Тукая и установлена перед музеем. В мемориальном центре были сооружены артезианские колодцы, водопроводная линия с колонками, искусственное водохранилище, велись работы по его декоративному оформлению.

От районного центра Арск до села Новый Кырлай была построена и введена в эксплуатацию асфальтированная дорога протяженностью 22 км. Вдоль нее были посажены лесные полосы шириной по 12 метров. Заасфальтированы центральная улица села и прилегающая к мемориальному центру площадь.

В рамках данной программы принимались меры по дальнейшему укреплению материально-технической базы и подъему экономики колхоза «Тукай-Кырлай». Завершалось строительство производственной зоны колхоза⁵.

На все эти ремонтно-реставрационные работы ушло 53 тысячи рублей, т.к. согласно справке по «Освоению средств по ремонту и реставрации памятников истории и культуры ТАССР за последние 10 лет 1970–1979 гг.» общая сметная стоимость «памятников Арского района: Мемориальный

комплекс Г.Тукая» составила 100 тысяч рублей, а остаток сметного лимита составлял 47 тысяч рублей⁶.

Однако, несмотря на это, некоторые пункты указанных выше постановлений не были выполнены в достаточном объеме. Так, в Постановлении Совета Министров ТАССР от 7 декабря 1978 г., помимо прочего, констатировалось, что Министерство культуры ТАССР «недостаточно проявляло инициативы в организации выполнения намеченных мероприятий по развитию и архитектурно-художественному оформлению мемориального центра Г.Тукая»⁷.

В целях дальнейшего улучшения благоустройства и завершения работ по оформлению мемориального центра Габдуллы Тукая и создания необходимых условий для более полного использования его в идейно-воспитательной работе среди трудящихся республики и туристско-экскурсионных групп председатель Совета Министров ТАССР Г.И. Усманов постановил:

«1. Утвердить задания по дальнейшему развитию, архитектурно-художественному оформлению мемориального центра Габдуллы Тукая и благоустройству села Новый Кырлай Арского района, составленные с учетом предложений республиканских творческих союзов, Татарского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, министерств и ведомств ТАССР и исполкома Арского районного Совета народных депутатов...

2. Поручить Министерству сельского хозяйства ТАССР и проектному институту «Татгипросельхозстрой» до 1 июля 1979 г. произвести корректировку проекта планировки и застройки центральной усадьбы колхоза «Тукай-Кырлай» – с. Новый Кырлай.

Проектному институту «Татколхозпроект» разработать проект благоустройства, Татарскому отделению

Художественного фонда РСФСР – монументально-декоративного оформления, Татарской СНРПМ объединения «Росреставрация» – реставрации дома, где родился Г.Тукай (в селе Кушлауч) и индивидуальных домов по центральной улице в с. Новый Кырлай до 1 февраля 1979 г.

В соответствии с этим проектом:

...Поручить Татарской СНРПМ объединения «Росреставрация» осуществить в 1979–1985 гг. реконструкцию и благоустройство центральной улицы и индивидуальных домов....

5. Проектному институту «Татаргражданпроект» Совета Министров ТАССР в I квартале 1979 г. разработать проект парка в мемориальном центре Г.Тукая...

6. Принять к сведению заявление заместителя председателя Татарского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В.Н. Гиревой о том, что реставрация дома, где родился Г.Тукай (в селе Кушлауч), будет проведена за счет средств Татарского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Поручить реставрацию указанного дома Татарской СНРПМ объединения «Росреставрация» (Н.З. Юсупов)...

9. Обязать Министерство культуры ТАССР до 1 января 1979 г. взять на баланс Государственного краеведческого музея здание мемориального музея Г.Тукая...

12. Министерству жилищно-коммунального хозяйства ТАССР ежегодно выделять исполкому Арского районного Совета народных депутатов дополнительно капвложения на внешнее благоустройство в объеме 20,0 тысяч рублей целевым назначением для с. Новый Кырлай.

13. Поручить исполкому Казанского городского Совета народных депутатов силами промышленных предприятий и организаций осуществить

в 1979 г. изготовление и установку металлических решеток протяженностью 507 погонных метров вокруг мемориального музея Г.Тукая согласно проекту планировки и застройки центральной усадьбы колхоза «Тукай-Кырлай» – с.Новый Кырлай...

17. Проектному институту «Татколхозпроект» до 1 июня 1979 г. разработать проект реконструкции хозяйственного двора центральной усадьбы колхоза «Тукай-Кырлай» Арского района...

18. Поручить Министерству культуры ТАССР постоянно контролировать и своевременно принимать завершенные работы по архитектурно-художественному оформлению мемориального центра Г.Тукая»⁸.

В 1978 г. управляющим делами Совета Министров ТАССР Н.М. Майоровым были определены «Задания по дальнейшему развитию, архитектурно-художественному оформлению мемориального центра Г.Тукай и благоустройству с.Новый Кырлай Арского района». Туда на ближайшие три года вошли следующие работы: строительство – административного здания для правления колхоза «Тукай-Кырлай», сельского совета и отделения связи (стоимостью 124 тысячи рублей); канализации села (стоимостью 60 тысяч рублей); торгового центра с гостиницей, магазином самообслуживания, кафе-столовой и комбинатом бытового обслуживания; подъезда к селу Кушлауч от автодороги Арск-Атня, протяженностью 7 км.; двух жилых домов; завершение – асфальтирования дороги Арск-Новый Кырлай на участке центр села – животноводческая ферма; строительства фермы крупнорогатого скота на 400 голов (стоимостью 30 тысяч рублей); асфальтирование кругового подъезда к мемориальному музею; установка трех павильонов с национальными орнаментами на автобусных останов-

ках; воссоздание ветряной мельницы; реставрация в селе Кушлауч дома, где родился Г.Тукай; капитальный ремонт Ново-Кырлайского сельского дома культуры; изготовление декоративных решеток для отопительной системы и барьеров для гардероба мемориального музея; реконструкция и строительство пристроя к зданию средней школы; устройство – дорожек из сенажных плит от мемориального музея до искусственного водохранилища; дорожек из железобетонных плит от мемориального музея до здания средней школы; установка – столбов и светильников паркового типа с прокладкой кабеля; железобетонных плит вокруг парковой скульптуры Г.Тукая; изготовление и установка металлических решеток вокруг мемориального музея Г.Тукая; газификация котельной мемориального центра жидким газом от подземных емкостей⁹.

В плане работ СНРПМ на 2 квартал 1981 г. значился «байский дом в колхозе Тукай-Кырлай» на сумму реставрационных работ 90 тысяч рублей. Ответственной по данному объекту была назначена инженер научного отдела СНРПМ В.Д. Семенова¹⁰.

В своем отчете за 1982 г. СНРПМ отчиталась, что план намеченных работ за год был выполнен на 102,8%, освоено 1130,8 тысяч рублей. Были произведены работы на объектах Казанского кремля, мемориального комплекса в Тукай-Кырлай, Кушлавыч Арского района, Спасского собора в Елабуге, в Булгарах, в Свияжке¹¹.

На следующий год СНРПМ было запланировано 15 тысяч рублей на реставрацию мемориального комплекса «Тукай-Кырлай» в Арском районе Татарской АССР. Однако в этом же году по неизвестным причинам по просьбе директора Татарской СНРПМ Н.З. Юсупова объединение «Росреставрация» с согласия Главного управления охраны, реставрации и

использования памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР исключило из плана на следующий 1983 год работы по данному комплексу и благоустройству надгробных камней в объеме 10 тысяч рублей с учетом сохранения общего объема ремонтно-реставрационных работ, выполняемых Татарской СНРПМ по памятникам истории и культуры в 1983 г.¹²

На наш взгляд, в последующие пару лет небольшие работы все же продолжались, но носили вялотекущий характер, т.к. в 1985 г. в числе российских объектов по архитектурным памятникам объект посетила московская комиссия в лице Министерства культуры РСФСР. В ревизии производственной и финансово-хозяйственной деятельности объединения «Росреставрация» за 1984 г. был выявлен ряд недостатков в деятельности объединения. Директор Татарской СНРПМ Н.З. Юсупов отметил, что данные недостатки в полной мере имелись и в казанской мастерской. Так, в числе прочих, в частности, отмечалось, что «по Тукаевским местам Арского района и в г.Казани не закончены проектные работы и не уточнена их стоимость», согласно чему приказом № 44 от 10 апреля 1985 г. планово-производственному отделу СНРПМ предлагалось «усилить контроль за соблюдением участками утвержденных программ»¹³.

Для производства архитектурного и инженерного надзора за мемориальным комплексом Г.Тукая в селе Тукай-Кырлай в тот период был закреплен главный архитектор СНРПМ Р.В. Билялов, заказчиком выступал Государственный музей ТАССР¹⁴.

В отчете СНРПМ за 1985 г. отмечалось, что «рабочие и служащие Татарской специальной научно-реставрационной производственной мастерской... успешно выполнили

план одиннадцатой пятилетки... За отчетный период проводились ремонтно-реставрационные работы на следующих важнейших объектах: ...музейному комплексу Г.Тукая в с.Новый Кырлай Арского района – реставрация рубленых стен, перекрытий оконных и дверных проемов и декоративных резных обрамлений на фасадах 2-х этажного дома и дома Сагди... В текущем квартале комиссия по качеству провела три осмотра: Ханскому дворцу в Болгарском городище, Дому Сагди в селе Новый Кырлай Арского района и Преображенской башне Казанского кремля. Качество работ отмечено хорошее. В IV квартале сданы два объекта: дом Сагди и музей Г.Тукая в с. Новый Кырлай Арского района с хорошим качеством»¹⁵.

В 1996 г. продолжились ремонтно-реставрационные работы в музее Г.Тукая в Кырлае, на что было выделено 100 млн. руб. Был заключен договор № 11 от 26 апреля 1996 г. между администрацией Арского района и директором Татарского специального

научно-реставрационного управления Н.З. Юсуповым на выполнение соответствующих работ на объекте Дом культуры в селе Тукай-Кырлай. Стоимость работ на тот момент год составила 450 тысяч рублей¹⁶.

Таким образом, благодаря 65-летней деятельности Татарской СНРПМ на территории нашей республики восстанавливаются памятники культуры и истории. На сегодняшний день музей Габдуллы Тукая находится в парковой зоне площадью около 3 га, на берегу реки Ия. Экспонаты расположены в 6 залах и на территории усадьбы крестьянина Сагди. Всего представлено свыше 600 экспонатов. Основа экспозиции – архивные материалы, рассказывающие о творчестве поэта. Благодаря реставрационным работам СНРПМ в музее воссоздана обстановка, окружавшая поэта в детстве. Музейный комплекс Габдуллы Тукая по праву является одним из олицетворений татарского деревянного зодчества XIX – начала XX вв. Татарстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1499. Оп. 1. Д. 149. Л. 12.
- ² НА РТ. Ф. Р-7237. Оп. 2. Д. 929. Л. 28, 53.
- ³ НА РТ. Ф. Р-7237. Оп. 2. Д. 1290. Л. 4, 61, 72.
- ⁴ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 149. Л. 3.
- ⁵ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 145. Л. 11.
- ⁶ НА РТ. Ф. Р-7237. Оп. 2. Д. 1716. Л. 20.
- ⁷ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 145. Л. 11-14.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 15-19.
- ¹⁰ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 186. Л. 61.
- ¹¹ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 198. Л. 25.
- ¹² НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 214. Л. 13-14, 29.
- ¹³ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 242. Л. 32-33.
- ¹⁴ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 255. Л. 67.
- ¹⁵ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 247. Л. 75-77.
- ¹⁶ НА РТ. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 363. Л. 1, 18.

Аннотация

Статья посвящена реставрации мемориального комплекса Тукай-Кырлай в селе Новый Кырлай Арского района Республики Татарстан. Авторы статьи на основе архивных документов выявили историю восстановления архитектурного памятника с

1970-х по 1996 гг. Благодаря специалистам Татарской СНРПМ музейный комплекс поэта Габдуллы Тукая является одним из олицетворений татарского деревянного зодчества XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: СНРПМ, Габдулла Тукай, мемориальный комплекс Тукай-Кырлай, село Новый Кырлай, реставрация, архитектурный памятник.

Summary

The article is devoted to the restoration of the memorial complex Tukay-Kyrlay in the village of New Kyrlay Arsk region of the Republic of Tatarstan. The authors on the basis of archival documents have revealed the story of the restoration of an architectural monument from the 1970s to 1996. Thanks to the specialists of SNRPM museum complex of Tatar Poet Gabdulla Tukay is one of the personifications of Tatar wooden architecture of XIX – early XX centuries.

Keywords: SNRPM, Gabdulla Tukay, memorial Tukay-Kyrlay, village New Kyrlay, restoration, architectural monument.

УДК 314(091)

ОТМЕНА УРОКОВ РЕЛИГИОЗНОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ (на примере Казанского учебного округа)

Л.А. Мухаммадеева, кандидат исторических наук

Вскоре после октябрьской революции 1917 г. началось разрушение существующей системы образования. Уничтожались прежние структуры школьного управления, закрывались многие частные учебные заведения, духовные образовательные учреждения, было запрещено преподавание древних языков и религии¹.

Согласно Декрету Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.² преподавание религиозных предметов в государственных и частных учебных заведениях не допускалось. Обучение вероучению могло осуществляться только в частном порядке.

Вслед за этим 25 февраля 1918 г. народный комиссар просвещения А.В. Луначарский издал Постановление Государственной комиссии по просвещению № 50 и 51. В одном из них «О светской школе» говорилось: «Российская республика предоставляет каждому гражданину полную свободу выбирать любое вероисповедание или вовсе не принадлежать ни к одному из вероисповеданий, в зависимости от его убеждений. Считаю религию делом совести каждого отдельного человека, государство в деле религии остается нейтральным, т.е. не становится на сторону ни одного вероисповедания, не связывает с ним никаких особых прав и преимуществ, не поддерживает материально или мо-

рально ни одно из них. Из этого само собой вытекает, что государство не может взять на себя религиозное воспитание детей. Ввиду этого на основании декрета Совета народных комиссаров 23 января 1918 г. преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, и исполнение каких-либо религиозных обрядов в стенах школы – не допускается»³.

Ввиду Постановления Совета народных комиссаров об отмене преподавания религиозных предметов (Закон Божий, вероучение) в школе, должности законоучителей всех вероисповеданий с 1 января 1918 г. упразднились⁴.

С 4 января 1918 г. во все педагогические советы средних и низших учебных заведений Казанского учебного округа последовало циркулярное предложение № 2082 управляющего округом, казанского губернского комиссара по просвещению А.Максимова о прекращении религиозного преподавания. В нем, в частности, констатировалось: «Для осуществления же преподавания религии вне школы рекомендую обратить внимание на постановку такового преподавания в Америке и Англии»⁵. О материальном обеспечении учителей планировалось сообщить дополнительно по получении соответствующих распоряжений Комиссариата по народному просвещению.

В последующем в дополнение последовал еще ряд распоряжений, в которых сообщалось, что вместо Закона Божьего в качестве необязательного предмета могло быть допущено преподавание истории религии или этики, но только при условии «научности и объективности» данных предметов, причем преподавателями не могли становиться священнослужители. Однако до конца текущего учебного года им еще разрешалось вести данные предметы. Более того, во внеурочное время в учебных заведениях допускалось и продолжение преподавания Закона Божьего. Под внеурочным временем подразумевалось время, отведенное значительным промежутком (2–3 часа) от конца учебных занятий.

Предлагалось одно из 6 учебных дней недели считать свободным от учебных занятий и предоставить его «для проявления самостоятельности учащихся в их организациях (научных, литературных, спортивных и др.)». В этот день «родителями данного учебного заведения в стенах его до конца нынешнего учебного года может быть осуществлено необязательное преподавание Закона Божьего». Преподавательский персонал в этот день считался свободным от исполнения своих обязанностей. Помимо этого «сознательно относящимся к вопросам религии» учащимся старших классов разрешалось создавать «на общих основаниях» религиозные общества, деятельность которых могла осуществляться только в стенах учебных заведений. При этом категорически воспрещалось «ни в начале, ни в конце учебного дня» совершать молитвы и религиозные обряды⁶. С 22 марта прекращалась выдача жалования законоучителям⁷.

В напряженной социально-политической обстановке в стране проведение в жизнь принципа светской школы оказалось непростым делом.

Выявилась острая нехватка кадровых учителей и преподавателей. Циркуляром Комиссариата по просвещению Казанского учебного округа № 2425 от 6 марта 1918 г. законоучители временно допускались преподавать историю этики и религии. В тех учебных заведениях, где преподавание религии было сохранено в прежнем виде, оплата труда законоучителям должна была производиться из «совершенно частных источников и частным путем, но ни в коем случае не из государственных или общественных сумм или из специальных и других средств учебных заведений. Лица, выдавшие учителям жалование из указанных средств после издания Циркуляра № 2530 (от 7 марта 1918 г. – Л.М.) привлекались к законной ответственности. Законоучители, преподававшие историю религии и этики, могли получать содержание из прежних источников». Предлагалось объявить этим временно оставленным законоучителям о том, что они увольняются со службы с 1 мая 1918 г. с выдачей «заштатного жалования за май месяц»⁸.

2 апреля 1918 г. Казанский комиссариат по просвещению Русской Федеративной Советской Республики «спешно, циркулярно» предлагал учебным заведениям, кроме открытых после 1 января 1916 г.⁹, не позднее чем в недельный срок сообщить подробные сведения:

1. В каком положении находится преподавание религии в данном учебном заведении.

2. Если преподавание религии производится, то из каких средств оплачивается труд законоучителей. С какого момента прекращена им выдача жалования из общественных или государственных сумм¹⁰.

С момента данных циркуляров в Казанский учебный округ со всех подведомственных школ, гимназий и училищ последовали ответные пись-

ма об исполнении указанных распоряжений, подробно описывающих положение в том или ином учебном заведении. Выяснилось, что в некоторых из них «перед началом учебного дня... ввиду выраженного желания со стороны учащихся, родителей их, Педагогического совета и неимения препятствий со стороны местного Совета рабочих и крестьянских депутатов молитву было решено совершать для желающих помолиться учеников»¹¹. Из Алексеевского высшего начального училища от родительского комитета был прислан запрос на разрешение «читать молитвы при и после начала учения», т.к. констатировалось, что «ученики все православные...», на что А.Максимов отписался: «Чтение молитв предоставляется инициативе самих учащихся»¹².

Были и недопонимания со стороны директоров учебных заведений. Так, из Мамадышского 4-х классного реального училища пришел запрос относительно «понимания термина «история религии»... в смысле ли истории всех религий, или только истории религии, исповедуемой учащимися». Ответ прислал казанский комиссар по просвещению: «Понимать как историю религий, излагаемую объективно, а не в духе одной только религии»¹³.

Общее собрание родителей учеников Казанской мужской гимназии № 3 во главе с председателем родительского комитета профессором Е.Ф. Будде, обсудив 1 марта 1918 г. циркулярное предложение Комиссара по народному просвещению Казанской республики от 7 марта 1918 г. об условиях преподавания Закона Божьего, решило, что, во-первых, при допущении преподавания Закона Божьего в стенах учебных заведений через 2–3 часа после окончания обязательных уроков учащиеся «ставятся в крайне тяжелое положение», так как многие из них жили вдали от гимназии и объ-

явленный промежуток должны были «употребить только на путешествие домой и опять в гимназию»; во-вторых, «такой, никакими разумными мотивами не вызванный, перерыв ставил в чрезвычайно сложное положение и учащихся, и преподавателей, и родителей, которым всем внушалась мысль, что Закон Божий допускается в школе под покровом вечера, как какая-то контрабанда, что не соответствует достоинству ни предмета, ни педагогической коллегии, ни родителей»; в-третьих, вынесение Закона Божьего за рамки установленного на текущий учебный год расписания уроков «произведет ломку учебных занятий в самом конце учебного года». В конце единогласно постановили: заявить требование, чтобы в течение текущего учебного года ликвидированный предмет преподавался в те часы, в какие он стоит по расписанию; касаясь молитвы «перед учением и после учения», то собрание родителей столь же единогласно постановило выразить комиссару решительный протест против посягательства на чувства их детей и на их привычку освещать молитвой свой труд»¹⁴. Через пять дней делегация от родительского комитета указанного учебного заведения посетила Казанского губернского комиссара по просвещению для выяснения данного вопроса. На что последний заявил, что «не может отступить от указаний, изложенных в его циркулярах, касающихся отмены преподавания религиозных вероучений в школе». Единственное, что он может рекомендовать – это «отвести для преподавания предмета Закона Божьего особый день в неделе, освободив этот день от общеобразовательных предметов». Обсудив предложение комиссара, родительский комитет постановил выделить четверг для преподавания вероучения за счет сокращения числа других уроков»¹⁵.

Вскоре после этого Казанского комиссара по народному просвещению посетила объединенная делегация от родительских комитетов и приходских советов г.Казани с целью «добиться разрешения преподавания Закона Божьего в учебных заведениях». Ходатайство депутации увенчалось, по заявлению ее участников, полным успехом, и родители учеников казанских учебных заведений выразили на спонтанно проведенных школьных собраниях желание возобновить прерванное преподавание Закона Божьего и восстановление молитвы перед началом уроков¹⁶.

В трудное положение была поставлена Казанская духовная семинария, в которой преподавалось 9 предметов, посвященных изучению религии (святое писание, церковная история, учение о западных исповеданиях, учение о русском старообрядничестве, проповедничество, литургия, практическое руководство для пастырей, основное богословие, догматическое богословие, христианская мораль). По-видимому, в связи с этим занятия в данном учебном заведении были прекращены уже 6 апреля 1918 г.¹⁷

11 апреля 1918 г. на собрании родительского комитета Омутнинской женской гимназии было заслушано циркулярное отношение об отмене преподавания Закона Божьего. «Родители, возмущенные в своем религиозном чувстве, считая это постановление посягательством на свободу совести и боясь за судьбу своих детей, лишенных нравственной опоры в религии», постановили также ходатайствовать перед Попечителем Казанского Учебного округа о разрешении преподавания Закона Божьего и «на местные средства в стенах школы», т.к. другие свободные помещения на Омутнинском заводе отсутствовали. «Циркуляр родителями был выслушан с большим возмущением и вызвал среди публики

нежелательное брожение», – констатировал председатель данного родительского комитета Н.Бобинский¹⁸. Подобное происходило и в учебных заведениях г. Тетюши¹⁹.

Родительский комитет Алатырской женской гимназии № 1 аналогично высказался по поводу запрета обучения вероучению, подчеркнув, что «запрещение... не мирится с провозглашенной Советским правительством свободой совести и идет в разрез с убеждениями родителей и их учащихся детей и может вызвать у них представление, что под видом свободы совести и Советской власти воздвигается гонение на религию»²⁰.

Родители и преподаватели Глазовской женской семинарии пошли еще дальше. На родительском собрании, проведенном 19 марта 1918 г., помимо признания преподавания Закона Божьего для воспитанников 1 и 2 классов обязательным, а для тех из воспитанников 3 и 4 классов, «которые заявят о своем согласии продолжать изучение Закона Божьего желательным», они, не располагая средствами на оплату труда законоучителя, обратились к Народному комиссару по просвещению А.В. Луначарскому с телеграфным ходатайством «об отпуске казенных средств на этот предмет». Однако, как высказался впоследствии председатель Педагогического совета семинарии С.Курпов, «результатов от данного ходатайства больше не имелось»²¹.

19 апреля 1918 г. Совет городского хозяйства г. Казани докладывал в Казанский комиссариат по просвещению, что преподавание религии в городских начальных училищах производился: в некоторых – на прежних основаниях, в других – отведен для этого особый день или после окончания занятий по общеобразовательным предметам. Труд законоучителей оплачивался из средств родителей

учащихся со времени прекращения отпуска средств на этот предмет из городских сумм, т.е. с 1 марта 1918 г.²²

Таким образом, во многих учебных заведениях уроки вероучения заменялись уроками истории религий, этики, морали²³, истории церкви²⁴, велись систематические чтения для освещения основных вопросов нравственности, материалом для которых служили статьи общелитературного характера и др.²⁵

Собранием 4-го Крещеного съезда, состоявшегося в апреле 1918 г., было постановлено на базе Казанской крещено-татарской школы организовать Казанскую крещено-татарскую учительскую семинарию²⁶. Открывшаяся в мае (официально в октябре) 1917 г. семинария просуществовала до 1919 г.²⁷ С началом нового учебного 1917–1918 года в ней были упразднены религиозные предметы, и обучение в семинарии стало развиваться уже в светском русле. В связи с тем, что она возникла после 1 января 1916 г., то, соответственно, не входила в список обязательного отчета об упразднении религиозных предметов. На их смену пришел предмет под названием «Этика и история религий». Помимо него в Казанской крещено-татарской семинарии преподавались следующие дисциплины: педагогика; русский язык и литература; история; история социальной и общественной экономики; география; природоведение; естествоведение; физика; астрономия; методика; этика и история религий; татарский язык, история и этнография; новые языки; сельское хозяйство; графическое искусство; трудовые процессы (ручной труд) (по дереву, столярно-токарные, переплетные, сапожные, рукоделие и лепка); черчение для ручного труда; детское чтение; выразительное чтение; пение и музыка; гигиена и подача (оказание) первоначальной помо-

щи заболевшим; упражнения и игры, гимнастика²⁸.

27 мая 1918 г. Постановлением Государственной комиссии по просвещению было введено всеобщее совместное обучение, отмена обязательного преподавания латинского языка и отмена оценок²⁹. С момента опубликования данного Постановления все без исключения учебные заведения должны были принимать на свободные вакансии учащихся обоего пола на равных основаниях. В целях «более последовательного осуществления принципа совместного обучения», прием новых учащихся должен был быть произведен следующим образом: мужские учебные заведения принимали на свободные вакансии в первые четыре класса преимущественно учащихся женского пола; женские учебные заведения, соответственно, наоборот, «с тем расчетом, чтобы количество учащихся обоего пола по классам было возможно более равномерным». Во всех вновь открывающихся классах и учебных заведениях прием учащихся обоего пола производился на том же основании. Прием учащихся обоего пола в старшие классы начиная с 5-го класса производился беспрепятственно³⁰.

Вторая глава Постановления была посвящена «немедленной отмене обязательного обучения латинскому языку» в общеобразовательной средней школе (во всех классах гимназий, бывших семинарий и духовных училищ). Гимназии «специально классического типа» временно сохраняли древние языки, как предметы, «обязательные для школы, но не для учащихся». Экзамены, переэкзаменовки, репетиции и летние работы по древним языкам также отменялись. При переводе из класса в класс и выдаче удостоверений о прохождении курсов, указания на изучение древних языков не являлись необходимыми, так же как

и указания на изучение других необязательных предметов. Введение в программу школы латинского языка, как «предмета дополнительного и необязательного», допускалось при наличии заявления учащихся по постановлению Педагогического совета, утвержденному соответствующим Отделом народного образования. Преподаватели латинского языка, «поскольку они не будут переизбраны для преподавания других предметов», получали содержание на общих основаниях, как неизбранные преподаватели, т.е. до 1 сентября 1918 г.

Третья глава Постановления «Об отмене отметок» гласила, что «применение бальной системы для оценки познаний и поведения учащихся отменялось во всех без исключения случаях школьной практики». Перевод из класса в класс и выдача свидетельства производилась на основании успехов учащихся, по отзывам Педагогического совета «об исполненной учебной работе»³¹.

С 1 октября 1918 г. по Постановлению коллегии отдела по просвещению Казанской губернии должности преподавателей латинского языка, помощников классных наставников (надзирателей) и классных надзирательниц (классных дам) в учебных заведениях были упразднены³².

Послабление в Казанском учебном округе было недолгим. 23 октября 1918 г. Казанский Комиссариат по просвещению Российской Федеративной Советской республики на основании статьи 6 Положения о Единой трудовой школе предложил «твердо и неуклонно проводить в жизнь воспрещение преподавания в стенах школы какого-то ни было вероучения и исполнения в школе обрядов культа. Независимо от сего изъять из всех школьных помещений иконы, картины религиозного содержания и все относящееся к вероучению»³³.

12 ноября 1918 г. по просьбе представителя Губернского отдела мари было созвано объединенное заседание ответственных работников Отделов чувашей, мари и других мелких народностей по неотложным вопросам народного образования. С докладом по вопросу о преподавании языков народностей, географии и этнографии в учительских семинариях выступил В.Н. Золиванов³⁴.

Казанский губернский отдел по просвещению 26 ноября 1918 г. разослал во все учебные заведения и уездные отделы народного образования Казанской губернии циркуляр следующего содержания: «...Озабочиваясь возможно быстрым изъятием из школьных библиотек книг, явно вредных по своему содержанию, не отвечающих духу новой Трудовой единой школы, Отдел единой школы при Народном комиссариате по просвещению просит Отделы народного образования немедленно изъять из обращения в школьных библиотеках таковые книги. В основу суждения о непригодности данной книги должны быть положены следующие соображения: 1) Книги патриотического содержания (истории царствования дома Романовых и т.п.), 2) сочинения догматически-религиозного характера, 3) ярко-тенденциозные произведения, не соответствующие духу Новой трудовой школы. Так как составление исчерпывающего списка подлежащих изъятию книг представляется невозможным, то решение этого вопроса в каждом отдельном конкретном случае, очерченное в общих чертах в приведенных пунктах, предоставляется компетенции Отделов народного образования. В случаях сомнительных являлось бы желательным обращение за указаниями в Отдел единой школы»³⁵.

14 декабря 1918 г. Секция мари и мелких народностей при Казанском

губернском отделе по просвещению Российской Советской Федеративной Социалистической Республики сообщила, что Постановлением Совета коллегии губернских отделов по просвещению Казанская крещено-татарская семинария переименована в Казанскую кряшенскую семинарию и ей присвоен в списке номер 6³⁶. Тем самым власти, следуя духу времени, упразднили религиозное слово «крещеный».

В итоге, 15 апреля 1919 года Коллегия Наркомпроса констатировала: «Отделение церкви от школы – наибо-

лее удавшаяся часть общей школьной реформы». Становится ясно, что вся школьная реформа фактически была затеяна только для этого отделения. Далее коллегия отмечала, что еще не вся «учительская масса окончательно завоевана новыми идеями социалистического просвещения», на которую еще надо «давить и давить», т.к. религия может вновь вернуться в школу, что может произвести «крайне тягостное впечатление на наших товарищей в Западной Европе, которые всегда особенно ценили культурную программу большевиков...»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуркина Н.К. История образования в России (X–XX века): учеб. пособие / СПбГУ-АП. – СПб., 2001. – С. 64.

² Газета Рабочего и Крестьянского правительства. – 1918. – № 15.

³ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 1-1 об.

⁴ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.

⁵ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.

⁶ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 6-7, 9, 12-12 об.

⁷ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 10.

⁸ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁹ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 191 об.

¹⁰ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 29.

¹¹ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 17-17 об.

¹² НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 22-23.

¹³ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 20-21 об.

¹⁴ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 83.

¹⁵ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 85.

¹⁶ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 118-118 об.

¹⁷ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 101.

¹⁸ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 125.

¹⁹ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 198-199.

²⁰ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 147-147 об.

²¹ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 159-159 об.

²² НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 110.

²³ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 93.

²⁴ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 121.

²⁵ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 107.

²⁶ За землю и волю. – 1918. – № 65 (103). – 8 апреля.

²⁷ Киняш. – 1929. – № 10 (213). – 15 марта.

²⁸ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 8. Л. 14, 18, 20; НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

²⁹ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

³⁰ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

³¹ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-12 об.

³² НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

³³ НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

³⁴ НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

³⁵ НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.

³⁶ НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 32.

³⁷ *Крупин В.* Как из школы изгоняли священнослужителей (электронный ресурс): http://ruskline.ru/analitika/2012/11/29/kak_iz_shkoly_izgonyali_svyawennosluzhitelej/ [Режим доступа: 20.12.2014].

Аннотация

В статье на основе архивных материалов рассматривается отмена религиозного вероисповедания в Казанском учебном округе. Автор описывает процесс вытеснения вероучения из средних и низших образовательных учреждений в 1918 году. Распоряжения и циркуляры властных структур привели к отмене или замене религиозных дисциплин на светские предметы.

Ключевые слова: Религиозное вероисповедание, вероучение, Казанский учебный округ, реформа образования.

Summary

The article on the basis of archival materials is devoted to the cancellation of religious worship in the Kazan Educational District. The author describes the process of religious doctrine displacement from the middle and lower educational institutions in 1918. Orders and Circulars of the authorities led to the cancellation or replacement of religious subjects to secular subjects.

Keywords: Religious belief, religious doctrine, Kazan Educational District, reform of the education.

УДК 94“04/14”

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В ПРАВЛЕНИЕ СИГИЗМУНДА III ВАЗА

Я.В. Пилипчук, кандидат исторических наук (Украина)

Одним из интереснейших аспектов истории крымских татар являются отношения Речи Посполитой и дунайских княжеств с Крымским ханством в 1586–1632 гг., то есть анализ татарской политики Сигизмунда III Ваза. Необходимо отметить, что взаимоотношениям Крымского ханства с Речью Посполитой этого периода уделили внимание Д. Скорупа, Д. Колодзейчик, М. Горн, Л. Подхородецкий [Podhorodecki, 1987; Podhorodecki, 2000; Horn, 1962; Horn, 1964; Skorupa, 2004; Kolodziejczyk, 2011]. Вопросы взаимодействия Крымского ханства со Швецией изучены Д. Тымченко, Э. Аметовым, К. Цеттерстееном [Тимченко, 2013; Ахметов, 2013; Zettersteen, 1945]. Вопросы взаимоотношений Молдавии и Трансильвании изучены в ряде работ молдавских и румынских исследователей [Очерки внешнеполитической истории, 1987; Osman; История Румынии, 2005]. Задачей данной работы является анализ политики Крымского ханства по отношению к европейским государствам в 1586–1632 гг. и разрешение противоречивых вопросов истории Крымского ханства.

Необходимо отметить, что ситуация в Восточной Европе, после того как Иван IV Грозный достиг примирения с шведами и Речью Посполитой, стабилизировались. Интересы Крымского ханства и Османской Империи разошлись с интересами Стефана Батория, который планировал создание

антимусульманской лиги европейских стран. Польские магнаты выбрали себе королем шведского королевича Сигизмунда III Ваза, который был фанатическим католиком и, по крайней мере, не запрещал казакам нападать на крымцев, а польско-литовским магнатам вмешиваться в дела дунайских княжеств. В 1584 и 1587 гг. крымцы продолжали совершать набеги на русских, пока Османы не привели к власти в 1587 г. Гази-Гирея II. В 1588 гг. запорожские казаки напали на татарские улусы. В частности, они опустошили Гезлеве, Очаков и Аккерман. В ответ на это крымский хан в 1589 г. совершил большой поход на Подолье, Галичину, Украину (Среднее Поднепровье). В Львовской летописи сказано, что в 1588 г. татары напали во время церковного праздника Спас. В Киевской летописи сказано, что татары разорили Подолье. В 1590 г. крымцы совершили еще один поход на Речь Посполитую. Львовский летописец отмечал, что татары сожгли Галич. Татарский посол в 1587 г. требовал уплаты упоминков в Кракове. В 1590 г. османский султан угрожал польскому королю нападением татарских орд. В 1590 г. крымскую столицу с визитом посетили шведские послы Э. Фальк и З. Рааламб. Эту миссию к крымцам отправил Юхан III Ваза, король Швеции. Необходимо отметить, что Сигизмунд III Ваза был и королем Швеции, по крайней мере, в 1592–1599 гг., правда, ему приходи-

лось вести войну за престол с герцогом Седерманландским. В последующем Сигизмунд III вел четыре войны с разными шведскими правителями, которые одержали победы над поляками и литовцами, завладели всей Эстляндией и Лифляндией, под контролем польских Ваза осталась только Курляндия. Еще до этих войн шведский король Юхан III заключил новый договор, на сей раз с Гази-Гиреем II, что шведы нападут на русских с севера, а крымцы с юга. Шведы сдержали свое слово и воевали под Ямом, Ивангородом, Нарвой, Выборгом. Благодаря активности крымцев на юге шведы победили в битве под Гдовом в 1591 г. В 1591–1594 гг. Гирей продолжали воевать против русских. Крымский хан не уставал мстить русским за то, что те хотели использовать Ислам-Гирея и Мурад-Гирея для шантажа Крымского ханства. Тем, что русские не отпускали мятежных Гиреев в Крым, они старались настроить крымцев против Речи Посполитой [Бевзо, 1971; Киевская летопись, 1989; Смирнов, 1887, с. 444–445; Грушевский, Т.7, 1995, Раздел 3; Kortepeter, 1966, p. 136–166; Sweden, *The Ottoman Empire and The Crimean Tatars*, с. 1580–1714; *Swedish-Tatar military alliance*].

Османь, сместив Мехмед-Гирея II, поспособствовали политическому кризису в Крымском ханстве. В 1584–1588 гг. Сеадет-Гирей, Сафа-Гирей и Мурад-Гирей оспаривали престол у Ислам-Гирея III. При этом они пользовались поддержкой ногайцев. Сафа и Сеадет в 1585 г. бежали в Кумыкию, а русские приняли Мурад-Гирея в Астрахани. Потом к нему присоединился Саадет, который заключил союз с кумыкским шамхалом. Русским было выгодно интриговать против Крымского ханства и ослаблять крымцев силами самих крымцев. Сеадет-Гирей в борьбе против хана использовал в основном ногайцев, но также в его вой-

ске были и кумыки, и донские казаки. В 1586 г. Мурад-Гирей вел переговоры с бием Большой Ногайской Орды, правителями Малой Ногайской Орды. Сафа-Гирей же кочевал в Кумыкии и у черкесов. В 1589–1591 гг. Мурад-Гирей был наместником в Астрахани и, вероятно, был убит крымцами, отравившими мятежного оглана в 1591 г. Сеадет-Гирей же умер еще в 1588 г. В 1591 г. у Гази-Гирея II уже практически не было конкурентов [Виноградов, 2010, с. 274–299; Гайворонский, 2010, 319–335].

По сведениям М. Бельского, крымцы вторглись в Русь (Галичину) и Подолье. До Львова они не дошли 4 мили. Когда они возвращались, 18 августа под селом Баворов состоялась битва. Польско-литовское войско во главе с киевским и брацлавским воеводой одолело татар, а запорожские казаки нападали на разбитых крымцев и далее, до татарских земель. В анонимной «Реляции международной» от 1589 г. указано, что в этом году Я. Замойский победил татар. По сведениям источника, в битве под Баворовом при обороне замка погиб Я. Струсь. И. Бельский по этому поводу написал эпитафию. Также гибель этого шляхтича подтверждал Я. Соликовский. Магнат Я. Збаражский отбил попытки крымцев овладеть замком Збаража. На реке Каменка был разбит татарский авангард во главе Жасобинито и Яндой (сыном Махетумеля). После этого началась битва основных сил, которая закончилась ранением хана и гибелью многих знатных татар, имена которых очень сильно искажены. В битве погибли Баты-Гирей сын Джасеневу, Сафи-Гирей, Солтан, Хозя (Ходжа), Джаксу-Улан, Али-Плорива, Караин, Каразаимский, Шир. Имена нескольких татарских вождей сильно испорчены польским автором и отождествить их с реальными крымскими аристократами сложно.

Об этой битве около Днестра не упоминают польские хронисты – П. Пясецкий, Я. Соликовский, Р. Гейденштейн. Зато о победе вполне уверенно говорит М. Бельский. Кроме того, историчность этой кампании подтверждена письмом запорожцев к самому Я. Замойскому. Поляки вместе с казаками атаковали татар у Днестра. Во время кампании 1589 г. недалеко от города Сороки поляки уничтожили 2 тыс. 700 татар, почти половину татарского отряда. А в другой битве потери татар насчитывали 9 тыс. (даже если предположить, что это существенное преувеличение, то все равно остается фактом, что Я. Замойский удачно воевал против крымцев). Несколько раньше под Оринином Б. Ружинский разбил крымцев. Согласно сведениям польских хронистов, крымцы совершили поход на Галичину в августе 1589 г., а возглавлял крымцев в походе сам Гази-Гирей. Хронисты указывали, что крымцы остановились недалеко от Львова. Кош татар находился между Тернополем, Янушполем и Збаражем. Около Бузска, Голых гор и Галича против крымцев сражались казаки. Продолжатель И. Бельского сообщал, что сражения с крымцами были около Дунаевцов, Бузска и Галича, чему противоречат другие польские источники [Bielski, 1856, Т.3, s. 1617–1621, 1653, 1688, 1709–1718, 1719–1740, 1744–1745; Вирьский, 2008а, с. 296–316; Bielski, 1861, s. 103–107; Solikowskij, 1855, s. 93–95; Hejdenstejn, 1857, s. 284–287; Вирьский, 2008б, с. 286–297].

В 1593 г. австрийский посол Э. Лясота сообщал, что хан собирает у Аккермана войско для похода на Венгрию. Впрочем, и запорожцы знали о подобных намерениях. В 1594 г. крымцы напали на Волынь и в том же году через Молдавию, направляясь в венгерские владения Габсбургов, атаковали Галичину. Причиной

нападения было названо нападение запорожцев Б. Милошинского у Очакова на татар и турок. В июле крымцы перешли границу у Снятына, были сожжены Коломыя, Обертин, Гвоздец, Тысменица, Чешибесы. М. Бельский называл сожженные татарами города – Снятин, Жуков, Глумач, Чешибесы. После этого были сожжены Тысменица, Галич, Калущ, Долина. Устоял только замок в Галиче, который оборонял С. Влодка. После этого татары сожгли Мартынов, Жыдачев, окраины Стрыя. Р. Гейденштейн писал, что хотя К. Острожский упоминал о возможном набеге крымцев, но ничего для его отражения не было сделано. Я. Замойский предлагал либо искоренить казаков, либо готовиться к войне. В Львовской летописи под 1594 г. сказано, что татары сожгли Галич. П. Пясецкий сообщал о татарском вторжении в Покутье. От гетмана Замойского хан требовал уплаты упоминков, однако крымцы не стали долго задерживаться в Галичине и двинулись на Дьер в Венгрии, а Я. Замойский стал ожидать татар на границе. В Киевской летописи было сказано, что в 1595 г. татары Подгорье и Покутье повоевали, идя через Бескиды в Венгрию. О походе Гази-Гирея II вскользь упомянуто Халим-Гиреем. Сообщалось, что в 1593/1594 гг. хан перешел Озю (Днепр), подошел к Турлу (Днестру) со стороны Польши и, ожидаемый, но неожиданный, появился в Венгрии и встретился у Сольнока с султаном. По сведениям Ибрагима Печеви, султан встретил хана в Венгрии торжественно. Вместе с ханом, по сведениям хрониста, пришло 150 тыс. воинов (что, конечно, преувеличение). Польский исследователь Д. Милевский считает более оправданной цифру в 25 тыс. Крымцы доходили в своих походах до Самбора. В ответ на это, по сведениям М. Бельского и Р. Гейденштейна, казаки напали на Аккерман.

В письме Комуловича временем набега запорожцев назван октябрь 1594 г. С. Наливайко около Тегини (Бендер) и Килии в 1594 г. взял в плен 4 тыс. мусульман. Казаки участвовали в делах Молдавии и Валахии в 80–90-х гг. XVI в. В 1592–1593 гг. и 1595–1596 гг. в Речи Посполитой произошли первые казацкие восстания, подавленные правительственными войсками. Тем не менее, столкновения казаков с татарами и участие в молдавских и валахских делах сделали запорожцам такую рекламу, что в 1593 г. к ним приехал посол австрийского императора Э. Лясота договариваться о найме. В 1595 г. в мире и союзе с казаками хотел быть Я. Замойский. Он хотел их использовать против турок и татар. Э. Лясота ошибочно считал столицей крымцев Ор-Капы (Перекоп), поскольку в Европе, кроме названия Малая Татария, Крымское ханство было известно как Перекопская Орда. В 1595 г. казаки сообщали о переправе крымцев через Днепр, а комендант города Сороки сообщал, что татары переправились через Днестр у Аккермана. Я. Замойский планировал кампанию и поход в Крым, однако от этого пришлось отказаться, когда в Молдавии господарь Ш. Разван, который поспешил принять польское подданство, поднял антитурецкое восстание. Османы просили татарской помощи, как и трансильванский князь Жигмонд Батори. В битве при Цецоре в октябре 1595 г. у Я. Замойского было 7250 воинов, однако они качественно были лучшим войском. В войске хана, кроме его воинов, находились татары из Буджака и Добруджи. Ставши лагерем, он при помощи пушек и мушкетов отражал нападения турок и крымцев на протяжении 18–20 октября. Крымцам и Османам пришлось пойти на уступки. Крымцы были вынуждены отступить из Молдавии [Podhorodecki, 1987, s. 116–124; Kolodziejczyk, 2011, p. 108–

111; Леп'явко, 1996; Erix Лясота; Щоденник Erixa Лясоти, 2003; Гейденштейн, 1889; Кушева, 1963, с. 278–283; Bieslki, 1856, T.3, s. 1719–1740, 1744–1745; Грушевський, Т.7, 1995, Раздел 4; Milewski, 2012, 273–275, 284–286; Milewski 2013, s. 63–68; Bielski, 1861, s. 213, 215–216, 218, 243–246; Piasecii, 1648, s. 119, 130–131; Życie Jana Zamoyskiego, 1775; Senkowski, 1824, s. 92–111].

Согласно Ибрагиму Печеву и Мустафе Наиме, Гази-Гирей II требовал, чтобы его сына сделали правителем Молдавии. Ему приписывалось желание победить мятежного Михая Храброго. Халим-Гирей сообщал, что он хотел сделать правителем Молдавии своего эмира. По словам Али-эфенди, инициатива исходила от самой молдавской райи, которая хотела получить правителя не из своей среды, а от татар. Эта версия кажется малообоснованной, и тем более, что далее молдавское боярство без особых трудностей выбирало правителей из своих же родов. Противниками Гази-Гирея были названы Михай и Ризван. Возможность того, что крымцы обоснуются в Молдавии, вызвало беспокойство в Османской Империи. По сведениям Халим-Гирея, хан Ислам-Гирей I наказал буджакцев за их нападение на народ Богдан (Молдавию). Кампании крымцев в Венгрии на некоторое время оставили в покое польское приграничье. Калга Фетх-Гирей взял Эрлау (Эгер) в 1595 г. и спас османское войско, когда австрийцы пробивались к шатру султана. Вместе с турецкими войсками Чагал-заде Синан-паша они обратили христиан в бегство. Однако победу под Эрлау сердар Чагал-заде Синан-паша присвоил себе. Этот же паша замыслил недоброе, предложив ханский престол Фетх-Гирею, спровоцировав его конфликт с Гази-Гиреем. Новый везирь Ибрагим-паша, сместив Синана, потребовал возвращения

Гази-Гирею II крымского престола, и Фетх-Гирею пришлось уступить. В 1595 г. крымцы заняли Северинский Банат и с ними воевал Михай Храбрый. По сведениям Халим-Гирея, в 1595/1596 гг. Михай восстал, и Гази-Гирей отправился на его усмирение. В 1595 г. поляки сражались против крымцев в Молдавии у Цецоры и поддержали выступление валашского господаря Михая Храброго против турок. Об этих событиях сообщал молдавский летописец М. Костин. В битве под Цецорой Я. Замойский удачно противостоял крымцам Гази-Гирея II, а в 1606 г. на Подолье под Кальником разбил совершивших рейд буджакцев. Столкновение с поляками было обусловлено тем, что хан хотел сделать Адиль-Гирея господарем Молдавии, но Замойский сделал все, чтобы господарем стал И. Могила. В 1596 г. Гази-Гирей II воевал против Михая Храброго, желая сделать вместо него господарем Валахии С. Могила. Сообщалось, что во время войны в Афлаке он встретился с султаном. В 1597 г. Гази-Гирей II не отозвался на призыв идти в Венгрию, а также отказался подавлять джелялийскую смуту в Анатолии. В 1602 г. он самовольно вернулся из венгерского похода. В 1599 г. крымцы вторглись в Трансильванию, дабы выбить оттуда Михая Храброго. Нужно отметить, что в 1600 г. Михай стал врагом и Речи Посполитой, напав на Молдавию. Попытка Османов сместить Гази-Гирея II и заменить его Фетхом-Гиреем вызвала у крымцев серьезное охлаждение к туркам. Крымский хан обратился за помощью к Молдавии, Валахии, Трансильвании, Австрийской Империи, Речи Посполитой и запорожским казакам, и только смена позиции турков по отношению к хану обеспечила участие крымцев в походах против австрийцев в Венгрию (в ту часть, которую контролировали Габсбурги).

В 1603 г. хан отказался выступать в поход против персов Аббаса-мирзы, а в 1605 г. помог кумыкам изгнать русских воевод из Дагестана. В 1603 г. Гази-Гирей II сообщал о своих враждебных отношениях с Османами и просил поляков прислать побольше огнестрельного оружия в Крым, от чего Сигизмунд III воздержался. Уже в следующем году, по данным Ибрагима Печеви и Халима Гирея, хан прибыл к Белграду и пребывал в Венгрии. Это была последняя кампания хана в Венгрии. Предыдущих два года он уклонялся от походов в Венгрию. Кампания в Венгрии была сопряжена с трудностями. Турки и крымцы понесли потери при осаде Сонбора [Негри, 1844; Халим-Гирей, 2004; Гайворонский, 2010, Т. 1, с. 352–377; Podhorodecki, 1987, s. 125–128; Kolodziejczyk, 2011, p. 111–116; История Румынии, 2005, 298–306; Очерки внешнеполитической истории, 1987, 175–181; Miron Costin; Смирнов, 1887, с. 446–462; Негри, 1844; Халим Гирей, 2004; Senkowski, 1824, s. 92–113].

Нужно отдельно отметить, что Валахия и Молдова были вассалами Крымского ханства. В 1566 г. был издан документ, который регулировал отношения крымцев с молдаванами. Молдавский князь платил контрибуцию, называемую *vergü*. Взамен молдавскому господарю обеспечивалась поддержка со стороны крымцев. Этот документ был подписан, чтобы не допустить возвращения из Речи Посполитой опального князя Александра Лэпушану. В ярлыке Гази-Гирея от 1597 г. сказано, что с самого начала Трансильвания, Молдавия и Валахия находились в большой дружбе с татарами и приносили ему дары, но Михай Храбрый ему их не давал. Далее хан угрожал валашскому господарю, что он, мол, достаточно силен, чтобы покорить все три княжества. Вмешательство Гази-Гирея II в дела Молда-

вии не привело к изменению границы. О дани с Трансильвании неизвестно, однако Э. Д. д'Асколи сообщал о ценных дарах трансильванского князя в 1629 г. Вряд ли стоит помещать Трансильванию и Молдавию в одну систему координат с Речью Посполитой. Итальянец сообщал о 15 бочках меда как выплате от молдавского князя, 8 тыс. флоринов от русских и 30 тыс. флоринов от поляков. Как можно убедиться, русские и Речь Посполитая платили крымцам куда больше, чем другие страны [Osman; Хайдарлы, 2007, с. 97–98; Пименов, 1902].

После противостояния у Цецоры в 1595 г. крымцы воспринимали войны с поляками и казаками как тяжелые, которые не сулили ни славы, ни добычи, которые им могут обеспечить кавказские походы. Военные действия против Речи Посполитой, конечно же, периодически возобновлялись и главным образом оправдывались нападениями казаков на крымские владения. В посольских документах Л. Песочинского упомянуто, что казаки К. Волошина совершали в 1601–1602 гг. набеги на татарские и турецкие владения. Летом 1601 г. запорожцы напали на окраины Аккермана. Хан жаловался королю, что казаки причиняют Крымскому ханству убытки. В 1605 г. казаки напали на татар в Приднестровье. Некто Г. Изапович, называвший себя гетманом Украины, предостерегал, что татары нападут в 1606 г. Необходимо отметить сведения Черниговской летописи, согласно которым в 1605 г. татары совершили поход на Украину и взяли ясырь. Острожский летописец сообщал, что татары совершили поход и брали ясырь у Звягеля (Новоград-Волынского), Полонного, Острополя, Меджибожа, Шаргорода, а около Тараски стали кошом. В 1606 г. крымцы были разбиты под Белой Церковью. Летом 1605 г. казаки ходили на Килию и Аккерман.

В ответ крымцы совершили поход на Подолье и Волынь, но были разбиты под Кальником войсками С. Жолкевского. В 1608 г. казаки взяли Ор-Капы. В 1609 г. они сожгли Аккерман, Килию и Измаил. Сведения Халим-Гирея о том, что крымцы одержали при Селямет-Гирее много побед на русскими и поляками в свете сведений украинских источников представляются преувеличением. Если крымцы могли успешно нападать на русских, пользуясь Смутой, то в столкновениях с польскими магнатами и запорожскими казаками крымцев часто побеждали. Против хана Селямет-Гирея взбунтовались Шахин-Гирей и Мехмед-Гирей. Они в 1610 г. бежали в Буджак и во главе местных жителей нападали на границу Речи Посполитой. В битве в буджакских степях они были разгромлены. Мехмед-Гирей попал в плен к туркам, а Шахин-Гирей после поражения попал к полякам. Летом 1614 г. хан разгромил Шахин-Гирея при Тилигуле. По сведениям Халим-Гирея, мятежные огланы бежали к черкесам. Так или иначе, антипольская позиция Джанибек-Гирея была обусловлена помощью, предоставленной поляками Шахин-Гирею. Его также поддерживали буджакские мирзы, в частности Кантемир. Сменивший Джанибек-Гирея Мехмед-Гирей принудил буджакцев кочевать в крымских улусах на реке Молочной. В 1623 г. Шахин-Гирей договаривался с запорожцами про войну против Кантемира. В 20–30-х гг. XVII в. начала проявляться новая тенденция – сепаратные договоренности крымских ханов и атаманов запорожцев против общих врагов – буджакцев и турков. В 1623 г. Шахин-Гирей при помощи запорожцев овладел городом Кефе [Podhorodecki, 1987, s. 127–132; Грушевский, Т.7, 1995, Раздел 6; Черниговская летопись, 1856; Бевзо 1971; Халим-Гирей, 2004; Гизер, 2009].

Необходимо отметить, что польская дипломатия в 1595–1607 гг. старалась решать вопросы не оружием, а финансами. Гази-Гирей в 1597 г. требовал упоминков и удаления казаков из пограничных с ханством территорий. Нужно отметить, что и крымский хан делал шаги навстречу полякам. В 1598 г. хан издал анд-наме (перемиренная грамота из польских архивов, издано в книге Д. Колодзейчика), то есть перемирную грамоту. Сигизмунд III Ваза, кроме традиционных титулов, был назван и титулами шведского короля, в анд-наме сообщалось, что хан встретился под Цецорой с Я. Замойским и послал в Речь Посполитую миссию Джан-Ахмеда, И. Могила признавался молдавским господарем, а хан за себя и своих подданных обещал быть мирным с поляками. В документе от 1599 г. говорилось, что хан хочет быть в мире с королем, не будет угрожать Молдавии и говорил о большом посольстве Н. Косаковского, в крымском посольстве находился тот же Джан-Ахмед Челеби. Хан обещал разорять русские земли, как это делали давние крымские правители. Гази-Гирей II вел переговоры через послов, пребывая в Венгрии и ведя себя как целиком самостоятельный правитель. В следующем документе, датированном октябрем того же 1599 г., Джан-Ахмед сообщал, что лично передал письмо польскому королю. В 1601 г. посол Л. Песочинский прибыл с упоминками. В письмах было выражено удовлетворение по поводу позиции хана по Молдове и его намерения воевать против русских. 1601 г. Сигизмунд III упоминал давнюю дружбу с времен Менгли-Гирея и указывал, что уважает и Османов и крымцев, а также желает быть в мире с татарами. Он отмечал, что для того чтобы возвратить отторгнутые ранее русскими земли, нужна будет помощь хана и калги. Со своей стороны ко-

роль обязывался не позволять казакам грабить татар. Закрепляя договоренность с Сигизмундом III, Гази-Гирей II вместе с традиционными титулами польского короля упоминал и титулы шведского короля. В последнем письме от 1601 г. крымский хан упоминал времена правления Хаджи-Гирея, Менгли-Гирея, Мехмед-Гирея II. Указывалось, что поляки, как это было во время славных предков, должны доставлять упоминки через днепровский торговый путь. Также крымский хан употребил титулы, которые напоминали о притязаниях крымских ханов первой половины XVI в. Хан же обещал, что его люди не будут совершать даже малых рейдов за ясырем. Письмо 1601 г. хан написал, уже находясь в Бахчисарае [Kolodziejczyk, 2011, p. 788–819].

В 1605 г. прибыл Ф. Олешко с предложением вместе выступить против врагов Речи Посполитой. В 1604 г. продолжалась дипломатическая переписка между Сигизмундом III и Гази-Гиреем II. Сообщалось, что хан к полякам отправил своего посла Джан-Антемир-агу. Также говорилось о намерении быть союзниками, как прежние правители. Сигизмунд III подтверждал намерение быть в мире друг с другом, как в старые времена, ссылаясь на времена Менгли-Гирея. Закреплялся также статус молдавского и валашского господарей, которые были поставлены с согласия польского короля и османского султана. В 1605–1607 г. существовал союз Гиреев и Вазы. Сигизмунд III старался быть в мире и с Селямет-Гиреем, где в перемиренной грамоте повторялись условия договора с Гази-Гиреем II, говорилось о миссии Ф. Олешко. В 1609 г. Селямет-Гирей отправил письмо вместе со своим слугой Музафар-Агой. Селямет-Гирей продолжал называть Сигизмунда III польскими и шведскими титулами. Крымский хан

упоминал о упоминках. Он также высказывал готовность выступить вместе с поляками и литовцами на русских и призывал укротить казаков. В 1612 г. был совершен татарский поход на Брацлавщину и Подолье. С 1613 г. оформился союз Речи Посполитой с Габсбургами, что привело к образованию блока католических государств против альянсов протестанских и мусульманских стран. И хотя Речь Посполитая не участвовала в Тридцатилетней войне напрямую, но войны поляков против шведов отвлекали внимание короля Густава II Адольфа от событий в Германии [Podhorodecki, 1987, s. 128–130; Kolodziejczyk, 2011, p. 626, 828–849; Яворницкий, 1990, Т. 2. – С. 127–136].

Еще в 1611 г. Джанибек-Гирей продолжал называть Сигизмунда III польскими и шведскими титулами. Указывалось, что предки, то есть предыдущие правители, платили упоминки. Джанибек намекал, что неплохо было бы отправить посольство с упоминками. Крымский хан, со своей стороны, обещал помочь против врагов. Также делалась ссылка, что относительно анд-наме с поляками и литовцами Джанибек следует традиции Гази-Гирея II. В 1619 г. Джанибек-Гирей вместе с калгой Девлет-Гиреем выражал намерение воевать против русских и указывал, что поляки и крымцы должны следовать договоренностям между Я. Замойским и Гази-Гиреем II под Цецорой. Он обещал быть другом народу Речи Посполитой и быть врагом врагам короля Сигизмунда III. Хан обязывался никаким образом не угрожать молдавскому государю и не поддерживать претендентов на молдавский престол [Kolodziejczyk, 2011, p. 850–864].

Несмотря на декларированное желание, между крымцами и Речью Посполитой не было мира. В этом, главным образом, был виновен мир-

за Кантемир из буджакских ногайцев. Необходимо упомянуть, что переселение части ойратов из Внутренней Азии в Восточную Европу обусловило падение Большой Ногайской Орды и бегство многих ногайцев во владения крымского хана. В Буджак бежали Урак-улу и Урмамбет-улу. Первые были из Малой Ногайской Орды, а вторые из Большой Ногайской Орды. Сам Кантемир был из Дивеевого улуса и был потомком Дивея-мирзы, происходившего из крымских мангытов Мансур-улу (рода Мансуров, правитель которого был одним из крымских карачи). До 1617 г. его возглавляли Али и Бахадур. С. Жолкевский упоминал Бахадур как Батыр-бия. В 1606 г. Кантемир совершил первый свой поход – на Подолье в окрестности Винницы и Немирова, но был разбит С. Жолкевским у села Каравайны. В 1612 г. буджакцы приходили под Каменец-Подольский, а в 1615 г. совершил поход на Украину (Среднее Поднепровье). Во время осеннего похода крымцев в 1615 г. на Подолье и Волынь Бахадур командовал левым флангом. Поход был удачным, и татары вернулись с ясырем. Под давлением переселявшихся калмыков ногайцы разорвали вассальные отношения с русским царем и начали склоняться к принятию турецкого подданства. Джанибек-Гирей пополнил за их счет свое войско. Ногайцы стали одним из источников беспокойства для границы Крымского ханства с Речью Посполитой. Украинские и белорусско-литовские летописи сообщали о многих татарских походах. В Львовской летописи под 1618 г. было указано, что татары напали около праздника Вознесения. Под 1619 г. сказано о том, что татары рассеялись по земле. Белзский летописец сообщал, что в 1615 г. на владения Корецкого напали татары. Под 1616 г. упоминалось о вторжении крымцев. Перед Срете-

нием в 1617 г. крымцы дошли до Острога, взяли города Ляховец, Ямполь, Заславль (Изяслав), Полонное. Под 1618 г. сообщалось, что под Острополь пришли татары на праздник Святого Евстафия. У Ф. Софоновича сообщалось под 1615 г., что татары разбили С. Жолкевского под Цецорой. Хронология этого хрониста отличается от реальной. В Черниговской летописи под 1611 г. упоминалось о нападении крымцев на Острожок. Под 1616 г. указано, что татары взяли Шульжинец. Г. Грабянка совершенно правильно датировал битву под Цецорой 1620 г. и сообщал, что С. Жолкевский был разбит татарами и турками, и все его войско погибло. В Лизогубовской летописи же противниками поляков названы только турки. В «Летописи Панцырного и Аверки» сообщалось, что в 1610 г. войско С. Жолкевского было разгромлено татарами, которым приписывалась численность в 30 тыс. Заслуга победы в Цецорской битве принадлежала мирзе Кантемиру, да и походы на Подолье, Галичину и Волынь, вероятно, были его инициативой. Реально войско С. Жолкевского было разбито в 1620 г. Зимой 1616–1617 гг. крымцы совершили большой поход. Кантемир отправился в поход на Львов, а сам хан двинулся на Канев. В 1617 г. Кантемир вернулся из похода на Каменец-Подольский почти без потерь. Ногайский мирза занял непримиримую позицию к полякам и не признал Бушевский договор 1617 г. В сентябре он совершил набег на Галичину и дошел до Самбора и Галича. Возвращаясь из похода, Кантемир опустошил Молдавию. Эта информация подтверждается Симеоном Лехащи, который в 1619 г. нашел эту страну опустошенной. В 1618 г. крымские и буджакские ногайцы совершили два удачных похода. Однако осенний поход закончился для них катастрофой. Девлет-Гирей двинулся с отрядом на

Подолье. Ногайцы захватили ясырь на территории от Бара до Тернополя и от Винницы и Ямполья. Однако на обратном пути С. Жолкевский в нескольких сражениях разбил войска калги Девлет-Гирея. В битве погибли ногайские мирзы Джан и Янаш. Буджакцы Кантемира же благополучно улизнули. По сведениям одного из дневников татарских набегов, именно Кантемир был причастен к набегу 1618 г. в район Самбора и Львова, когда они сожгли Бобрку и Жыдачев. В 1620 г. молдавская авантюра стоила С. Жолкевскому жизни, а польское войско под Цецорой было разбито войсками калги Девлет-Гирея и Кантемир-мирзы. П. Сас предполагал, что в битве при Цецоре принимало участие 5 тыс. воинов Кантемира-мирзы и 6–8 тыс. крымцев калги Девлет-Гирея. Необходимо отметить, что калга не хотел воевать вместе с Кантемиром, а турецкому паше Искандеру пришлось приложить многих усилий, дабы в битве приняли участие крымцы. В плен к крымцам и буджакцам попали многие шляхтичи. В польских источниках было указано, что после битвы под Цецорой несколько десятков тысяч крымцев атаковали Галичину. Они пришли под Самбор, Тернополь, Золочев, Бузск, пригороды Львова, Жолкву. Кош крымцев стоял под Галичем [Бевзо, 1971; Софонович 1992; Черниговская летопись, 1856; Грабянка, 1992; Лизогубівський літопис, 1878; Літопис Панцерного та Аверки, 1980; Гизер, 2009; Pisma Sr. Zolkiewskiego, 1861, s. 180–181, 237–238, 301, 310, 389–390, 406, 435; Дарбинян, 1964, с. 261; Piasecii, 1648, 331–338; Сас, 2012, с. 32–48; Jakub Sobieski, 1646, s. 11–15; Два дневника, 2013].

Агоп и Аксент Каменаци сообщали, что в 1614 г. крымцы вместе с турками, молдаванами и валахами хотели взять Сечь, но были отбиты запорожцами. В 1615 г. крымцы пришли к

Львову, а возвращаясь, прошли около Каменца-Подольского. В 1616 г. татары вместе с турками, валахами и молдаванами разбили войско вторгнувшегося в Молдавию магната Корецкого. В 1618 г. 20 тыс. татар вторглось на Покутье, а С.Конецпольский с 2 тыс. воинов был пассивным. В 1619 г. крымцы приходили под Каменец к Орыну, но ничего не смогли сделать войску Т. Замойского. Агоп и Аксент Каменаци правильно датировали Цецорскую битву 1620 г. и показали полный разгром польского войска татарами Кантемира [Каменаци, 2002].

На всем своем протяжении граница Речи Посполитой с Крымским ханством пришла в движение, а приграничные беи, мирзы и даже хан-зadə видели в этом возможность обогатиться и прославиться. В 1613 г. Мехмед-Гирей пришел с войной на Речь Посполитую. Первое нападение опустошило Брацлавщину. Второй набег был в Галичину, а третий на Южное Подолье. Под Белой Церковью крымцев победили казаки. В 1614 г. крымцы совершили нападение на Брацлавщину и Подолье. В 1615 г. крымцы три раза нападали эти земли, а в 1616 г. два раза. В 1616 г. посол Ф. Збожек отправился в Крымское ханство, и татары надолго задержали его в Чуфут-Кале. Миссия 1619 г. Ф. Олешка также была неуспешна, поскольку хан не пожелал вести разговор, а только требовал упоминков. В марте-апреле 1618 г. крымцы опустошили южную часть Брацлавщины, а в мае они доходили до Галича, Самбора, Львова, Дрогобыча, Стрия. Этот поход и был описан в Львовской летописи под этим же городом. В начале 1619 г. крымский посол Рустем-ага требовал от Речи Посполитой уплаты упоминков. Однако такая активность была характерна не только для татар.

Участились нападения казаков, которые начали уже атаковать собствен-

но турецкие земли. Казаки с Украины совершали морские атаки на турецкие и татарские города. Кятиб Челеби сообщал о нападении казацкого флота на анатолийское побережье. В 1614 г. они напали на анатолийское побережье Черного моря, взяли город Синоп и многих юношей и женщин турецких взяли в плен. Сообщалось, что турецкий капудан Шакшаки Ибрагим-паша не смог их перехватить, зато их разбили татары и отбили ясырь из мусульман. По сути, у Мустафы Наимы тот же текст. Об этих же событиях говорил Ибрагим Печеви. С. Жолкевский же сообщал, что из 2 тыс. казаков, принимавших участие в походе, убито было две сотни. Османские хроники сообщали о 40 запорожцах, взятых в плен. Крымцы отбили пленных в районе устья Днепра и Кинбурнской косы. В 1616 г. Кятиб Челеби сообщал о том, что в окрестностях Варны османские галеры сели на мель и были захвачены казаками. В том же году, по сведениям других источников, казаки нападали на Трабзон, Кефе, Самсун, окрестности Варны и Костанцы. В 1621 г. казаки появились при Кара Хармане, Османы же отправили против них бейлербея Кефе, судна которого охраняли крымские берега. Для обороны устья Днепра он отправил Бали-пашу и Мухаммеда Агу. Капудан-паша Халил не смог словить казаков в гавани Герзе и местности Кум. Запорожцы объединили свои силы с донцами и опустошили поселение Ахйолы. Однако флотилия в Днепровском устье при помощи наместника Очакова разбила казаков. Об этих событиях повествовал Мустафа Наима и Халил-паша. При этом «Газа-наме» Халила не было известно Кятибу Челеби. Другая часть казачьей флотилии сразилась с турками около острова Тендра, который находился около Таманского полуострова. В морской битве казаки были разгромлены, и,

по сведениям Кятиба Челеби, в плен к туркам попало несколько сотен казаков. Папские дипломаты сообщали, что казаки действовали около Варны и около Стамбула. Они сообщали, что казаки опустошили некоторые приморские поселения Буджака и район моста через Дунай [Яворницкий, 1990, Т.2, с. 145–159; Остапчук, Галенко, 1996, с. 350–352, 355, 357–360, 365–367; Senkowski 1824, s. 126–127; Zolkiewski 1861, 513; Грушевский, Т. 7; Плохий, 1988; Сас, 2012, с. 149–160, 178–202, 208–214].

Освободившись от войны на востоке против Сефевидов, Османы и Гирей готовились к новой войне на западе, чтобы отомстить за казацкие набеги и сделать Сигизмунда III более стоворчивым. Поводом для войны послужило то, что на помощь австрийскому кайзеру были отправлены отряды польских лисовчиков (польский аналог казаков, отряды иррегулярной кавалерии, получившие название от своего руководителя Александра Лисовского). В 1620 г. польские магнаты вмешались в молдавские дела и поддержали господаря Г. Грациани. Поляки вместе с казаками вторглись и дошли до Ясс и Цецоры. Когда против них вышли турки и татары, то польский гетман с войском в 10 тыс. начал отступать в направлении Днестра. В конце концов он был окружен татарами Девлет-Гирея и буджакцами Кантемира, и его войско 7 октября 1620 г. было уничтожено. Халим-Гирей, сообщая о войнах крымцев против поляков, упоминал, что калга Джанибек-Гирей Девлет-Гирей был убит в битве. Вероятно, это могло случиться или под Цецорой или около Хотина. В этом же году крымцы напали на Подолье, Галичину и часть Волыни, и взяли Галич. По мнению польского исследователя Л. Подхородецкого, в 1621 г. 10 тыс. крымцев и 2 тыс. ногайцев были в турецкой

армии под Хотинном. Современники битвы считали по иному. Я. Ходкевич предполагал участие 50 тыс. татар в Хотинской войне. Халим-Гирей указывал, что во время войны под Хотинном татары оказали значительную помощь туркам. В 1621 г. основные силы крымцев совершили набег на Подолье, Галичину и часть Волыни. От их походов пострадали стрыйский, бузский, дрогобычский, самборский поветы, золочевская, зборовская, ярычевская, козловская волости. Отдельные чамбулы татар не дошли до Замосця 5 миль, другие дошли до Луцка, Самбора, Стрия, Сокаля, Перемышля. Османская Империя заключила мир, однако татары напали на Покутье, прошли Снятин и Галич и подошли к Стрию и Перемышлю. Около Люблина, Каменца-Подольского и Люблина действовал отряд буджакских ногайцев. Кантемир-мирза отрезал войско Я. Ходкевича от окружающего мира. Немецкий офицер в «Донесении из Валахии» отмечал сложное положение польского войска. Крымцы блокировали коммуникации польско-литовского войска и фактически рассеялись по Подолью. Действия крымцев под Хотинном осенью 1621 г. были вспомогательными, что и отобразилось в Комментированной хронике Хотинской войны Я. Собесского, дневниках Я. Грабы из Острога, П. Збигневского и С. Любомирского. Главным врагом назывались турки. Татары упоминались как участники рейдов. Они преимущественно действовали на север от Днестра около Каменца-Подольского. Действия Кантемира не остались незамеченными, и османский султан назначил его силистрийским бейлербеем с богатыми городами Аккерман, Килия, Силистрия, Бабадаг. Он со времени Хотинской войны стал обособляться от Крымского ханства и фактически строил государство в государстве. Кантемир

не подчинялся приказам из Бахчисарая, а его деятельность польский дипломат К. Збаражский считал главным препятствием миру. Я. Собеский сообщал, что причиной вражды между крымцами и буджакцами было высокомерие хана, который считал Кантемира ниже себя, поскольку тот не происходил из знатного рода. Во время Хотинской войны войска С. Любомирского очень часто сталкивались с крымцами. Через Глиняны, Зборов, Тереховлю польский полководец пришел к Скале и вытеснил кочевников с земель около Днестра. Отличием донесений Любомирского было подробное описание выдвижения авангарда турок и татар на Буковину и Подолье соответственно. Также о Хотинской войне писал И. Ерлич [Podhorodecki, 1987, s. 132–142; Брехуненко, 2013, с. 28–44, 102–118; Miron Costin; Гайворонский, 2009, с. 41–61; Халим-Гирей, 2004; Гизер, 2009; Majewski, 1970; Sledzinski, 2007; Podhorodecki, 1988, s. 18–21, 70–87; Piasecii, 1648, s. 340–348; Сас, 2012, с. 83, 230; Pamyatniki o wyprawie Hociemskiej 1875, s. 17–33, 43–64, 69–130; Jakub Sobieski 1646, s. 50–53, 68–188; Erlicz, 1853, 4–30].

Нужно отметить, что и Эвлия Челеби, и анонимный турецкий источник сообщали о Буджаке как об отдельной стране. Указывалось, что первоначально в Буджаке жило 10 тыс. населения. Анонимный турецкий источник приводит явно завышенные данные о 30 тыс. воинов из буджакцев. Необходимо отметить, что мобилизационный потенциал того же Крымского ханства в битве при Молодах русский исследователь В. Пенской оценивал в 30 тыс., а население Буджака было куда скромнее, чем у Крымского ханства. Войско хана в 80 тыс., по данным И. Тунмана, это также значительное преувеличение. Редко когда Гирей могли собрать такое войско. Указывалось, что буджакцев возглавляет ялы-ага,

а также султаны и мирзы, и они внушают страх русским, полякам и венграм. Количество населения кыпчаков Буджака должно быть большим, чем в более западных владениях. Данные относительно Буджакской Орды варьируются. Так, Броневский оценивал количество их воинов в 8–10 тыс. По сведениям Г. Боплана, количество воинов достигало 15 тыс. Количество же жителей Орды достигало 20–30 тыс. Д. Кантемир указывал, что в 1568 г. в Буджаке жило 30 тыс. татар. В указе султана Ахмеда I от 1608 г. сообщалось о 5–10 тыс. буджакских татар. В посольском донесении из Стамбула в Париж указывалось о 15 тыс. татар. 15 тыс. это максимальная цифра, 5 тыс. – минимальная. Реально под Хотин и в Галичину хан мог привести 30 тыс., а Кантемир 5 тыс. [Яворницький, 1990, с. 239; Тасин, 2013, с. 168; Пенской, 2010, с. 56–66; Тунман, 1991; Тасин, 2013; Губогло, 1964, с. 142–146; Боплан, 1990].

Агоп и Аксент Каменаци отмечали те же события под Каменцом-Подольским. В июне 1620 г. в подольские села пришли малочисленные разведывательные отряды, в июле в набег на окрестности Каменца пришли 2 тыс. татар, которые около Орыни были разбиты. Когда османский султан пришел к Хотину, то к Каменцу пришел Кантемир и отрезал дороги, которые связывали город с внешним миром. Количество воинов Кантемира армянские хронисты существенно завысили, упоминая о 80 тыс. татар только у Кантемира, а 150 тыс. у хана, остановившегося у Прута. Сказано, что перед этим он переправился через Днестр, то есть шел до того путем из Молдавии к Каменцу. Вероятно, он таким маневром отсек и польское войско от коммуникаций. Сообщалось также, что позже Кантемир с 50 тыс. воинов совершил набег на Галичину до Замосця и Люблина. Тата-

ры возвращались с большим ясырем. Сведения Симеона Лехаца также неправдоподобны. Он сообщал о войске Османов в 700 тыс. и 80 тыс. татар. Польский хронист И. Ерлич повторял басни о 700 тыс. турков и татар [Каменаци, 2002; Дарбинян, 1964, с. 266–267; Ertlich, 1853, s. 4].

В «Донесении из Валахии» сообщалось, что татары перехватывали возы и рыскали на Подолье. Однако Я. Ходкевич мужественно держался в вражеском окружении и нанес врагу существенные потери [Мыцык, 1985]. В битве у Хотина принимали участие войска Короны Польской, Великого Княжества Литовского, запорожцы П. Конашевича-Сагайдачного и литовские татары. Судя по сведениям немецкого источника, были и немецкие наемные ландскнехты. Со стороны Османов, по оценкам Л. Подхородецкого, было войско в 55–60 тыс., у польско-литовского войска – 33 тыс. Казаков было 40 тыс. О силах крымцев и ногайцев сложно судить из-за недостатка информации. Цифры же, приведенные братьями Каменаци, нельзя считать достоверными. Осада Хотина была в целом неудачной для Османов и Гиреев, а ногайцы проявили себя легкой конницей, нападавшей на Подолье и Галичину. В ноябре 1621 г. Сигизмунд III двинул посполитое рушенье против ногайцев, господствовавших в Галичине, под давлением поляков ногайцы были вынуждены отступить. Войско, собранное с польских земель и отдельных городов Галичины, насчитывало более 20 тыс. [Podhorodecki, 1988, s. 88–155].

В 1622 г. Джанибек-Гирей послал очередное анд-наме. Несмотря на фактическое лишение шведского престола, в отношении Сигизмунда III были повторены титулы польского и шведского королей. Все так же делалась ссылка на Цецорские договоренности 1595 г. Он обещал никоим образом

не угрожать молдавскому господарю, который связан дружбой и договором с польским королем и турецким султаном. Более того, он говорил, что дружит с валашским господарем. Крымский хан обещал в ноябре 1622 г. отправить своего посла в Каменец. Каменецкому старосте предписывалось сопровождать крымских послов. Оговаривалось, что упоминки крымцам в Каменце-Подольском должны были оставить поляки. Также упоминалось, что к хану уже прибывал польский посол К. Краузовский. Хан сообщал, что разорял русские земли [Kolodziejczyk, 2011, p. 866–875].

В 1623 г. ногайцы Кантемира опустошили Снятынскую и Перемышльскую земли, дошли до Краковского воеводства, до Тарнова и Сандомира. По сведениям Симеона Лехаца, объединенное войско Кантемира, крымского хана и силистрийского бея Абзпаша совершило поход в направлении Бара, Галича, Львова. Крымско-турецкое войско потеряло около 10 тыс. В феврале 1624 г. Кантемир снова опустошил Снятынскую землю, а его войска под Чортковом столкнулись с Конецпольским и были разбиты. Гусарские и казачьи роты преследовали буджакцев до самого Орешковского леса. В июне того же года Кантемир снова был на Покутье. Его ногайцы пришли под Перемышль и стали кошом под Медыцом. Кантемир писал Сигизмунду III письмо, в котором причиной похода указывал то, что король не может угомонить казаков, и обещал помощь в войне против шведов. Его воины взяли ясырь из местностей под Перемышлем, Дрогобычем, Ланьцутом, Пшеворском, Ярославом, Кросном, Жешувом. Население Галичины и Малопольши из крестьян организовало свое ополчение и сражалось с татарами. Храбро оборонялись защитники Ситеша и укрепленного костела в Новоселице. В Близнем

от татар защитился отряд Я. Ласко, а Жешув оборонял отряд каштеляна С. Лигезы. 19–20 июня состоялась битва Замойского с войсками Кантемира в районе Мартынова. Войска Речи Посполитой не дали переправиться его буджакцам. Под Быстрицей около Езуполя были освобождены люди из ясыра [Podhorodecki, 1987, s. 142–147; Гавойоронский, 2009, с. 102–110; Piasecii, 1648, s. 366–367; Два дневника, 2013].

В 1624 г. новый хан Мехмед-Гирей II, отправляя анд-наме польскому королю, ссылался уже на времена Менгли-Гирея, Сигизмунда I, Сигизмунда II Августа. Упоминалось, что эти короли отправляли в возах дары крымцам, преимущественно деньгами. Указывалось, что следовало бы предоставлять дары и ханскому двору. После этого делалась ссылка уже на договор гетмана с Гази-Гиреем II. Предлагалось, чтобы по древнему обычаю тысячи флоринов и прекрасные сукна доставлять в Джанкерман (Очаков). Также упоминалось, что король Сигизмунд II Август был уважаем Девлет-Гиреем. Сообщалось, что и Сигизмунд III установил братство и дружбу с Гази-Гиреем II. Сам Мехмед III говорил, что готов быть в дружбе и братстве с королем. Польскому правителю он предлагал быть в дружбе и согласии с мусульманскими правителями. Мир предлагался в том случае, если подданные Сигизмунда III, то есть его казаки, не будут угрожать городам Аккерману, Тегине (Бендерам), землям Молдавии и Валахии, а также Крымскому ханству. В случае, если польский король будет уважать эти условия, он обещал, что татары и ногайцы не будут нападать. Необходимо отметить, что и казачьи походы морем продолжались. По сведениям Кятиба Челеби, в 1624 г. турецкие отряды, направленные на помощь Джанибек-Гирею, были разбиты Мехмед-Гиреем,

а казаки летом 1624 г. воевали около Кефе и, пересекши Черное море, напали на Яникой. Мустафа Наима повторял эти сведения. Т. Роу сообщал, что казаки напали на поселения на берегах Босфора. Французы П. Рико, де Сези и де Гедуен сообщали об этом нападении казаков. В 1625 г. на Черном море находилось 43 галеры Реджеба-паши. Казаки двигались в сторону Трабзона. При Кара Хармане двадцать одна галера турок перехватила казаков. Об этой битве сообщали С. Роу, де Сези и Э.Д. д'Асколи. Из турецких историков об этом еще сообщал Мустафа Наима [Kolodziejczyk, 2011, p. 876–884; Остапчук, Галенко, 1996, с. 370–372, 375–378; Piasecii, 1648, s. 370].

Набеги ногайцев и крымцев несколько сдерживала взаимная вражда между крымцами и ногайцами. Э.Д. д'Асколи сообщал, что кризис 20-х гг. XVII в. был обусловлен тем, что османский султан по наущению Кантемира сделал ханом Джанибек-Гирея. Против чего выступили Шахин-Гирей и Мехмед Гирей. Итальянец сообщал, что Кантемир увел ногайцев в Буджак. Указывалось, что брат Кантемира был убит в Черкесии зятем Мехмед-Гирея. А ногаец Салмаш, посланный Кантемиром за рабами в Черкессию, не был схвачен ханским зятем в Черкесии. Хан приказал Шахин-Гирею схватить его, однако тот не справился. Шахин-Гирей призвал на помощь 4 тыс. запорожцев. По приказу султана Кантемир выступил с войском в поход на Крым и осадил Бахчисарай. На стороне Джанибек-Гирея и Мехмет-Гирея сражались крымцы и запорожцы. Османский комендант Кефе впустил в город ногайцев и смог выдержать, пока не появилась османская флотилия с Джанибек-Гиреем, и его силы вместе с Кантемиром разбили Мехмеда и Шахина. Последний бежал в Черкессию к темиргоевцам, где правил его тесть [Пименов, 1902].

В 1626 г. 20 тыс. крымцев двинулись на Речь Посполитую. Они сначала напали на Подолье, устроили под Тернополем лагерь и доходили в набегах до Владимира-Волынского, Луцка, Львова, 24 города и 230 сел были взяты ими, однако в январе под Устьем кочевники были разбиты С. Конецпольским. Джанибек-Гирей II направил войска не против персов, как приказывал султан, а против поляков. Густав Адольф в письмах крымскому хану просил его напасть на Речь Посполитую. Этот факт хорошо был известен в Европе, в частности, консулу Э. Д. д'Асколи, который сообщал, что в 1630 г. крымский хан обещал свою помощь шведскому королю Густаву (Густаву Адольфу). Шведы отправили в качестве даров вазы из золоченого серебра. В 1629 г. подобный дар отправил хану трансильванский князь. В конце сентября 1626 г. 10–15 тыс. крымцев и буджакцев напали на Украину и стали кошем под Белой Церковью. С. Хмелецкий с 5 тыс. поляков и 1,5 тыс. казаков разгромил татарский кош. Через два дня под Фастовом был разбит Бухара-солтан и сыновья Кантемира. Об этой победе сообщал П. Пясецкий. Также об этой битве сообщал Я. Доброцкий в «Реляции правдивой». Кроме них информация про битву была в письме от 20 октября 1626 г. из города Бар, в сочинениях Ш. Старовольского и Я. Велевицкого. И. Ерлич сообщал, что в битве под Белой Церковью полегло 11 тыс. татар и что польское войско возглавляли С. Хмелецкий и казаческий атаман М. Дорошенко. Во главе татарского войска, по информации поляков, находились Нуреддин-султан, Сафар-Гирей, Бухар-Гирей, Стан-Гирей. При этом возможны искажения реальных имен в польских источниках. Среди мирз названы Юрч-Мурза и Тухтемир-мурза (сыновья Кантемира), Нартх-мурза, Алки-зерей-мурза (сын

Бахадур-бея), Велизах-мурза (сын Али), Мардах мурза ногайский. Имена ногайских и татарских правителей очень сильно искажены. П. Пясецкий писал, что одних мирз погибло 50, и из 30 тыс. еле уцелела шестая часть, Я. Велевицкий сообщал о 40 плененных мирзах. Это, конечно, очень преувеличенные данные. Я. Доброцкий сообщал в стихах, как поляки и казаки разбили татар. На берегах Роси, по сведениям хрониста, поляки победили войска Бухара. По сведениям С. Хмелецкого, с этим татарским вождем были и сыновья Кантемира. Польские авторы существенно преувеличили количество войск противника и приуменьшили свои потери [Возгрин; Podhorodecki, 1987, s. 150–154; Межигірський літопис 1878; Брехуненко, 2013, с. 12; Грушевский, Т. 8, 1995, Раздел 8; Пименов, 1902; Piasecii, 1648, s. 385–386; Вирьский, 2010, с. 150–157; Erlicz, 1853, 35].

В 1625 г. Кантемир начал войну с Шахин-Гиреем. Ему на помощь в Добрудже пришли турецкие отряды, и он разбил крымцев. По сведениям Мустафы Наимы, в 1625–1626 гг. на стороне Шахина сражались казаки. Они помогали им воевать против Кантемира. По сведениям, сообщаемым в письме Джанибек-Гирей II русскому царю Михаилу Федоровичу, указывалось, что Мехмед-Гирей и Шахин-Гирей осадили Кефе и что Джанибек-Гирей вместе с турками прогнал их в 1628 г. Шахин-Гирей ушел к днепровским казакам. В ярлыке его калги Девлет-Гирей сообщается то же самое. В более поздней грамоте хана, датированной январем, сказано, что Мехмед-Гирей и Шахин-Гирей пришли с казаками в Ор-Капы, но были отражены. Халим-Гирей сообщал, что в 1627–1628 гг. в битве при Топрак Джанибек-Гирей II разбил Шахина и Мехмеда Гиреев. В битве погиб казачий гетман М. Дорошенко. В 1629 г.

бужакцы и крымцы организовали общий поход на Подолье. В поход отправилось около 20 тыс., но вернулось из него всего 5 тыс. В походе умер сын Кантемира, а в плен попал будущий хан Ислам-Гирей. Ногайцы имели высокий статус во время правления Джанибек-Гирея, и их активностью были обусловлены войны Крымского ханства с Речью Посполитой. Власть Кантемира-мирзы все усиливалась. Однако это не мешало отражать набеги его войск. И. Ерлич сообщал, что под Бурштыном поляки С. Хмелецкого и казаки Г. Черного разбили тысячу татар, и в этой битве пал сын Кантемира-мирзы. В 1630 г. полковник Калиновский сообщил о переходе нескольких тысяч татар в Бужак. В 1632 г. гетман Петржицкий сообщил об опасности нападения со стороны Буджака. В 1631 г. русские отправили Кантемиру-мирзе упоминки, стараясь заручиться его поддержкой [Смирнов, 1887, с. 492–499; Грушевский, Т. 7, 1995, Раздел 8; Гизер, 2009; Гайворонский, 2009, с. 83–131; Erlicz, 1853, 36].

Актуальным вопросом оставались набеги и восстания казаков. В 1622–1623 г. казаки опустошали Молдавию, а в 1625 г. выставили претензии польскому правительству, и вскоре во главе запорожцев восстал М. Жмайло, но вскоре казаки выдали его С. Конецпольскому и подписали Куруковский договор, по которому в реестр вписывалось 6 тыс. казаков, но они не имели права без позволения нападать на кого-либо. Несмотря на этот договор, они осуществили новое нападение, но были разбиты турецким флотом. В 1629 г. казаки снова опустошали окрестности Стамбула, а в 1630 г. попытка нового большого похода на турецкие города окончилась для запорожцев печально. В 1630 г. Т. Федорович поднял восстание против правительства и победил правительственные войска под Черкассами и Переяславом, в результате чего ка-

зачий реестр был увеличен до 8 тыс. Ш. Старовольский сообщал, что казаки нападают на Скифию (татар) и морем, и по суше. Я. Петриций указывал место жительство казаков в диких полях около Киева. Сообщалось, что они нападают на города на Понте (Черном Море) и на татар [Яворницкий, 1990, Т. 2, с. 158–164; Грушевский, Т. 7, 1995, Раздел 8; Грушевский, Т. 8, 1995, Раздел 1; Piasecii, 1648, s. 382, 419; Вирьский, 2008б, с. 171–172, 343–347, 380–388].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: Запорожская Сечь была дестабилизирующим фактором в отношении Крымского ханства с Речью Посполитой, равно как и бужакский мирза Кантемир со своими ногайцами. В 1594 г., во время похода крымцев на помощь Османам в Венгрию, Гази-Гирей II опустошил Галичину. Только победа Я. Замойского над татарами в Молдавии в 1595 г. на некоторое время остановила походы крымцев на Речь Посполитую. Крымское ханство в периоды обострения отношений с Османской Империей в 90-х гг. XVI в. и 20-х гг. XVII в. искала помощи у Речи Посполитой и казаков. Запорожцы чаще всего были для крымцев противниками, но иногда наемниками во время внутренних усобиц в Крымском ханстве. Контакты Швеции с Крымским ханством были обусловлены существованием общих врагов. Во время 10–20-х гг. XVII в. Речь Посполитая отражала многие нападения крымцев и ногайцев. Но многие походы Кантемира-мирзы и Гиреев приводили к значительным опустошениям. Переломным моментом в взаимоотношениях Крымского ханства с Речью Посполитой была битва под Белой Церковью в 1626 г. Политический кризис в Крымском ханстве в 20-х гг. XVII в. снизил интенсивность набегов, и первенство в набегах на Речь Посполитую принадлежала бужакским ногайцам.

ЛИТЕРАТУРА

Аметов Е. Державний архів Швеції як джерело з історії дипломатичних відносин Кримського ханства XVII–XVIII ст. // XVII сходознавчі читання ім. А. Кримського. – К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2013. – С. 13–14.

Бевзо О.А. Львівський літопис і Острозький літописець. – К., 1971. – 200 с. <http://litopys.org.ua/ostrog/ostr01.htm>

<http://litopys.org.ua/ostrog/ostr02.htm>

Боплан Г. Л. Опис України, кількох провінцій королівства польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансильванії, разом з їх звичаями, способ життя та ведення воєн. – К.: Наукова думка – Кембрідж Масс, 1990. – 256 с. <http://litopys.org.ua/boplan/>

Брехуненко В. Дивна то і несказана мужність. Козаки у Хотинській війні 1621 р. – К.: Темпора, 2013. – 120 с.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. – Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 274–299.

Вирський Д.І. Річпосполитинська історіографія України (XVI – перша половина XVII ст.). Ч. 1. – К., Інститут історії України, 2008. – 502 с.

Вирський Д.І. Річпосполитинська історіографія України (XVI – перша половина XVII ст.). Ч. 2. – К., Інститут історії України, 2008. – 466 с.

Вирський Д.І. Битва під Білою Церквою та реляція правдива Яна Доброцького // Український історичний журнал. К., Інститут історії України, 2010. – №6 (495). – С. 150–160.

Гайворонский Л. Повелители двух материков. Т. II. Крымские ханы первой половины XVII века в борьбе за самостоятельность и единовластие. – Киев-Бахчисарай, Майстерня Книги, Оранта, 2009. – 272 с.

Гайворонский Л. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – К.: Майстерня книги – Бахчисарай, Бахчисарайський музей-заповідник, 2010. – 400 с.

Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. – К.: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2009. – 1008 с.

Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. – СПб., 1889. <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Geidenstein/text6.phtml?id=319>

Гизер С.Н. Кантемир-мурза – предводитель Буджакской Орды. Страницы биографии // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. – 2009. – Вип. 3.– С. 214–235.

<http://5fan.info/rnaatyjgemeratyjge.html>

Грабянка 1992. – Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. – К.: Знання, 1992. – 192 с.

Грушевський М.С. Історія України-Русі. Т. 7.– К.: Наукова думка, 1995. – 628 с. <http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70304.htm>

<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70304.htm>

<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70307.htm>

<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70403.htm>

<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70602.htm>

<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70805.htm>

<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70807.htm>

Губогло М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии, Украине // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. Т.1. – М.: Наука, 1964. – С. 131–161.

Дарбинян М.О. Симеон Лехацы о странах Юго-Восточной Европы // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. Т.1. – М.: Наука, 1964. – С. 253–275.

Два дневника татарских нападений на Русь в 1618 и 1624 гг. Перевод Е. Каретина. Электронная версия 2013 года.

- История Румынии. – М.: Издательство «Весь Мир», 2005.
- Каменацци Агоп и Аксент. Каменацкая хроника // Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Т. 1. Каталог и тексты памятников армянским письмом. – Алматы, Дешт-и-Кыпчак, 2002.
<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Kamenec/text2.phtml?id=648>
- Леп'яво С.* Козачі війни кінця XVI ст. на Україні. – Чернігів: Сіверянська думка, 1996. <http://gulevich.net/statiy.files/kozaki.files/kozaki.pdf>
- Літопис Панцирного та Аверки // Полное собрание русских летописей. Т. 35. – М., 1980. <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov12.htm>
- Лизогубівський літопис // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. – К., Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1878. <http://litopys.org.ua/sborlet/sborlet02.htm>
- Ерiх Лясота. Щоденник. <http://litopys.org.ua/suspil/sus17.htm>
- Межигірський літопис // Сборник летописей относящихся к истории Южной и Западной Руси. – К., Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1878. <http://litopys.org.ua/sborlet/sborlet04.htm>
- Мыцык Ю.А.* Записки немецкого офицера о Хотинской войне 1621 г. как исторический источник // Вопросы германской истории. Русско-германские связи и отношения нового и новейшего времени. Днепропетровск, Днепропетровский государственный университет, 1985. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XVII/1620-1640/Zeitung_Walachei/text.phtml?id=10820
- Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т. 1. – Одесса, 1844. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430
- Останчук В., Галенко О.* Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Челебі. Дар великих мужів у воюванні морів // *Marra Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Шашкевича з нагоди його 70-річчя. – К.-Нью-Йорк-Львів, М.П. Коць, 1996. – С. 341–426.
- Очерки внешнеполитической истории Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1987. – 465 с.
- Пенской В.В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – № 2. – С. 56–66.
- Пименов Н.* Описание Черного моря и Татари, составил доминиканец Эмидио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634 // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXIV. – Одесса, 1902. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVII/1620-1640/Askoli/frametext.htm>
- Плохий С.Н.* Папские дипломаты о морских походах запорожцев накануне и в ходе Хотинской войны // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 101. <http://Annales.info/blacksea/small/plohiy88.htm>
- Сас П.С.* Хотинська війна. – Біла церква: О.В. Пшонківський, 2012. – 526 с.
- Стрийковський Мацей.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. XII. – Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. – 1084 с.
- Тасин Дж.* Татары Добруджи и Буджака // Золотоордынское обозрение. Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. – С. 164–176.
- Тимченко В.М.* Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // V научные чтения памяти У. Боданинского. – Симферополь: Антиква, 2013. – С. 69.
- Тунманн И.* Крымское ханство. – Симферополь: Таврия, 1991. <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Tunmann/frametext.htm>
- Ульяновський І., Яковенко Н. Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний Журнал. – К., 1989. – № 2. – С. 107–120; №5. – С. 103–114. <http://litopys.org.ua/kyl/kyl.htm>

Флюшкин А.И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающе...» (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. – СПб.: СПбГУ, 2008. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Projekt_voen_sojuz/rametext.htm

Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма. – Симферополь, 2004. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/9.phtml?id=12929

Хроника Литовска и Жмойтска // Полное собрание русских летописей. Т. 32. – М., 1975. <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov07.htm>

Черниговская летопись // Южнорусские летописи открытые и изданные Н. Белозерским. Т. 1. – К., 1856. – С. 11–44.

<http://litopys.org.ua/chernlet/chern.htm>

Щоденник Еріха Лясота із Стеблева // Запорізька Старовина. – К.: Запоріжжя, НДІ Козацтва, Запорізьке відділення, 2003. – С. 222–277. <http://www.svit.in.ua/kny/bookla.htm>

Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. Т.2. – К.: Наукова думка, 1990. – 560 с. Joachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1598. – Warszawa: Nakładem i Drukiem S. Orgelbranda księgarza i typografia, 1861. – 311 s.

http://books.google.com.ua/books?id=HLMZAAAAyAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Miron Costin. Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron Vodă încoace. http://ro.wikisource.org/wiki/Letopise%C8%9Bul_%C8%9A%C4%83r%C3%AEi_Moldovei_de_la_Aaron_Vod%C4%83_%C3%AEncoace

Erlicz 1853. Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. Т. 1. – Warszawa: W drukarni Wienhoebera, 1853.

http://books.google.com.ua/books?id=tkghAQAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na zieme Pzeczypospolitej Polskiej w latach 1600–1647 // Studia i Materiały do historii wojskowości. Т. 8. Cz. 1. 1962.

Horn M. Skutki ekonomiczne najazdów tatarskich z lat 1605–1633 na Rus Czerwona. – Wrocław: Ossolineum, 1964. – 223 s.

Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th -18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011, XXXVI.– 1109 p.

Konung Johanden III: des Chronica. – Stockholm: Lorenz Ludwig Grefing, 1745. http://books.googleusercontent.com/books/content?req=AKW5Qaf6TW2X06XtIPvVWTu0088ZBEmvf84nhFNnClx_6B5hckRxa-c5EbH-IHFUr_dYQZLMEG2xD29pBcx225WTC93FU17P2xn_HNOjCC4DkGf-HaN_nqH-AIChyO4rSUFepY9Iz58_yeFckifrb8PDZdeQ8qtppgjxmYBd6bShZHfp-H7pt_omdTF73iEV4fAd2wXNLOarW-cc54_DxZQwTXsFshQyfq38hvHyr29ZadSU6KR8uz3VtKgafNzLVtv7H7xo8xkzmD6yH1I0fX_Sh-vbFpeDA

Kortepeter C. M. Gazi Ghiray, khan of the Crimea and Ottoman Policy in Eastern Europe and the Caucasus, 1588–1594 // The Slavonic and Eastern European Review. – Vol. 44. №102. – Pp. 136–166.

Majewski R. Cecora, rok 1620. – Warszawa: MON, 1970. – 225 s.

Milewski D. A campaign of the Great hetman Jan Zamoyski in Moldavia (1595 r.). Part 1. Politico-Diplomatic and Military Preliminaries // Codrul Cosminului. Vol. 18. №2. – Suceava: Universitatea din Stefan cel Mare, 2012. pp. 261–286.

Milewski D. A campaign of the Great hetman Jan Zamoyski in Moldavia (1595 r.): The Battle at Tutora and aftermath // Codrul Cosminului. Vol. 19. №1. – Suceava: Universitatea din Stefan cel Mare, 2013. – Pp. 57–76.

Osman S. Did the Crimean khans collect tribute (harac or hazine) from Moldova and Wallachia?

https://www.academia.edu/9635317/Did_the_Crimean_Khans_collect_tribute_har%C3%A2%C3%A7_or_hazine_from_Moldova_and_Wallachia

Pamiętniki o wyprawie Hociemskiej 1621 r. Jana Hrabi z Ostroga, Prokopa Zbigniewskiego, Stanisława Lubomirskiego i Jakoba Sobieskiego z rekopismow wspolczesnych I drukow mniej znajomow. – Krakow: Czech Joszef, 1853. <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=70270&from=publication>

Pauli Piasecii Chronica gestorum in Europa singularium .... Accurate ac fideliter conscripta ad Annum Christi, MDCXLVIII. – Cracoviae: Typis expressa, 1648. http://books.google.com.ua/books?id=KeZKAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska. – Warszawa: Książka i wiedza, 1987. – 359 s.

Podhorodecki L. Chocim, 1621. – Warszawa: Bellona, 1988. – 176 s.

Podhorodecki L. Tatarzy: Od Czyngis-chana do XX wieku. – Warszawa: Bellona, 2010. – 246 [2] s.

Senkowski O. Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do historyi polskiej służących. – Warszawa: Nakład Zawadzkiego i Weckiego, 1824. http://books.google.com.ua/books?id=5xELAAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Sledzinski K. Cecora, rok 1620. – Warszawa: Bellona, 2007. – 204 s.

Skorupa D. Stosunki polsko-Tatarskie: 1595–1623. – Warszawa: Neriton, Instytut historii PAN, 2004. – 294 s.

Jakub Sobieski. Commentariorum Chotinensis belli libri tres. – Warszawa, 1646. – 198 s. http://books.google.com.ua/books?id=cTpNAAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Sweden, The Ottoman Empire and The Crimean Tatars, c. 1580–1714. The Realpolitik of Christian Kingdom.

<https://varldsinborderskriget.wordpress.com/2011/02/14/sweden-the-ottoman-empire-and-the-crimean-tartars-c-1580-%E2%80%931714-%E2%80%93the-realpolitik-of-a-christian-kingdom/>

Swedish-Tatar military alliance against Russia.

<http://www.forumbiodiversity.com/showthread.php/2351-Swedish-Tatar-Military-Alliance-against-Russia>

Zettersteen K.W. Turkische, tatarische und persische Urkunden im schwedischen Reichsarchiv. – Uppsala: Almqvist och Wiksells boktryckeri, 1945. XV. – 132 s.

Życie Jana Zamoyskiego Kanclerza y Hetmana Wielkiego Koronnego, Krakowskiego, Belskiego, Malborskiego, Dorpackiego, Knyszynskiego, Miedzerzyckiego, Grodeckiego, Jaworowskiego etc. Starosty. – Warszawa: Drukarnia J.K. Msci Narodowej, 1775.

http://books.google.com.ua/books?id=F1c6AAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Pisma Stanisława Żółkiewskiego, kanclerza koronnego i hetmanna z jego popiersiem. – Lwow: W drukarni zakładu narodowego im. Ossolińskich, Nakładom Wojcheca Makueckiego, 1861.

<https://archive.org/details/pismastanisawao00bielgoog>

Rajnolda Hejdenstejna sekretarza krolewskiego Dzieje Polski od smierci Zygmunta Augusta do roku 1594. T. 1. Ksiąg 12. – Sankt-Petersburg, 1857. <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=87077&from=publication>

Jana Dymitra Solikowskiego arcybiskupa lwowskiego Pamiętnik Rzeczy Polskich. – Mohylew- Sankt-Petersburg, 1855.

<http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=68631&from=publication>

Аннотация

Данная статья посвящена отношениям Крымского ханства с европейскими странами. Гази-Гирей II не был союзником Речи Посполитой, он им стал после битвы у Цецо-ры в 1595 г. против польских войск Я. Замойского. Военному союзу Крымского ханства с Речью Посполитой мешали два дестабилизирующих фактора: походы запорожских

казаков и набеги правителя Буджакской Орды Кантемира-мирзы. Запорожские казаки нанимались в войска крымских ханов и некоторых огланов-Гиреев, изгнанных из Крыма, но крымцы продолжали воспринимать их как своих врагов. Попытка Гази-Гирея II увеличить свое влияние в Молдавии наткнулась на противодействие Османов. Давление Османов на Гиреев заставляло крымских ханов искать союзников среди христиан против турков. Правители Молдавии, Валахии и Трансильвании давали дары крымским татарам взамен мирных отношений. Конфликты с Валахией и Трансильванией были обусловлены деятельностью Михая Храброго, а также вмешательством польских магнатов в дела Молдавии. Крымские ханы и шведские короли были заинтересованы в союзе, но до реального взаимодействия не доходило. Контакты между шведами и крымскими татарами ограничились взаимными посольствами.

Ключевые слова: Османы, Гирей, Крымское ханство, Речь Посполитая, Буджакская Орда, Молдавия, запорожские казаки, Швеция, крымцы.

Summary

This paper is devoted to the relations of the Crimean Khanate with European countries. Gazi-Gheray II was not an ally with the Rzeczpospolita; he became the ally after the battle against the Polish troops of J. Zamoyski near Tsetsora in 1595. Military alliance the Crimean Khanate with Rzeczpospolita was prevented by two destabilizing factors: raids of Cossacks and Bugeac Horde Governor Kantemir-Mirza. The Zaporozhian Cossacks hired as the troops to Crimean Khans and Rogue-Gherays, but Crimeans continued to perceive them as their enemies. The attempt of Gazi-Gheray II to increase influence in Moldova encountered the opposition of the Ottomans. Pressure of the Ottomans to Gherays forced Crimean Khans to seek allies among the Christians against the Turks. The Governors of Moldova, Wallachia and Transylvania give the gifts to Tatars for the providing of peaceful relations. The conflicts with Wallachia and Transylvania were caused by activities of Mihay the Brave, as well as interference of the Polish magnates to the Moldovian issues. Crimean Khans and Swedish Kings were interested in an alliance, but real interaction was not reached. Contacts between the Swedes and the Crimean Tatars were limited to mutual embassies.

Keywords: Ottomans, Gherays, Crimean Khanate, Rzeczpospolita, The Bugeac Horde, Moldova, Zaporozhian Cossacks, Sweden, Crimeans.

УДК 355:94"1939/1945"

КАК ЛЕГИОНЕРЫ ВО ВРАЖЕСКОЙ ФОРМЕ СПАСЛИ ЧЕСТЬ НАРОДА

(к 70-летию подвига группы Курмаша-Джалиля-Утяшева)

*М.В. Черепанов, член-корр. Академии военно-исторических наук,
зав. Музеем-мемориалом Великой Отечественной войны
Национального музея РТ*

70 лет назад, 25 августа 1944 г., по приговору Имперского суда Третьего рейха в берлинской тюрьме Плетцензее были казнены на гильотине 11 членов татарской подпольной группы легиона «Идель-Урал». Это событие более или менее известно в нашей республике. Но мало кто знает, что за две недели до этого, 11 августа 1944 г., их товарищи по подполью, 118 бойцов отряда капитана А.Г. Утяшева в форме легионеров вермахта освободили города Байнс, Сог, Ле-Пюи и Верхне-Луарского округа Франции от фашистов.

Значение этого события высоко оценено не только французами, которые поставили памятники легионерам-освободителям. Стоит взглянуть на карту, чтобы понять, почему и командование союзных войск Великобритании и США считало своевременное выступление советских военнопленных в легионах вермахта немаловажным подспорьем в успешной высадке десанта на южном побережье Франции. Верхне-Луарский округ всего лишь в сотне километров от того места, где 15 августа высадились войска союзников. Восстание произошло как раз на путях снабжения южной группировки оккупационных войск Германии в Средиземноморье.

Действия легионеров облегчили лишь освобождение Европы с юга, но

это был существенный вклад в разгром гитлеровского фашизма в тот момент, когда счет шел буквально на дни. Сейчас известно, что именно с Альпийских гор фюрер планировал свой «удар возмездия» в мае-июне 1945 г. с применением ракет Фау-4 с урановыми боеголовками.

Звенья одной цепи

В августе 1942 г., вынужденный считаться с потерями на фронте, Гитлер согласился на создание туркестанских батальонов из советских военнопленных, казачьих частей, кавказских и крымско-татарских формирований. Уже осенью 1942 г. появился легион «Идель-Урал», в который зачисляли военнопленных татар, башкир и представителей народов Поволжья. Плановыми усилиями Главного Разведывательного Управления РККА в легион были внедрены профессиональные диверсанты, возглавившие работу по разложению данного подразделения вермахта изнутри, подготовке диверсий, саботажа и вооруженного восстания.

12 февраля 1944 г. в смертном приговоре членам группы Курмаша-Джалиля судьи гитлеровской Германии дали своеобразную оценку подпольной деятельности в Волго-татарском легионе, в колонке «Обвинение» указав причины: «Со-

действие врагу», «Подрыв военной мощи».

Именно за это герой-поэт Муса Джалиль получил посмертно звание Героя Советского Союза, а остальные члены группы Курмаша 5 мая 1990 г. Указом Президента СССР М.С.Горбачева посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени.

В день казни вспомним их поименно: Гайнан Курмашев, Муса Джалиль, Абдулла Алиш, Фуат Сайфульмулюков, Фуат Булатов, Гариф Шабаев, Ахмет Симаев, Абдулла Батталов, Зиннат Хасанов, Ахат Атнашев, Салим Бухаров.

Большую лепту в реабилитацию группы подпольщиков еще в конце 40-х годов внес генерал-майор КГБ Д.С.Токарев, который в то время возглавлял службу госбезопасности Татарской АССР. О вкладе каждого члена группы в общее дело рассказал в книге «По следам оборванной песни» (1981) писатель-исследователь Р.А. Мустафин. Он документально доказал, что Гайнан Курмашев создавал боевые пятерки в подпольной организации, координировал их работу, а также принимал присягу от новых членов на верность Родине.

Муса Джалиль ездил по лагерям военнопленных с концертной группой, своими стихами напоминая землякам, что они не шахиды-мусульмане, призванные служить Гитлеру или каким-то эфемерным идеям создания штатов «Идель-Урал», а татары-россияне. И в руках каждого из них – судьба не только его семьи за Волгой, но и всего татарского народа.

Ахмет Симаев работал в Берлине диктором на радиостанции «Винета», которая вела радиопропаганду на языках народов СССР. Имея доступ к радио, он готовил листовки с сообщениями Совинформбюро о событиях на фронте.

Зиннат Хасанов выступал как певец и чтец-декламатор, распространял листовки, работал связным между группами организации.

Абдулла Алиш согласился работать в редакции газеты «Идель-Урал» и таким образом получил доступ в типографию, где ему удавалось печатать антифашистские листовки. Он также установил связи с болгарскими студентами-антифашистами и советскими людьми, угнанными в Германию.

Активно участвовали в антифашистской агитации Абдулла Батталов, Фуат Сайфульмулюков, Фуат Булатов, Гариф Шабаев, Салим Бухаров.

Ахат Атнашев получал из центра и распространял листовки, готовил организованный переход батальона на сторону партизан.

Первые попытки легионеров перейти на сторону партизан были еще в феврале 1943 г. под Витебском. Половина 825-го батальона (более 500 человек) оказалась тогда в составе 1-й Белорусской партизанской бригады и погибла в боях с оккупантами.

В результате предательства агента Ямалутдинова гитлеровцам удалось арестовать несколько десятков участников подполья в легионе. Но Джалиль и Курмаш так стойко вели себя на допросах, что большинство участников событий фашистам пришлось выпустить. К казни на гильотине были приговорены лишь 11 человек.

Взбешенный фактом массового перехода легионеров на сторону партизан, Гитлер приказал перебросить 30 тысяч татар из Польши во Францию. Он надеялся на то, что мусульмане не смогут найти общий язык с силами Сопротивления.

О том, что было дальше, свидетельствует подполковник Серж Запальский, начальник партизан Верхне-Луарского округа, командующий французскими внутренними силами г. Ле-Пюи.

«Служили примером для французских партизан»

Выдержки из документа, составленного 5 апреля 1945 г.

«В Советскую Военную Миссию г. Парижа

Среди военнопленных красноармейцев, находившихся в подразделениях немецкой армии, было немало тех, кто поддерживал тесную связь с партизанами Луарского округа. Многие из них помогали разложению Татарского легиона, часть которого впоследствии присоединилась к французским партизанам.

Особо я могу отметить:

1. Капитан Аксенов (1913 г.р., г. Москва). Организатор 1-й Русской партизанской группы, с которой 28 июля 1944 г. прибыл в лес около г. Ружак. Убит в бою во главе отряда против немцев в местечке Байнс 11 августа 1944 г.

2. Капитан Александр (Амир Галимьянович) Утяшев, род. 15 сентября 1919 г. в Башкирии, близ Благоварска, в д. Каргали. Адрес жены – г. Арск, ул. Интернациональная, 35. Был организатором и комиссаром 1-й Русской партизанской группы.

Он совместно с Аксеновым привел группу к маки, в лес. После смерти Аксенова капитан Утяшев командовал группой русских партизан и увеличил ее численность.

Со своим отрядом Утяшев участвовал в боях под Байнсом, где осво-

бодил из плена 22 русских солдата. Принимал участие в аресте немецких солдат и французских фашистов в районе г. Сог (Верхне-Луарский округ). В день освобождения г. Ле-Пюи его группа насчитывала 118 вооруженных добровольцев.

Отряд Утяшева был всегда готов драться до последней капли крови и своей храбростью служил примером для французских партизан. Старший лейтенант Утяшев получил чин капитана французской армии и французский Военный Крест.

Подполковник С. Запальский».

Представители советской власти обратили внимание на этот документ лишь в декабре 1961 г. На нем пометка переводчика следственных органов: «По содержанию перевод правилен. 2.12.61 г.».

Амир Галимьянович Утяшев был репрессирован в СССР, как и десятки тысяч легионеров-подпольщиков. Реабилитирован лишь в 60-е годы. Умер в Казани в 1996 г. А подавляющее большинство его товарищей так и считаются формально предателями родины.

Думается, пора вернуть доброе имя нашим землякам, которые в борьбе с фашизмом служили примером даже для партизан Франции.

Подробнее об этих событиях можно узнать в Музее-мемориале Великой Отечественной войны, который находится в Казанском кремле.

УДК 82.0(091)

О КАЗАХСКО-ТАТАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ И О РЫМГАЛИ НУРГАЛИЕВЕ

Х.Ю. Миннегулов, доктор филологических наук, профессор

Казахи и татары – издавна соседствующие, сотрудничающие, общающиеся народы. Видимо, сама судьба распорядилась им жить так близко и дружно. Я не помню случая в истории, когда эти народы враждовали, воевали друг с другом. Они только мирно общались, делились духовными и материальными ценностями, обменивались жизненным опытом. Дай Бог, чтобы наши народы и в последующие века жили так дружно, благополучно.

Добрососедство казахов и татар обусловлено многими объективными факторами и предпосылками. Прежде всего, нас объединяет общее этническое происхождение – тюркизм, близость языка, мифологии, словесного искусства. Предки современных казахов и татар часто жили в составе одних и тех же государств: в гуннской империи и тюркских каганатах, в Улусе Джучи, Ногайском и Сибирском ханствах, в царской России и Советском Союзе. Единство религии и письма, многовековая ориентация на Мусульманский Восток, географическое взаимопроникновение, экономическое и духовно-культурное сотрудничество, смешанные браки сыграли большую роль в объединении и сближении наших народов.

В период колониального и имперского гнета казахи и татары поддерживали друг друга. Просторные степи, аулы и города Казахстана приютили множество татар, дали им возможность жить и работать. (За это мы бла-

годарны им!). Наши соплеменники продолжают жить в Яике (Уральск) и Актюбинске, Кызыльяре (Петропавловск) и Кокчетаве, Семипалатинске и Караганде, Алматы и Акмолинске... Многие представители татарской интеллигенции, шакирды, будущие писатели, ученые учительствовали в казахских степях. Среди них были такие известные мастера пера, как Г.Ибрагимов, М.Гафури, Ш.Бабич, А.Тагиров и др. Значительная часть этих мугаллимов осталась там на всю жизнь.

(Когда речь идет о казахско-татарских взаимосвязях, необходимо сделать одну оговорку. Некоторые авторы при этом оперируют современными территориально-административными единицами. Если нынешний Казахстан охватывает подавляющее большинство казахского населения, то в Татарстане проживает лишь одна четвертая часть татар, остальные, в первую очередь, астраханские, оренбургские, саратовские, пензенские, пермские, западносибирские, челябинские и др. татары, которые являются не диаспорой, а коренными жителями этих регионов, по тем или иным причинам, остались за пределами Татарстана. Больше одного миллиона татар проживает в Башкортостане).

У казахов и татар есть различные варианты, версии одних и тех же дас-танов, сказок, таких как «Алпамша», «Кузы-Курпяч и Баян-сылу», «Иде-

гей», «Чура батыр» и др. Имеются у них и общие писатели, такие как Хасан Кайгы (XV в.), Кадыр Алибек (2 пол. XVI в. – первая четверть XVII столетия), Акмулла (1831–1895) и др. Нам приятно, что наши соплеменники плодотворно трудились и трудятся в различных сферах жизни Казахстана. В энциклопедическом словаре «Татары в Казахстане» (2011) представлено около 400 известных татар Казахстана [1]. Среди них много и творческих деятелей: Латиф Хамиди (1906–1983) – один из основателей казахской профессиональной оперной музыки; близнецы Ришат (1916–1988) и Муслим (1916–1996) Абдуллины – знаменитые оперные певцы Казахстана; художник Камиль Муллашев (1944), дирижер Государственных симфонических оркестров Казахстана, Татарстана, а также Большого театра в Москве и др. Фуат Мансуров (1928–2010), Сабир Шарипов (1880, Агрызский район РТ – 1942) стал классиком казахской литературы. Ответственный секретарь одного из казахских журналов «Айкап» (1911–1916, Троицк) Акрам Галимов (1892–1913), Маджит Даулетбаев (Нуринский, 1900–1938) писали свои поэтические и драматические произведения на татарском и казахском языках.

Земля Казахстана вырастила несколько десятков известных деятелей татарской литературы, культуры и науки. Это – поэты Нури Арсланов (1912, Петропавловск (Кызыльяр) – 1991), Ибрагим Салахов (1911, г. Кокчетав – 1998), Махмут Хусаин (1923, Петропавловск – 1993), композитор, народный артист СССР Назиб Жиганов (1911, г. Уральск – 1988), режиссер Ширияздан Сарымсаков (1911, г. Атбасар – 1999), академик (историк) Рафик Нафигов (1928, г. Уральск – 2001) и многие другие. Великий сын татарского народа Г.Тукай в 1895–1907 гг. жил, учился и работал

в Уральске, как поэт сформировался на казахстанской земле.

Как известно, в XIX – начале XX столетия в Поволжье и Приуралье функционировали многочисленные татарские медресе. В них, наряду с татарами, обучались и представители других тюркоязычных народов. По утверждению В.В. Радлова, в Стерлибашевское медресе (на территории бывшей Оренбургской губернии) ежегодно принимали до 150 казахов [1:11]. В татарских медресе «Хусаиния» (Оренбург), «Галия» (Уфа), «Мухаммадия» (Казань), «Расулия» (Троицк) ... учились многие будущие мастера пера казахской литературы. Среди них были Беимет Майлин (1896–1938), Магжан Жумабаев (1895–1938), Мухамеджан Сералин (мать – татарка, 1893–1920), Султанмахмут Торайгыров (1893–1920) и др.

Творческими усилиями Г. Исхаки (1878–1954), Г. Тукая (1886–1913), Г. Ибрагимова (1887–1938), М. Гафури (1880–1934), Ф. Амирхана (1886–1926), Дэрдменда (1859–1921), С. Рамиева (1880–1926) и многих других писателей татарское словесное искусство в первой четверти XX столетия достигает высокого уровня своего развития, переживает настоящий «золотой век», сыграв значительную роль и в судьбе литератур тюркского мира, в том числе и казахов.

Имеются интересные высказывания известных казахских писателей и ученых о татарской словесности, особенно о Тукае. Сабит Муканов (1900–1973) в статье «Слово о Тукае» (1966) писал: «В начале XX века татарская культура была самой передовой среди тюркоязычных народов... В течение десяти предоктябрьских лет многие писатели и поэты тюркоязычных народов прошли литературную школу Тукая, учились у него художественному мастерству, явились его учениками в буквальном смысле

этого слова. Башкирский (точнее, татарско-башкирский. – *Х.М.*) писатель Сайфи Кудаш, казахские писатели Султанмахмут Торайгыров, Сабит Дунантаев и Беимбет Майлин, киргизские писатели Имангали Арабаев и Касим Гиистанов, узбекские писатели Фитрат, Шулпан (Чулпан. – *Х.М.*) и Абдулла Кадири, таджикский писатель Садриддин Айни и Рахимзаде, туркменский писатель Берды Кербабаяев и многие другие свои первые шаги на литературном поприще совершили под благотворным влиянием Габдуллы Тукая...

В ту же пору, когда жил и творил этот великан поэзии Востока, каждый из народов, населявших Российскую империю, имел своего собственного Тукая. Можно назвать казаха Абая, киргиза Токтогула, узбека Фурката, таджика Айни и других. Однако в силу ряда обстоятельств никто из этих писателей не получил такой широкой межнациональной популярности, как Тукай. Уже при своей короткой жизни он снискал громкую славу среди всех тюркоязычных народов тогдашней России [2:28–29].

Как бы продолжая мысли С.Муканова, в статье «Габдулла Тукай и казахская литература» (1966) профессор Тимергали Нуртазин пишет о значительной роли татарской литературы, культуры, а также периодической печати в развитии казахской духовной жизни; отмечает, что «идейно-художественное влияние Тукая на казахов, узбеков, киргизов, туркмен, каракалпаков, азербайджанцев, карачаевцев, кумыков, алтайцев, башкир и других было огромно» [3:66–67]. «У казахов, пожалуй, нет ни одного писателя предоктябрьского периода, который в той или иной степени не испытывал идейно-эстетического влияния Тукая» [3:67].

Необходимо подчеркнуть, что казахские ученые очень много сделали

на пути исследования взаимосвязей культур, в том числе по изучению казахско-татарских литературных взаимоотношений. В частности, в монографии Беркута Ыскакова «Казахско-татарские литературные связи» (1976, на казахском языке) приведено очень много интересных, поучительных фактов, сведений, относящихся к данному вопросу, в широком историческом плане, комплексно освещаются взаимосвязи казахов и татар [4]. По мнению автора этой книги, татарский просветитель, преподаватель Санкт-Петербургского университета Хусаин Фаизханов (1828–1866) «был одним из самых близких друзей» Чокана Валиханова (1835–1865). Когда он приезжал в столицу, останавливался в квартире Х.Фаизханова. Они и переписывались [4:58]. Выпускник Казанского университета Салихжан Кукляшев (1811–1864) в 1850–1856 гг. работал заведующим («надзирателем») «Киргизской (казахской) школы» в Оренбурге. Он был учителем казахского просветителя Ибрая Алтынсарина (1841–1889) [4:208]. Между крупными писателями, общественными деятелями Галимджаном Ибрагимовым и Сакеном Сайфуллиным в послеоктябрьские годы установились тесные дружественные и деловые связи. С. Сайфуллин особенно тесно общался с татарскими писателями и деятелями культуры в годы работы в Оренбурге в 20-е годы. Его первая книга стихотворений под названием «Минувшие дни» («Үткен көндөр») увидела свет в Казани. Между прочим, до Октября многие книги казахских авторов публиковались в издательствах Казани, Оренбурга, Уфы. Среди них есть сочинения Абая, М. Жумабаева, С. Торайгырова и др. На страницах татарской периодической печати («Вақыт», «Шура», «Аң»...) часто встречаются материалы казахских авторов и публикации о казахах.

В истории и казахской, и татарской литератур много примеров «по обмену» национальной тематикой. Казахский хан Жигангир Букеев (умер в 1845 году) тесно общался с татарами, его жена Фатима ханум была татаркой. Его дети учились в татарском медресе Стерлибашево. За «услуги в просвещении между азиатами», за «покровительство науке» Жигангир хан «избран Почетным членом... Казанского университета». Татарский поэт Абульманих Каргалый (1782 – после 1833 г.) посвятил ему свое стихотворение одического жанра, где Жигангир хан представлен как «светоч ислама», «радость ученых мира» [6:135–137]. Широкой публике читателей хорошо известен роман Г. Ибрагимова «Дочь степи», в котором мастерски изображены жизнь и обычаи казахского народа. Это сочинение неоднократно переводилось и на другие языки, в том числе и на казахский. В произведениях «В струях потока» («Ташкын дәрья тармакларында»), «Когда мир в испуге» («Ил өреkkэндә»), «Зимогоры» («Әтрәкәләнәр») Афзала Тагирова (1890–1937) ярко представлены персонажи и картины природы наших соседей. Тематика, в той или иной степени связанная с казахами, отражена в произведениях Шамиля Усманова (1898–1937), Ибрагима Салахова, Асгата Айдары (1906–1959), Абдурахмана Абсалямова (1911–1979), Сибгата Хакима (1911–1986) и многих других татарских писателей. Аналогичная картина наблюдается и в казахском словесном искусстве. Многие стихотворения Ж. Сыздыкова (1901–1977) посвящены Тукаю («Син Жаекта канат кактың»), Казани («Татарской девушке – Рашиде») и т.д. В то же время он переводил множество поэтических и прозаических произведений на казахский язык («Дочь степи», «Алмачуар» Г. Ибрагимова, стихотворения и поэмы Г. Тукая и М. Джалиля...).

Популярна поэма Жубана Мулдагалиева (1920–1988) «Песня о песне» (1956), посвященная М. Джалилю. На создание великолепных стихов о любви М. Жумабаева вдохновляла татарка Гульсум Камалова.

Раньше, особенно в период функционирования арабской графики, сочинения тюркских авторов читались у тюркских народов, в основном, на языке оригинала. Переводы, как правило, вошли в обиход лишь в советское время. На казахский язык переведены произведения Г. Тукая, Г. Ибрагимова, М. Джалиля, Г. Баширова, Г. Кутуя, К. Наджми, С. Хакима, Н. Арсланова и многих других писателей. Татарский читатель на своем языке уже с 1957 года читает знаменитую эпопею М. Ауэзова (1897–1961) «Абай» в переводе Сарвар Адгамовой (1901–1978) [7]. (Между прочим, этот аксакал казахской литературы хорошо знал татарское словесное искусство, имел дружественные отношения с А. Файзи, К. Наджми, Г. Башировым, С. Хакимом, художником Баки Урманче... Вместе с узбекским поэтом Гафуром Гулямом сыграл большую роль в присвоении звания лауреата Ленинской премии Мусе Джалилю. За это мы им очень благодарны!). В сфере переводов и пропаганды произведений казахских авторов уже около полувека плодотворно трудится Лирон Хамидуллин (р. в 1932 г.). Им переведены на татарский язык некоторые произведения Абая («Хикмәтде сүз», 1981), Анвара Алимджанова (1930–1993) («Күкшел таулар итәгендә»), «Отрар хатирәсе», 1974), Саина Муратбекова (1936–2007) («Әрем исе», 1986), а также рассказы и повести других авторов. Имеются переводы стихотворений Абая (1845–1904), Жамбула Жабаева (1946–1945), Мухаммеда Утямисова (1803–1846), Ибрая Алтынсарина (1841–1889), Ильяса Жансугурова (1894–1937), Та-

хира Жарокова (1908–1965), Абдильды Тажибаева (1909–1998) и некоторых других поэтов, осуществленные такими мастерами пера, как Хасан Туфан, Нури Арсланов, Заки Нури, Ахмед Исхак [8]. Нури Арслановым на татарский язык переведен поучительный рассказ Габита Мусрепова (1902–1985) «Его следы» («Аның эзләре») [8:62–70]. В последние годы особенно возрос интерес к поэзии М. Жумабаева. В частности, в 2013 году вышел сборник его стихотворений «Жан сүзе», где помещены переводы Нури Арсланова, Флеры Тархановой, Мударриса Аглыама. Составителем и основным переводчиком этой книги является Народный поэт Татарстана Радиф Гаташ (р. в 1941 г.). Ведущий журнал татарских писателей «Казан утлары» часто знакомит своих читателей с образцами казахской литературы (Тулен Абдиколы «Акылның канлы яу кыры» (повесть), в переводе М. Галиева. – 2014. – № 8. С. 23–59; Рахимжан Отарбаев «Ак күбекләр» (рассказ), в переводе Ф. Тархановой. – 2014. – №12. – С. 119–125 и т.д.).

Знаменитый Олжас Сулейменов (р. в 1936 г.) много раз бывал в Казани. Его стихотворения и поэмы, труды (особенно «Аз и Я») широко известны в татарском мире.

Между Казахстаном и Татарстаном, в тесной связи с живым литературным процессом, установилось сотрудничество и в области филологии, литературной науки. В частности, в трудах З.Ахметова, Е.Исмаилова, Т.Нургазина, Б.Ыскакова, Р.Нургалиева, С.Каскабасова, Ш.Ибраева, М.Гайнуллина, Р.Ганиевой, Х.Миннегулова, Ф.Урманче и других освещены многие аспекты казахско-татарских взаимосвязей. Долгие годы в Казани отсутствовал Совет по защите докторских диссертаций по татарской филологии. Ф.Хатипов, Т.Галиуллин, А.Ахмадуллин и некоторые другие

татарские литературоведы, благодаря поддержке и помощи казахских коллег, стали докторами наук.

В последние годы развивается плодотворное сотрудничество татарстанских филологов с учеными Международного казахско-турецкого университета имени Х.Яссави (г. Туркестан), Институтом литературы и искусства им. Мухтара Ауэзова (г. Алматы), Международной Тюркской академией (г. Астана), Евразийским Национальным университетом имени Л.Н.Гумилева (г. Астана) и др. Проводятся совместные научные конференции, симпозиумы, конгрессы, семинары, реализуются различные проекты, издаются научные труды, журналы.

Даже беглый обзор поставленной темы показывает многообразие, длительность, плодотворность казахско-татарских литературных взаимосвязей. Главное, накоплен большой опыт. Надеемся, что на основе этого исторического опыта и исходя из потребностей реальной жизни эти взаимосвязи окрепнут и продолжатся на более высоком уровне.

(О Рымгали Нургалиеве)

Словесное искусство, литературная наука, культура Казахстана за последние десятилетия добились больших успехов. На этом поприще очень плодотворно работал Рымгали Нургалиев (17.06.1940–17.02.2010)... Он известный литературовед, критик, писатель, педагог, переводчик, организатор науки, общественный деятель, обладатель различных премий, наград, титулов. Успешно работал журналистом, деканом, профессором, зав. кафедрой, главным редактором «Казахской энциклопедии» и др. Его повести («Зерно», «Горение», «Степные просторы...»), переведенные и на русский язык, характеризуются сочностью и образностью языка,

жизненностью изображенных событий [9]. Научные труды, монографии Р. Нургалиева, такие как «Поэтика драмы (Истоки и тенденции развития казахской литературы)» (Алма-Ата, 1979) [10], «Древо обновления... (Традиции и современный литературный процесс)» (Алма-Ата, 1989) [11], «Трагедии Мухтара Ауэзова» (Алма-Ата, 1983) и другие, хорошо известны не только в Казахстане, но и за его пределами, в том числе и в Татарстане. Его докторская диссертация «Проблемы жанров казахской советской драматургии» (1982) была воспринята как значительное явление в тюркоязычной литературной науке. Научно-критическим исследованиям Р. Нургалиева присущи масштабность, широкий охват историко-литературного процесса, бережное отношение к национальным духовным ценностям, успешное сочетание теоретических проблем с конкретным анализом произведений, авторов.

В наследии этого талантливого ученого существенное место занимают и вопросы взаимосвязей литератур, в том числе и между казахской и татарской. По-моему, он начал свою исследовательскую деятельность именно с изучения межлитературных взаимосвязей. Символично, что его первая книга, написанная и изданная в студенческие годы (1961) была посвящена освещению жизни и творчества Сабира Шарипова (1880–1942), татарина по происхождению, писавшего на татарском, русском и казахском языках, но ставшего классиком казахской литературы.

Я знаю Рымгали с апреля 1962 года, когда он, еще будучи студентом Казахского государственного университета, приехал в Казанский университет на межвузовскую научно-студенческую конференцию, посвященную 75-летию со дня рождения нашего классика Галимджана

Ибрагимова (1887–1938). Я помню, как он сделал блестящий доклад о Г. Ибрагимове, о межлитературных связях. Публика очень внимательно и с интересом слушала его, были и вопросы, споры. Но он стойко держался, аргументированно отвечал на многие вопросы. Я, кажется, немного преувеличивал роль русской литературы в становлении Г. Ибрагимова как писателя. Рымгали полемицировал со мной и напомнил о богатых традициях восточной словесности. Наш гость живо интересовался татарской духовной жизнью, Казанью, принял участие в традиционном празднике Тукая и возложил цветы к его памятнику и на могилу. На студенческой вечеринке, организованной в общежитии, Рымгали общался с нашими молодыми авторами, читал стихи казахских поэтов, а также спел арию из оперы «Абай» «Әйттем сәлам, кәләм каш»... Особенно он подружился с Радифом Гаташем, потом они неоднократно встречались. По словам Радифа – моего сокурсника, – Рымгали открыл ему дорогу в богатый мир казахского словесного искусства.

При первой же встрече мы поняли, что у этого талантливого казахского джигита большое будущее. И, действительно, мы не ошиблись. Он печатал, особенно на стыке 60-70-х гг., одну книгу за другой. Хотя очень редко встречались (одна из них произошла в 1997 году в Алма-Ате, на 100-летию М. Ауэзова), мы следили за его ростом, радовались его успехам. Примечательно то, что Р. Нургалиев выбранную еще в молодости тему о Г. Ибрагимове, о межлитературных связях продолжил и в дальнейшем. В частности, в вышеупомянутой монографии «Древо обновления...» (1989) говорится и о роли татарских медресе, печатного слова в судьбе казахских писателей первой половины XX века; с уважением пишет он о Г. Иб-

рагимове, его творчестве. В частности, Р. Нургалиев считает роман «Дочь степи» («Казахская девушка») «первым произведением тюркоязычной литературы, выполненным на европейском уровне» [с. 64].

Таким образом, Рымгали Нургалиев внес значительный вклад и в изучение казахско-татарских литературных взаимосвязей.

Этого талантливого ученого, настоящего патриота Казахстана вот уже более 5 лет нет среди нас. Но я его вижу через многие десятилетия (больше полувека!) приехавшим в 1962 году в Казань худощавым, очень подвижным, спорящим, эрудированным студентом, продолжающим многолетние, плодотворные связи между казахами и татарами.

ЛИТЕРАТУРА

Татары в Казахстане: Энциклопедический словарь / Под ред. Г.Т. Хайруллина. – Алматы: ИД «Мир», 2011. – 220 с.

Слово о Тукае. Писатели и ученые о татарском народном поэте. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 431 с.

Габдулла Тукай (Материалы юбилейных мероприятий, посвященных 80-летию со дня рождения Тукая). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1968. – 244 с.

Ыскаков Б. Казак-татар әдеби байланысы (Даму кезендери). – Алматы: Казак ССРнің «Ғылым» баспасы, 1976. – 175 б.

Миннегулов Х. Татарская литература и Восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). – Казань: Изд-во КГУ, 1993. – 384 с.

Миңнегулов Х., Садретдинов Ш. XIX йөз татар әдәбияты ядкярләре. – Казан: КДУ нәшр., 1982. – 143 б.

Миңнегулов Х. Мохтар Ауэзов һәм татар әдәбияты // Миңнегулов Х. Дөнъяда сүземез бар... – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 281–295 б.

Казакъ поэзиясе үрнәкләре // Совет әдәбияты. – 1963. – №1. – 71–79 б.

Рымгали Нургалиев. Зерно (новеллы о целине). – Алма-Ата: Жалын, 1981. – 168 с.

Рымгали Нургалиев. Поэтика драмы... – Алма-Ата: Жазушы, 1979. – 245 с.

Рымгали Нургалиев. Древо обновления... – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 367 с.

Аннотация

В статье профессора Х.Ю. Миннегулова рассматриваются многовековые, разносторонние взаимосвязи казахской и татарской литератур, приводятся конкретные факты и сведения о сотрудничестве этих народов, а также кратко освещается деятельность Р. Нургалиева в аспекте взаимосвязей.

Ключевые слова: казахи, татары, взаимосвязи литератур, дооктябрьский период, советское время, переводы, сотрудничество, Рымгали Нургалиев.

Summary

The article of Professor H.YU. Minnegulova is devoted to the multifaceted relationships of Kazakh and Tatar literature. The specific facts and information about the co-operation of these two nations is given in this article. Also summarizes the activities of R. Nurgaliyev in aspects of the relationship.

Keywords: Kazakhs, Tatars, the relationship of literatures, pre-October period, the Soviet period, translations, cooperation, Rymgali Nurgaliyev.

УДК 001-057.4

ЕДИНСТВЕННЫЙ В РОССИИ СПЕЦИАЛИСТ ПО ДРЕВНЕУЙГУРСКОМУ ЯЗЫКУ И ЕГО ПИСЬМЕННОСТИ (к 80-летию со дня рождения профессора Д.М. Насилова)

Х.Ч. Алишина, доктор филологических наук, профессор

В этом году исполняется 80 лет со дня рождения одного из крупнейших современных российских тюркологов, заведующего кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, заместителя председателя Российского комитета тюркологов, главного редактора журнала «Российская тюркология» доктора филологических наук профессора Дмитрия Михайловича Насилова.

Дмитрий Насилов родился 18 марта 1935 г. в г. Зарайске Московской области в семье интеллигентов. На выбор профессии повлиял ближайший родственник, крупный ученый-востоковед, педагог, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Михайлович Насилов.

Дмитрий Михайлович Насилов посвятил свою жизнь изучению тюркских языков. Выдержав вступительные испытания, он поступил на восточное отделение филологического факультета МГУ, где специализировался по тюркским языкам – современным (турецкий, узбекский) и древним. Здесь учились лучшие представители отечественной тюркологии, такие как уже ныне покойные – основоположник научного изучения языка сибирских татар, профессор Казанского государственного университета, действительный член Академии наук Республики Татарстан, Заслуженный деятель науки Татарстана и России,

лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, член Советского (ныне Российского) комитета тюркологов с момента его основания, почетный член Турецкого лингвистического общества Türk Dil Kurumu Диляра Гарифовна Тумашева; доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН Галина Федоровна Благова и др.

А.В.Шеймович в статье «К 85-летию Галины Федоровны Благовой: научные итоги десятилетия» отмечает: «Университетскими учителями Г.Ф.Благовой были продолжатели научной школы Самойловича Н.К.Дмитриев, Э.Н.Наджип, непосредственно учившийся у Самойловича, и В.М.Насилов» [1:4]. Известные востоковеды Николай Константинович Дмитриев, Эмир Наджипович Наджип, Владимир Михайлович Насилов, Эрванд Владимирович Севортян являлись университетскими учителями и Дмитрия Михайловича Насилова. Это была блестящая плеяда ученых, глубоко преданных тюркологии.

Заметим, Галина Федоровна Благова и Диляра Гарифовна Тумашева были практически ровесницами. Д.Г.Тумашева, чьи студенческие годы пришлись на 1944–1949 гг., с большим уважением отзывалась о тех педагогах, кто был ей особенно дорог:

«Научный руководитель – основатель московской школы тюркологов член-корреспондент АН СССР, профессор Николай Константинович Дмитриев. Преподавателями были также арабист Бенциан Меерович Гранде, иранист Борис Всеволодович Миллер, тюрколог Эрванд Владимирович Севортян, фольклорист Мадина Искандеровна Богданова» [2:7].

Годы студенческой юности Д.М. Насилова пришлись на время подъема национально-освободительного движения на Востоке. Стране были необходимы высококвалифицированные специалисты по тюркским языкам, способные развить и упрочить позиции московского востоковедения. Дмитрий Михайлович окончил МГУ в 1958 г., с отличием защитив дипломную работу на кафедре тюркской филологии. Решением ГЭК ему была присвоена квалификация востоковед-филолог, научный работник в области филологических наук, преподаватель ВУЗа.

По направлению Министерства образования Д.М.Насилов едет в Узбекистан, где с 1958 по 1960 гг. работает преподавателем кафедры узбекского языка Самаркандского университета. В 1964 г., успешно окончив очную аспирантуру в Институте языкознания в Москве, он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Структура времени индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма)». До настоящего времени Д.М. Насилов является единственным в России специалистом по древнеуйгурскому языку и его письменности.

С 1963 года на протяжении тридцати лет научная деятельность Д.М.Насилова была связана с Ленинградским отделением Института языкознания (ныне Институт лингвистических исследований РАН), куда он был приглашен руководством сектора алтайских языков. Здесь Дмитрий

Михайлович прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом алтайских языков Института лингвистических исследований РАН. Д.М.Насилов работал над подготовкой к изданию редчайшего «Древнетюркского словаря» в качестве автора статей и одного из его редакторов. В словарь, работу над которым в свое время начинали В.В. Радлов, С.Е.Малов, вошла лексика на всех алфавитах тюрков – орхонском, тюркском, арабском, манихейском – всего 6000 слов и выражений. В эти годы Дмитрий Михайлович становится одним из наиболее признанных и заслуженных отечественных ученых в области тюркской филологии, вносит значительный вклад в теоретическую грамматику тюркских языков, скрупулезно изучает грамматические категории глагола в алтайских языках.

Главным направлением научной работы Д.М.Насилова является тема глагольных категорий. Замечу, глагол был любимой частью речи и моего научного руководителя – академика АН РТ Диляры Гарифовны Тумашевой. Несмотря на разницу в возрасте, двух выдающихся тюркологов России – Диляру Гарифовну и Дмитрия Михайловича – связывала многолетняя творческая дружба. По моему глубокому убеждению, их сближала преданность родному факультету МГУ, общие научные интересы, любовь и уважение к своим именитым преподавателям.

Дмитрия Михайловича занимал вопрос о виде, аналога которого, подобно виду в русском и других славянских языках, в тюркских языках нет, «однако есть признаки, которые связываются с понятием аспекта в общей лингвистике» [3:4]. Впервые эта тема была затронута в работе Д.М.Насилова «О способах выражения видовых значений в алтайских языках». Различным аспектам проблемы он посвятил около 30 публикаций,

что нашло выражение в монографии «Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность», напечатанной в издательстве «Наука» под редакцией Э.Р.Тенишева. Рукопись вызвала большой интерес у членов кафедры, на которой трудился Дмитрий Михайлович, у коллег. Примечательно то, что активное участие в обсуждении рукописи приняла специалист по языку сибирских (барабинских) татар доктор филологических наук Людмила Васильевна Дмитриева. Рецензентами книги выступили д.ф.н. В.М.Павлов, к.ф.н. Е.А.Кузьменков.

Ученые признают, что эта монография по проблеме тюркского вида остается наиболее значимой и востребованной. Она легла в основу докторской диссертации Дмитрия Михайловича. Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки высоко оценила научные достижения Д.М. Насилова. После блестящей защиты диссертации по теме «Проблемы тюркской аспектологии: акциональность» 3 августа 1990 г. он получил диплом доктора филологических наук. В дальнейшем это направление исследований приобрело типологический характер. Сопоставление алтайских языков нашло отражение в работе «Акциональность» в алтайских языках. Типология и «детерминанта»».

Конец XX столетия был плодотворным и для казанских ученых-тюркологов. Активную научную работу по изучению морфологии татарского языка, конкретно, татарского глагола, вела профессор КГУ Д.Г.Тумашева. Приведу выдержку из личного письма, написанного мне в 1986 г.: «...к 15 декабря я должна дать еще одну статью, чисто грамматическую: взаимодействие грамматических категорий глагола. Затем у меня доклад на пленарном заседании итоговой научной конференции «Способы номинации

пространственной характеристики действия», потом на конференцию, посвященную Г. Ибрагимову – «Стилизация глагольных форм» и т.д.» [4:237].

За большую научно-исследовательскую работу по изучению татарского языка, диалектов сибирских татар профессор Д.Г.Тумашева первой среди женщин была избрана академиком Академии наук Республики Татарстан, учрежденной Указом Президента РТ в 1991 г. Большим достижением и первым серьезным научным изданием в области языкознания стала «Татарская грамматика» в трех томах, созданная ведущими тюркологами Республики Татарстан М.З.Закиевым, Ф.А.Ганиевым, Д.Г.Тумашевой, К.З.Зиннатуллиной.

Д.Г.Тумашева признавалась, что татарский глагол является для нее любимой темой научных исследований. В подтверждение сказанного приведу еще одну небольшую цитату из личной переписки от 2001 г.: «Напишу и о себе. Очень устаю. К концу года сдали коллективную монографию на татарском языке. Я – руководитель и мною лично написаны два раздела: «Лексическое и лексико-грамматическое значение глагола» и «Функционально-семантические категории модальности, темпоральности, персональности» – 150 страниц компьютерного текста» [5:253].

В 1996 г. мы, ученики академика Д.Г.Тумашевой, решили отметить 70-летний юбилей в ее родном городе – Тюмени, в стенах Тюменского государственного университета. Праздник удался, приехали и родные, и ученые, воспитанники Диляры Гарифовны. Сама она, оказывается, очень хотела видеть на этой юбилейной научно-практической конференции профессора Д.М. Насилова. Помню, Диляра Гарифовна сказала мне тогда: «Он бы приехал, просто ты не сумела

как следует пригласить его...». Этот маленький эпизод показывает, какое значение моя научная руководительница придавала личности Дмитрия Михайловича, какое место он занимал в ее биографии, как Дияра Гарифовна его уважала.

85-летию памяти академика Д.Г.Тумашевой была посвящена Международная тюркологическая конференция «Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков», состоявшаяся в стенах Института филологии и искусств Казанского федерального университета. Дмитрий Михайлович Насилов выступил с докладом «Программный труд академика Д.Г.Тумашевой», в котором, в частности, говорилось: «С творческой деятельностью виднейшего татарского филолога Д.Г.Тумашевой непосредственно связан тот научный сдвиг, который определил и, с нашей точки зрения, определяет теоретические направления в татарском языкознании» [6:10].

Программным трудом Д.Г.Тумашевой Дмитрий Михайлович назвал книгу «Татарский глагол: Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий». «Данное учебное пособие отражает определенный этап исследования структуры татарского глагола, осуществляемого на кафедре татарского языка Казанского университета. В нем получил отражение функционально-семантический аспект анализа глагольных форм и категорий. В пособии использован опыт предшествующих исследований по морфологии татарского глагола, в том числе диссертационных работ по глаголу Ф.М.Хисамовой, М.Б.Мардиевой, Н.Х.Салеховой, Д.Ш.Шайхайдаровой, Р.С.Абдуллиной, выполненных под руководством автора» [7:10].

По мнению Д.М. Насилова, Д.Г.Тумашева фактически представи-

ла программу комплексного изучения глагольных (и не только глагольных!) категорий татарского языка в функционально-семантическом аспекте и в рамках полевых структур.

«Значительных успехов добились грамматисты в изучении глагольных категорий, особенно продуктивным оказалось описание поля аспектуальности в тюркских языках. Большой прорыв в этом отношении был связан с работами Ф.А.Ганиева, впервые широко использовавшего понятие способа глагольного действия применительно к татарскому глаголу» [8:10].

Казанские ученые – академик Д.Г.Тумашева, чл.-корр. АН РТ Ф.А.Ганиев – заложили научную школу в тюркском языкознании, которая концептуально зиждется на трех направлениях, считает Д.М.Насилов, подробно осветив указанные направления в своем пленарном докладе.

«Во-первых, на материале тюркских языков была поставлена и получила конкретное обоснование идея о различении собственно видовых значений (аспект) и значений способов глагольного действия (акционсарт) как соотносительных, но содержательно разных языковых явлений, представленных в этих языках различающимися грамматическими средствами. В русле этого направления был выполнен целый ряд работ, в которых получили описание способы действия отдельных языков.

Во-вторых, наметилась определенная тенденция рассматривать систему временных форм как систему видо-временных форм, в которых оказываются сопряженными аспектуальные и темпоральные значения.

Это побуждает исследователей не только углубляться в анализ состава значений отдельных временных форм, но и стремиться к определению их системных значимостей, особенно при наличии многочисленных парадигм.

Здесь же встают вопросы о соотношении в формах глагола временной и аспектной семантики, играющие важную роль при диахронических исследованиях, когда изучается генезис темпорально-аспектных категорий в том или ином тюркском языке. Наблюдения, накопленные в этом направлении, небезынтересны и для типологии языкового развития.

В-третьих, в современной тюркологии все возрастающее внимание уделяется функциональному подходу к описанию категорий, при котором существенное место отводится взаимодействию лексического и морфологического уровней языка. Поэтому не случайно выясняются связи между лексическим значением глагола, его предельным/непредельным характером, принадлежностью к определенной семантической группе и образуемыми от него грамматическими формами. Уточняются и синтагматические связи глагольных словоформ, зависимость семантики последних от контекста. При этом особое внимание обращается на особенности функционирования и реализации конкретного значения глагола в каждом отдельном высказывании, то есть выделяются, прежде всего, значимые элементы контекста, выясняется роль аспектуального контекста, способствующего проявлению аспектуальной характеристики действия» [9:11].

Заключая свой доклад на пленарном заседании международной юбилейной конференции, Дмитрий Михайлович подчеркнул: «25 лет тому назад Д.Г.Тумашева своей работой показала, что на основе новейших грамматических разработок и при соответствующей реинтерпретации накопленного языкового материала возможен новый взгляд на некоторые глагольные категории татарского языка, то есть продвинувшееся новое теоретическое знание влечет за со-

бой переоценку эмпирических фактов [10:12].

Необходимо отметить один важный момент в трудовой биографии известного ученого: проживая в Санкт-Петербурге, Д.М.Насилов никогда не прерывал связи с московскими коллегами, работал в коллективе «Этимологического словаря тюркских языков», принимал участие в разработке словарных статей, участвовал в многотомной плановой работе «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», выполненной тюркологами Института языкознания РАН.

Д.М.Насилов вот уже более полувека занимается преподавательской деятельностью. Как крупнейший и авторитетный тюрколог, выдающийся специалист по тюркскому языкознанию, он читает лекционные курсы не только на восточном факультете Петербургского госуниверситета, но и в других ведущих вузах страны. Мне посчастливилось в октябре 1989 г. прослушать курс лекций «Язык древнетюркских письменных памятников» и сдать зачет профессору Д.М.Насилову в период учебы в аспирантуре на факультете татарской филологии, истории и восточных языков Казанского государственного университета. Каждое слово профессора, тщательно законспектированное мною, актуально, ценность его с годами только возрастает, оно несет большой заряд научной энергии. Выступая перед аспирантами КГУ, лектор Д.М.Насилов подробно раскрыл историю хунну, сяньби, тюркских каганатов, древнеуйгурского, манихейского, орхоно-енисейского алфавитов, тщательным образом проанализировал труды Дмитрия Дмитриевича Васильева «Корпус древнетюркских памятников Енисея», Сергея Ефимовича Малова «Памятники древнетюркской письменности», «Енисейская пись-

менность тюрков», настоятельно советовал найти и изучить эти книги. Бесценные знания, полученные от Д.М.Насилова, его внешний облик, высокая культура, достоинство, интеллигентность внушали нам, аспирантам из Западной Сибири, Казахстана, Узбекистана, Горной Шории, Якутии, Хакасии, Таганрога, глубокое уважение и почтение. Полученные знания очень пригодились молодым ученым-тюркологам в дальнейшей жизни. Ведь впереди у каждого из нас еще были незабываемые встречи с компетентным профессором, который как желанный гость приезжает в наши вузы на симпозиумы, конференции, форумы, для оппонирования кандидатских и докторских диссертаций в специализированных научных советах.

В 1993 г. профессора Дмитрия Михайловича Насилова приглашают в созданный при Министерстве национальностей РФ Институт языков народов Российской Федерации, где он трудится в должности заместителя директора института. Это был новый этап в жизни страны, этап возрождения национальных культур. Именно в эти годы были созданы, например, татарские отделения в Тюменском государственном университете, Московском пединституте им. В.И.Ленина, в Оренбургском, Тобольском и других пединститутах. Министерство национальностей РФ в тот период вело большую организационную работу по созданию и учреждению Международной тюркской академии, президентом которой стал авторитетный тюрколог, член-корреспондент РАН Эдгем Рахимович Тенишев, действительными членами были избраны Дмитрий Михайлович Насилов, Мирфатых Закиевич Закиев, Игорь Валентинович Кормушин, Рашид Абдуллович Саликов, Шамиль Фатыхович Мухамедьяров, Фоат Тач-Ахметович Валеев, Ирек

Г. Акманов, Николай Константинович Антонов, Марат Валеевич Зайнуллин, Зиннур Газизович Ураксин, Кази Танаевич Лайпанов и др.

В 1996 г. Дмитрий Михайлович был избран профессором кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова. Обладая большим опытом работы в подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров, в сохранении научных традиций, он разрабатывает и читает для студентов и аспирантов лекционные курсы «История алтаистики», «Язык древнетюркских письменных памятников», «Древнеуйгурский язык», «Узбекский язык», «Основы сравнительной грамматики тюркских языков», «Тюркская лексикология», «Основы функциональной грамматики тюркских языков», «Введение в тюркологию», «Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков» и др.

Научные труды профессора Дмитрия Михайловича Насилова знают буквально все тюркологи мира. Также достойно оценены такие его монографии, как «Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность», «Концепция языкового типа в трудах Н.А. Баскакова», «Значение» и «функция» в функциональной грамматике А.В.Бондарко», «Языки малочисленных этносов в образовательном пространстве России», др.

Профессор Д.М.Насилов оказывает огромную научно-методическую помощь учителям школ, сотрудничая с Министерством образования и науки РФ. Плодом творческого взаимодействия стали «Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации», «Типовая общеобразовательная программа по языкам тунгусо-маньчжурской группы для школ народов Севера», «Концепция учебника родного

и русского языка для национальной школы».

Большое место в деятельности Д.М.Насилова занимает изучение научного наследия предшественников: ему принадлежат публикации о В.В. Радлове, С.Е. Малове, О.Н. Бетлингке, П.М.Мелиоранском и др. «Особо выделяются в этом ряду работы Д.М.Насилова «Репрессированная тюркология» в соавторстве с Ф.Д.Ашным и В.М. Алпатовым (2002) и книга-памятник А.Н. Самойловичу (2005), в которой воссозданы и снабжены комментариями основные работы одного из ведущих отечественных тюркологов XX в., репрессированного в 1938 г. [11:12].

Научная и творческая деятельность ученого Д.М. Насилова многогранна. Он принимает активное участие в работе международных, всероссийских и региональных конференций и симпозиумов, которых насчитывается уже более 100. Самыми значимыми из них являются, например, 38 Международный конгресс востоковедов (ИКАНАС-38) – Турция, Анкара (2007); Международный симпозиум, посвященный выдающемуся ученому Махмуду Кашгарскому и его труду «Диван лугат-ат тюрк» (Левкоша) (2008); III Международный тюркологический съезд (Левкоша) (2008). За выдающиеся научные заслуги профессор Дмитрий Михайлович Насилов избран академиком – иностранным членом Турецкого лингвистического общества Türk Dil Kurumu.

Большую организационную, объединяющую функцию выполняет Д.М.Насилов как член и один из руководителей Российского (ранее Советского) комитета тюркологов. Благодаря деятельности этого Комитета, его прежних председателей Андрея Николаевича Кононова, Эдгема Рахимовича Тенишева, нынешних руководителей Игоря Валентиновича

Кормушина, Дмитрия Михайловича Насилова организована тесная научная связь всех тюркологов нашей большой страны. Таким образом, Дмитрий Михайлович Насилов на протяжении всей научной карьеры трудится в условиях большого многонационального тюркологического коллектива. И в то время, когда он стал членом, а затем заместителем председателя Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, возникла необходимость постановки и решения специализированных научных вопросов. В 2009 г. под эгидой Российской академии наук, института языкознания РАН, Российского комитета тюркологов вновь начинает издаваться журнал «Российская тюркология», главным редактором которого избирается Д.М.Насилов.

Общественная работа ученого Дмитрия Михайловича Насилова не ограничивается функциями заместителя председателя Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, главного редактора органа Российского комитета тюркологов журнала «Российская тюркология».

На протяжении нескольких лет профессор Д.М. Насилов является экспертом Комитета по межнациональным отношениям Госдумы РФ. Его часто приглашают стать председателем жюри всевозможных творческих конкурсов по культуре и языкам народов России.

В конце XX – начале XXI вв. намечился сдвиг в расширении и установлении международных научных связей. Россия начала участвовать в международных алтаистических конференциях ПИАК, которые собираются ежегодно. Нашу науку за рубежом в течение многих лет достойно представляет Дмитрий Михайлович Насилов. Благодаря таким конференциям западные ученые могут познакомиться-

ся с теми большими достижениями, которые имеются в нашей стране.

Летом 2014 г. профессор Дмитрий Михайлович Насилов, известный своими трудами по истории тюркских литературных языков, был награжден орденом Турецкой Республики «Лиякат» (Заслуга) за выдающийся вклад в области «Тюркология». Этот орден вручается иностранцам президентом Турецкой Республики по представлению Министерства иностранных дел и Высшего совета имени Ататюрка по культуре, языку и истории Турецкой Республики.

Орденом «Лиякат» ранее были награждены Э.Р. Тенишев (Россия), Джеффри Льюис (Великобритания), Жан-Поль Ру (Франция), Геза Давид (Венгрия), Омельян Прицак (США), Бубуйна Орузбаева (Кыргызстан), Камиль Вели Нериманоглу (Азербайджан), Андреас Рона-Таш (Венгрия), Виктор Гузев (Россия), Роберт Данков и Вальтер Дж. Эндрюс (США), Ларс Йохансон (Швеция), Георг Хазаи (Венгрия), Абдурехити Якуфу (Китай), Эвангелиа Балта (Греция), Клаудиа Ремер (Австрия) и др.

На церемонии награждения Дмитрия Михайловича Насилова присутствовало более 500 человек – спикер Парламента Турции, Вице-премьер Турции, министры, депутаты, послы, писатели, главы учреждений науки и искусства, руководители тюркологических отделений университетов мира, преподаватели. Президент Турции Абдуллах Гюль выступил с речью, в которой были такие важные слова: «Наш дорогой друг Дмитрий Михайлович Насилов в течение 56 лет профессиональной жизни своими работами и публикациями внес вклад в тюркологию, а прекрасными воспитанниками оказал нам уникальную услугу. Я поздравляю Вас и желаю вам дальнейших успехов в Вашей научной деятельности» [12:108].

Заведующий кафедрой турецкого языка и литературы университета Хаджеттепе (Анкара, Турция), член редакционного совета журнала «Российская тюркология», профессор, доктор наук Шюкрю Халюк Акалын в своей поздравительной речи особо подчеркнул значение научных трудов и высокие человеческие качества талантливого ученого: «Дмитрий Михайлович Насилов, занимающий важное место в тюркологическом мире благодаря своим весьма оригинальным, компетентным и ценным научным трудам по вопросам исторической периодизации развития тюркских языков, вместе с тем завоевал уважение всего научного мира своим в высшей степени скромным, уважительным, предупредительным отношением к людям» [12:108].

Дмитрий Михайлович Насилов, крупнейший специалист в области теории и истории тюркских языков, автор более 250 научных и научно-методических трудов, словарей и монографий, в настоящее время возглавляет кафедру тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова. Под его руководством подготовлена прекрасная плеяда ученых и преподавателей. Он руководит докторантами, аспирантами, дипломными и курсовыми работами. Восемь его аспирантов защитили кандидатские диссертации.

Д.М. Насилов ведет большую научно-преподавательскую, организаторскую, редакторскую, общественную работу, оставаясь при этом очень скромным человеком. Его научные труды существенно обогатили мировую тюркологию, ряд его статей опубликован в научных изданиях Турции, Венгрии, Германии и других стран. За многолетний добросовестный труд Дмитрий Михайлович удостоен медали «Ветеран труда», медали «В память 850-летия Москвы».

Дорогой Дмитрий Михайлович! В день Вашего юбилея примите самые искренние поздравления и добрые пожелания. Ваш высокий профессионализм, добросовестное и ответственное отношение к тюркологии, ставшей целью и смыслом Вашей жизни, достойны уважения, а Ваши заслуги – восхищения! Вас знают и любят в нашей стране как блестящего ученого, яркого общественного деятеля, интеллигентного, отзывчивого, замечательного человека! Ваши награды, звания, труды вызывают у нас чувство гордости и

огромной радости за то, что Вы – наш старший коллега. Мы благодарны за Вашу энергию, ответственность в деле воспитания научной молодежи, уважения, любви к родному языку, в развитии национального самосознания, укрепления межнационального согласия и дружбы. Вам, уважаемый Дмитрий Михайлович, человеку, вобравшему в себя всю земную человеческую доброту и мудрость, от души желаю всех земных человеческих благ! Здоровья, радости, благополучия и счастья Вам и всем Вашим близким!

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеймович А.В. К 85-летию Галины Федоровны Благовой: научные итоги десятилетия. (Автор по нашей просьбе предоставил нам электронную версию своей статьи).
2. Диляра Гарифовна Тумашева. Серия «Биобиблиографические указатели ученых Академии наук Татарстана». Гл. ред. серии М.Х. Хасанов. Сост. Хисамова Ф.М. – Казань: Изд-во «Фэн», 2003. – 56 с.
3. Реферативный журнал «Языкознание». – М.: Наука, 2014. – № 4.
4. Тумашева Д.Г. Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий / Учебное пособие. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1986.
5. Тумашевские чтения: актуальные проблемы развития языка, фольклора, литературы, искусства сибирских татар: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 17 окт. 2008). – Тюмень, 2008. – 258 с.
6. Насилов Д.М. Программный труд академика Д.Г. Тумашевой // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. Сборник материалов международной тюркологической конференции. 21–24 октября 2011 г. – Казань, 2011. – С. 9–12.
7. Тумашева Д.Г. Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – 1986. – 189 с.
8. Насилов Д.М. Программный труд академика Д.Г. Тумашевой // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. Сборник материалов международной тюркологической конференции. 21–24 октября 2011 г. – Казань, 2011. – С. 9–12.
9. Там же.
10. Там же.
11. Реферативный журнал «Языкознание». – М.: Наука, 2014. – № 4.
12. Шюкрю Халык Акалын. Дмитрий Михайлович Насилов награжден орденом Турецкой Республики «Лиякат» // Российская тюркология. Москва-Казань, 2014. – № 1 (10). – С. 116.

Аннотация

Статья посвящена юбилею Дмитрия Михайловича Насилова – доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, заместителя председателя Российского комитета тюркологов при отделении историко-филологических наук РАН, главного редактора журнала «Российская тюркология».

Ключевые слова: Кафедра тюркской филологии, МГУ, институт стран Азии и Африки, факультет татарской филологии, восточных языков и истории КГУ, Д.М. Насилов, Г.Ф. Благова, Д.Г. Тумашева, татарская грамматика, глагольные категории.

Summary

The article is devoted to the anniversary of Dmitriy Nasilov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Turkic Philology at the Institute of Asia and Africa of M.V. Lomonosov Moscow State University, Deputy Chief of the Russian Committee of Turkologists under the Division of Historical and Philological Sciences of RAS, Chief Editor of the magazine «Russian Turkology».

Keywords: Department of Turkic Philology, MSU, Institute of Asia and Africa, Faculty of Tatar Philology, Oriental Languages and History of KSU, D.M. Nasilov, G.F. Blagova, D.G. Tumasheva, Tatar Grammar, Verbal Categories.

УДК 81(091)

О ЯЗЫКЕ САКО-СКИФОВ*

Об агрессивной сущности и научной несостоятельности так называемой «теории» об иранизме сако-скифов*Джавад Алмаз*

Вырванные из скифских имен отдельные звукосочетания, послужившие основанием выдвинуть гипотезу об иранском характере скифского языка, при близком и более пристальном рассмотрении тают, исчезают, как снег под жаркими лучами солнца, и вместе с их исчезновением не остается даже следа от того единственного «основания», на котором держалась в последнее время ветхая лачуга теории иранства скифов и за которое, как за спасательный круг, цепляются ее сторонники.

Что касается скифских слов I группы, которые не поддаются иранскому объяснению, то иранисты-скифологи объявили, что они ошибочны, что в передаче этих скифских слов античные авторы якобы допустили ошибку. Под предлогом их «исправления» слова I группы искажались на иранский лад. При этом «ошибочно переданными» оказались из I группы все те слова, которые пытались объяснить из иранских языков. Можно подумать, что античные авторы, в том числе и Геродот, умышленно ошибались в передаче только тех слов, которым нельзя приписывать никакой иранской этимологии без предварительного искажения их на иранский лад. Но и искаженные подобным образом скифские слова I группы не получают

удовлетворительного объяснения из иранских языков.

Выступая против фальсификации иранистами-скифологами античного наследия, акад. Н.Я. Марр писал: «Язык скифов... иранский во что бы то ни стало, даже тогда, когда скифский материал абсолютно не поддается иранскому толкованию. Один из ярких случаев такого беззаветного поборничества идеи иранизма скифов, вопреки всем стихиям, это отношение к Геродоту и сообщаемому им материалу скифского языка. Материал, сообщаемый Геродотом, в целом не поддается толкованию средствами иранских языков, следовательно... следовательно, как вы думаете, заключают поборники иранизма? Следовательно, заключают они, данные Геродота неверны и неточны, даже измышлены» (37, 191).

Далее Н.Я. Марр указал, что искажение скифских слов на иранский лад понадобилось немецким ученым только «потому, что иначе по-ирански нельзя толковать. Если нельзя толковать иначе, то, по-нашему, значит: скифский – не иранский; и, во всяком случае, Геродоту нельзя подсовывать чтений, которых ни он, ни кто другой не дает, кроме самого толкователя-ираниста, сочиняющего ничем реально не оправдываемый иранизм скиф-

* Статья публикуется с сокращениями.– Ред.

Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2015. – № 2.

ского языка...» (37, 192). «И нет, и не было никакого основания исказить чтение Геродота и его показания в угоду предвзятому построению об искомом иранизме скифов...» (37, 218).

Внимательное изучение скифских слов I группы показало, что акад. Н.Я. Марр был абсолютно прав, что никаких ошибок в их передаче античные авторы в данном случае не допускали; при этом они были настолько точными, что [давали] разные формы одних и тех же скифских слов, [дополняя] их диалектными вариантами. Например, ойор-пата (у Геродота) и ор-мата (у Гесихия).

Исключительно верные мысли Н.Я. Марра, приведенные выше, кое-кто не прочь заслонить, ткнув пальцем на его ошибки, вскрытые в ходе дискуссий 1950 г. Ошибки у Н.Я. Марра были, но, во-первых, к их числу не относится его антииранизм в скифском вопросе; во-вторых, ошибки Марра носили характер заблуждений добросовестного, вполне объективного ученого, ищущего, горящего желанием установить научную истину, а не были умышленными, как у немецких иранистов-скифологов. И наследие Марра не состоит из сплошных ошибок, а потому оно подлежит критическому освоению. Более того, у Н.Я. Марра есть чему учиться. В частности, можно смело утверждать, что академик Марр был более близок к решению проблемы скифского языка, чем немецкие ученые, которые в данном вопросе двигались в противоположном направлении, сознательно удаляясь от истины. [...]

Путем насилия над языковыми фактами сако-скифы были объявлены ираноязычными арийцами [...] и на этом основании возникает для немцев возможность оспаривать свое ложное генетическое родство с сако-скифами и объявить себя «законными наследниками» сако-скифской культуры и территории.

[...] С этой же целью немцы еще раньше и не раз пытались объявить древнегерманскими скифский язык и скифскую культуру прямо, непосредственно, без промежуточного звена в лице иранцев-арийцев. [...] данный вопрос имеет почти трехсотлетнюю историю и, если немножко ее не коснуться, не совсем будет ясно, почему немецкие ученые, отказавшись от германизма скифов, начали ратовать за их иранство.

* * *

Принято считать, что в XVIII в. в Германии параллельно возникло две, исключаящих якобы друг друга, теории, т.к. одна из них проповедовала германское происхождение скифов, а другая считала их иранцами. В действительности же обе эти теории правильнее было бы рассматривать как два варианта одной и той же теории, не исключающие, а заменяющие друг друга. Оба ее варианта объявляют сако-скифов арийцами, которые связываются с немцами по одному варианту через германцев, а по другому – через иранцев. [...]

Проповедуя германизм скифов, немецкие ученые (З. Байер, Ф. Миллер, Щумахер, Таубер, А. Шлёцер и другие) пытались во что бы то ни стало «оторвать скифов от славян – такова была явная тенденция большинства немецких ученых XVIII в.» (45, 22). [...] Вот почему А. Шлёцер, (тот самый Шлётцер, которого М. Ломоносов считал способным на «глупые пакости»), не просто доказывал, а в ультимативной форме требовал, чтобы «наконец, и прежде всего, должны русские отстать от скифов и сармат» (45, 28, прим.2, там же указан источник).

Защищая теорию о германизме скифов, немецкие ученые пытались таким образом сходу брать быка за рога. Однако им не за что было ухватиться:

у скифского быка рогов не оказалось. Он был безрогий и в буквальном, в переносном смысле. [...] В упорной и ожесточенной борьбе русские ученые отстаивали научную истину. Дело в том, что в поддержку теории о германизме скифов немецкие ученые не могли привести никаких доказательств, кроме сопоставления нескольких сходно звучащих этнонимов, вроде свевышведы¹, но В.И.Татищев указал, что такие объяснения не научны и не убедительны, ибо «можно погрешить», когда вся сила догадки в одном сходстве имени состоит» (53, 264).

Основательно отвергнув лженаучный метод, при помощи которого шведские и немецкие ученые доказывали германизм скифов, В.И. Радищев (1686–1750) писал: «мужи оные... писали то, чему сами не верили» (53, 266). Точнее, пожалуй, и нельзя было сказать. М.В. Ломоносов (1711–1765) справедливо обвинил немецких ученых в умышленном искажении русской истории и с полным основанием считал, что среди «древних родоначальников нынешнего русского народа... скифы не последнюю часть составляют» (35, 279).

Агрессивная сущность теории о германизме скифов была разоблачена только в 30 г.г. XX века (с опозданием почти на двести лет!) советским ученым Семеновым-Зусером, который писал, что эта теория была придумана с явным намерением «теоретически оправдать якобы законные притязания шведов и немцев на земли русские» (45, 19).

Но и без этого разоблачения немецкие ученые в XVIII в. убедились в том, что теории о германизме скифов пришел конец, а потому не было смысла за нее ратовать, тем более что в запасе был пока еще не разоблаченный ее вариант – об иранизме скифов. И этот второй вариант оказался более гибким и выигранным, чем первый. [...]

* * *

Для защиты ложного мнения об иранизме скифов немецкими учеными был разработан глубоко продуманный комплекс приемов научной работы. Вот некоторые из них:

Было привлечено довольно большое количество солидных специалистов – иранистов, в трудах которых повторяются почти одни и те же сако-скифские имена (II гр.) с той лишь разницей, что каждый ученый для их объяснения предлагает другие, с его точки зрения, «более подходящие» индоиранские слова, чем предложенные до этого его предшественниками. При этом у всех иранистов неизменным остается метод лженаучной этимологии.

В таких манипуляциях есть своя логика: создается ложное впечатление, что вполне солидные ученые в поте лица бьются над решением трудной научной проблемы, которая, как и полагается при настоящей научной деятельности, не стоит на месте, а двигается вперед... подыскиванием все новых и новых индоиранских слов. В результате, в работах десятков ученых-иранистов на разные лады повторяется одна и та же ложная мысль о том, что саки и скифы – ираноязычны. Видимо, при этом учитывалась истина, высказанная еще античным автором Гаем Юлием Солином: «...когда вполне честные и достаточно достоверные авторы сообщают одинаковые сведения, никто не должен бояться лжи» (С, II, 2, стр. 279). Немецкие ученые так и поступили: путем бесконечного повторения лжи им удалось выдать ее за правду.

С целью разрекламировать ложное мнение об иранизме саков-скифов был создан специальный фон, состоявший из трудов отдельных ученых, которые выступали против иранства саков-скифов, доказывая их славян-

ское, кельтское, тюркское и т.п. происхождение. Подобно иранистам, эти ученые также пользовались лженаучной этимологией, потому ни их объяснения, ни выводы не могли быть научными. Кроме того, эти ученые, отрицающие на словах иранизм скифов, не имели возможности подбирать для ... сравнения со скифскими именами сходно звучащих слов в таком большом количестве, какое было в распоряжении у иранистов, поэтому труды этих не-иранистов [...] должны были, естественно, выглядеть более жалкими и слабыми, чем труды иранистов, которые имели возможность манипулировать богатым набором из огромного фонда научно разработанной лексики древних, средних и современных индоиранских языков, обращаться, когда нужно, и к лексическому фонду большой семьи индоевропейских языков.

[...] В свое время это заметил отчасти и В.В. Григорьев, который отстаивал славянство скифов, но вовсе не был в восторге от работы своего единомышленника – немецкого ученого Бергмана, также ратовавшего за их славянство. Так, например, он предложил для имени массагетской царицы Томирис объяснение со значением «Дочь океана», а Григорьев совершенно верно и не без ехидства подметил: «откуда это массагеты могли прознать об океане?!» (26, 182). Не согласившись ни с одним из толкований Бергмана – настолько они были неверными даже для Григорьева, – он с явной иронией заключил: «Бергман из Страсбурга слишком уже смелый славянофил!» (26, 59).

Еще слабее были аргументированы труды, «доказывающие» кельтское, фракийское, тюркское и т.п. происхождение скифов. На эти труды ссылались только для того, чтобы заявить, что неиранскими языками скифский языковой материал нельзя

объяснить, что он связан якобы только с иранскими элементами (ОЯФ, 147,148), что «из всех теорий только иранская обставлена солидной аргументацией» (49, 20). Словом, труды немецких ученых, отрицающих на словах мнение об иранизме скифов, фактически помогали укрепиться этому мнению, так как служили для него фоном, на котором выгодно выделялась так называемая «солидная» лженаучная аргументация иранистов.

Видимость солидной аргументации создавалась тем, что к сравнению со скифскими именами (из II гр.) привлекался длинный перечень сходно звучащих индоиранских слов, осложненный большим количеством вероятных и невероятных формальных конструкций, устанавливающих якобы «закономерные фонетические соответствия» между скифскими именами и индоиранскими словами.

При этом учитывалось, что такой длинный перечень: а) придает ложному объяснению правдоподобность, наукообразность, ибо сам по себе этот перечень – логически вполне правильный; он мог бы послужить научным доказательством, если бы привлекался к сравнению с иранским словом, значение которого известно. Иначе говоря, сам перечень не ошибочен, а ошибочно его привлечение к объяснению скифского имени, значение которого неизвестно, то есть ложно само исходное положение; б) длинный перечень отвлекает внимание читателя именно от ложного исходного положения, при котором само сравнение неправомерно и логически ошибочно, ибо исходит из предвзятого, ничем еще не доказанного мнения об иранском происхождении скифского имени, тогда так его происхождение достоверно вообще нельзя установить по той причине, что значение его неизвестно.

Расчет немецких ученых в данном случае на то, чтобы отвлечь внимание

читателя – то же делается в известной «математической задачке», которую любят задавать школьники какому-нибудь новичку – несмышленому, чтобы посмеяться над ним: «Стоит береза. На ней 9 сучьев, на каждом суку по 9 ветвей, на каждой ветви по 9 веток, на каждой ветке по 9 яблок. Сколько всего яблок?». И незадачливый школьник, внимание которого отвлечено длинным перечнем цифр, начинает считать на посмешище другим количество ветвей и яблок, вместо того, чтобы сказать: на березе яблоки не растут!

Складывается такое впечатление, что, подобно несообразительному мальчику, весь ученый мир (за исключением единиц), введенный в заблуждение немецкими учеными-иранистами, в течение двух с лишним веков не может отрезать: «Не морочьте голову! На березе яблоки не растут». Не может ли? Вот вопрос, на который нельзя ответить однозначно и в категорической форме. Во всяком случае, ученый мир не такой уже наивный, чтобы по несообразительности оказаться в положении глупого мальчишки, считающего яблоки на березе. Но все же именно в его положении он находится, по крайней мере, у нас в СССР, и вот почему: сложилось ненормальное положение, при котором лженаучная теория об иранизме скифов [...] признана у нас единственно верной теорией. Получив признание, она в дальнейшем приобрела силу общепринятого мнения. Что оно, это «общепринятое мнение» означает, комментариив не требуется, выступать против него не совсем безопасно. Вот почему, надо полагать, многие ученые, хотя и прекрасно понимают, что «яблоки на березе не растут», но заявить об этом не могут (такова сила «общепринятого мнения», пусть оно будет трижды неверным), а более «недогадливые» ученые заняты тем, что в течение многих лет с серь-

езным видом подсчитывают количество яблок на скифской березе только потому, что такое занятие, хотя и не научно, но весьма выгодно в житейском плане [...].

Длинный перечень индоиранских примеров, осложненный формальными конструкциями, всевозможными объяснениями исторического, этнографического, мифологического и т.п. порядка, вполне логически построенный, занимающий иногда несколько страниц, хотя и не имеет буквально никакого отношения к скифскому имени, с которым этот перечень неправомерно сравнивается, но давит своей массой на читателя и тем самым способен вызывать у него сомнения: «может быть, в самом деле..., сколько примеров! Неужели ни один из них не совпадает по значению со сходно звучащим скифским именем?».

Ставка делается именно на такое сомнение. Если вызвать его удалось, то отсутствие научности в объяснениях восполняется ничем не оправданным упорством и напористостью, при помощи которых читателю навязывается ложная мысль об иранстве скифов «вопреки всем стихиям», чем и был сильно возмущен в свое время акад. И.Я. Марр.

В каждом конкретном случае это упорство меняет оттенки от грубой назойливости до вежливого упрямства читателя [...]. Например, Вс. Миллер объяснил 110 скифских собственных имен, приписав им значение индоиранских слов, привлеченных для сравнения, и в итоге писал: «...мы далеки от мысли, что все предложенные нами этимологии убедительны. Вероятно, во многих случаях наши объяснения ошибочны... Следует также допустить, что некоторые имена могут представлять лишь случайное звуковое сходство с иранскими словами, не будучи в действительности иранского происхождения. Но

даже допуская в значительной степени возможность ошибок, нельзя, как нам кажется, сомневаться в том, что по крайней мере половина разобранных имен носит все признаки иранского происхождения»² (38, 264).

Нетрудно заметить, что в приведенном отрывке Вс. Миллер с назойливостью и упорством цыганки-гадалки навязывает читателю ложную мысль, чуть ли не умоляет его, чтобы он поверил [...]. Во имя этого Вс. Миллер авансом признает ошибочными свои объяснения ровно наполовину. [...]

Словом, признание частичной ошибочности своих объяснений (вообще, не конкретно) Вс. Миллер использовал как особый прием, создающий ложное впечатление о «скромности» его автора [...].

Возможность такого завидного упорства возникла из метода, впервые предложенного берлинским академиком К. Мюлленгофом, который раньше других иранистов, еще в 60 гг. XIX в., понял, что скифские имена, представляющие из себя набор сочетаний ничего не значащих для нас звуков, можно легко подогнать под фонетические законы любых языков. Учитывая это, он пытался, исходя из фонетических законов иранских языков, сочинять конструкции, выдавая их за скифские слова, за что академ. Н.Я. Марр назвал Мюлленгофа сочинителем никогда не существовавших скифских слов (37, 195). Характеризуя этот метод Мюлленгофа как ненаучный, Юргевич писал: «Мюлленгоф... берет любые имена и называет их скифскими» (55, 20).

Зато придуманный Мюлленгофом метод объяснения скифских слов подхватили и продолжали применять в своих работах почти все иранисты, в том числе Фасмер и Вс. Миллер. Последний нашел лженаучный метод «безукоризненным» (38, 235).

Свое логическое завершение метод Мюлленгофа получил в работах В.И. Абаева, который, применяя этот метод, сочинил путем реконструкции из иранских языков уже целый «Словарь скифских слов», «морфологию» и «фонетику», которые и приписал задним числом скифскому языку (1, 151–24).

Скифский языковой материал вполне достаточен для того, чтобы доказать с его помощью неиранское происхождение этого языка. Однако для восстановления скифской грамматики материала скифского языка абсолютно недостаточно, ибо из этого языка дошли до нас только отдельные слова, грамматически не созданные, искаженные иногда в греческой передаче, следовательно, звуковой строй скифского языка может быть достоверно восстановлен не полностью, о качестве некоторых звуков можно [судить] лишь предположительно.

Связных текстов на наречиях скифского языка до нас вообще не дошло, поэтому более или менее достоверно может быть выделено всего несколько суффиксов из состава слов, относящихся к I гр., но о восстановлении скифской морфологии при отсутствии связанного текста вообще не может быть и речи.

Пользуясь тем, что скифские формы для нас не известны, В.И. Абаев писал: «...мы нашли наиболее целесообразным выставить в качестве исходных нормализованные древнеиранские формы... иными словами, мы выставаем формы, которые, как мы думаем, совпали бы с древнейшими скифскими, если бы последние до нас дошли» (1, 150–151).

Яснее, кажется, не может быть: скифские формы до нас не дошли. Их нет. И на этом, только на этом «основании» Абаев решил заполнить этот скифский «вакуум» конструкциями из древнеиранских языков, явно субъек-

тивно считая это «целесообразным», то есть так угодно было это иранисту, а не потому, что соответствует действительности [...].

Сочинив почти учебник скифского языка с соответствующими разделами «словарь», «фонетика» и «морфология», В.И. Абаев справедливо решил, что ему не поверят, и применил безотказную в практике иранистов-скифологов тактику отступления для того, чтобы наступать. Оказывается, свои объяснения, данные скифским именам, Абаев не признает окончательными и считает, что главы его труда (или учебника «скифский язык» с соответствующими разделами) «мало претендуют на название «скифской грамматики», как лексический перечень на название «скифского словаря» (1, 202).

В этих «скромных» словах нетрудно угадать уже знакомый читателю вариант того же трафарета, по которому К. Мюлленгоф и В.С. Миллер «признавали» правильными соответственно только четверть и половину своих объяснений скифских имен с целью навязать читателю ложную мысль о верности всех своих объяснений. Вместо этих неконкретных числительных В.И. Абаев употребил еще менее конкретное слово «мало». Следовательно, оно нуждается в объяснении и конкретизации.

Выражение «мало претендуют» [...] означает ... именно «претендуют», но на какую то «малую» часть изложенного материала, а большую часть его, поставив под сомнение, сам автор как будто бы не осмеливается считать достоверно скифской.

При таком положении возникает необходимость конкретизации материала путем выделения из конструкций пусть «малого», но достоверно скифского, от «большого», но сомнительного. Однако этого Абаев не мог бы сделать, если бы и захотел, не

потому, что при этом возник бы каверзный вопрос: «зачем нужно было тратить время и энергию на изложение большей части материала, если ее принадлежность к скифскому сомнительна?». Нет; дело заключается в том, что сконструированный Абаевым материал «скифского» языка делить на достоверный и сомнительный нельзя. Он сплошь однороден, и в нем нет ни единого скифского слова, а потому он весь, полностью, не относится к скифскому языку. Суть фокуса с манипуляцией безразмерным словом «мало» как раз заключается в том, чтобы затушевать данный вопрос: лишь бы читатель поверил в наличие в сконструированном материале пусть даже «малого», но неопределенного количества «достоверно скифских» слов, растворенных, однако, в массе «большого» (тоже неопределенного) количества сомнительных конструкций. Расчет при этом такой же, как у Мюлленгофа и В.С. Миллера: поверивший «малому» вынужден будет (пусть с некоторыми колебаниями и сомнениями) признать «скифским» весь ... материал, ибо он однороден и неделим.

[...]

Спекуляция на авторитете и «мировых именах» западных ученых также является одним из приемов, при помощи которого поддерживается теория об иранизме скифов. А недостатка в авторитетах среди западных ученых, привлеченных к защите этой теории, не было, хотя эти ученые не составляли однородной массы по своим убеждениям и взглядам.

[...]

Получается заколдованный круг, в котором «мировые имена» разных специальностей ловко, как в сеансе иллюзионистов, перебрасываются ссылками друг на друга, и, если следовать только за полетом этих ссылок, трудно разобраться не только обык-

новенному читателю, но даже специалисту в том, что в этом процессе перекрестных ссылок много (хоть отбавляй) «мировых имен», ссылающихся друг на друга, создается иллюзия о наличии большого количества фактов и источников, тогда как все авторы, ссылаясь друг на друга, фактически ссылаются на единственный и порочный источник – на лженаучные толкования иранистами скифских собственных имен. Никакого другого источника доказательств ни у энциклопедистов, ни у иранистов-языковедов абсолютно не существуют. Один только пример: В.И. Абаев, «обиженный» тем, что кое-кто не хочет разделять его ошибочных взглядов на скифо-сармато-аланскую проблему, начал, за отсутствием научных аргументов, «бомбардировать» своих противников увесистыми томами британской энциклопедии, словаря Брокгауза-Ефрона и других солидного издания энциклопедий, где черным по белому написано, что скифы, сарматы и аланы – иранцы, а осетины их потомки. [...] Из западных энциклопедий эта бредовая идея перекочевала в БСЭ и МСЭ, на которые ссылается В.И. Абаев, а в них, наоборот, содержится ссылка на Абаева, чем и завершается эта довольно забавная переброска ссылками.

Словом, ссылки на «авторитеты» и «мировые имена» – это суррогат, которым заменяется отсутствие научных аргументов [...].

[...] Сторонниками этой теории оказались и некоторые русские ученые, среди которых в XIX веке особо выделялись В.В. Григорьев, М.С. Грушевский [...].

Существует юридическое понятие – ошибочно или умышленно направлять следствие по ложному следу. [...] недостаточно аргументированная или даже совсем необоснованная, но высказанная в солидном издании каким-

либо авторитетом в категорической форме мысль становится со временем «непререкаемой истиной», а потому способна ввести в заблуждение, особенно молодых специалистов, направить их действия в поисках истины по звучанию скифского языкового материала по ложному пути.

Так называемая «теория» иранства скифов сама по себе является наибольшей ложной ориентацией [...]. Так например, В.И. Абаев заявил в категорической форме о том, что скифский язык объясним якобы только из иранских языков (1, 148), сам, по-видимому, сомневался в убедительности такого заявления и, надо полагать, именно по этой причине решил подкрепить его более действенным «аргументом» – требованием положить «конец спекуляциям на скифском материале» (1, 148). Такое требование звучало угрозой применения санкции за попытку объяснить скифский язык из неиранских языков. Учитывая, что в условиях культа личности такая печатная угроза была бы не бумажной, а вполне реальной, следует признать, что для защиты агрессивной теории было избрано полностью соответствующее ей верное средство, самое «убедительное» из всех «доказательств» в пользу иранства скифов.

[...] Много ложных ориентировок наблюдается в скифологии по частным вопросам, при объяснении отдельных слов, в особенности, если правильное их освещение может послужить фактом в пользу неиранского происхождения скифов. Так, например, путем весьма сбивчивого, неубедительного объяснения звуков скифского языка через семитскую фонетику, т.е. без достаточной аргументации, В.И. Дьяконовым отрицается генетическая связь между этнонимами скутес, сака, ишкуза, сколот (31, 243, 244), несмотря на то, что ученые даже противоположных взглядов

(Н.Я. Марр, В. Миллер, В.И. Абаев) единодушно признают в них фонетические варианты одного и того же корня, которыми обозначались разные, но близкородственные племена сако-скифов.

Эти ученые стояли на верном пути, хотя не смогли правильно объяснить ни происхождения, ни этимологии этих терминов, потому что объясняли их не из тех языков, но зерно истины в мнении этих ученых заключается в признании этих терминов как вариантов одного и того же корня.

Развивая эту верную мысль анализом указанных терминов из материала неиранских языков, удалось доказать [...] не только то, что все эти термины произошли от корня «сака», но и то, что последний (сака), в качестве этнонима, еще имеет более десяти других фонетических вариантов (в действительности их было больше), которыми обозначались ответвления (роды, племена) сако-скифов, а в качестве нарицательного имени то же самое слово «сака» (с вариантами) послужило основой для образования новых слов – сотен фонетико-семантических его вариантов, относящихся к разным областям человеческой деятельности (производственной, духовной, культурной и т.д.).

В данном случае речь идет о том, что И.М. Дьяконов не просто излагает и доказывает свое мнение, а в категорической форме и без достаточного основания призывает «самым решительным образом отказаться от попыток сопоставить» скифские этнонимы друг с другом (31, 244). Такой призыв выходит за рамки научных доказательств, а политически он вовсе не мотивирован, чтобы можно было его считать оправданным, если не в научном, то в политическом аспекте. И по этой причине этот призыв следует отнести к разряду неверных ориентиров, способных сбить неискушенных

от верного пути объяснения фактов скифского языка.

Правда, И.М. Дьяконов, дав неверную ориентацию, сам благо разумно отказался от этимологизации этнонима «ишкуза» из иранских языков, оставив это псевдонаучное занятие на совесть других иранистов. Однако нельзя не обратить внимания на придуманный Дьяконовым весьма странный метод, при котором, если скифский термин не объясняется из фонетических законов иранских языков, но его следует объяснить из семитских с тем, чтобы объявить его... иранским словом. При этом делается упрек в адрес Абаева, что он, «такой тонкий знаток иранских языков», не додумался до таких простых вещей. Разумеется, этот неосновательный упрек должен быть отклонен, ибо В.И. Абаев гораздо более близок к разгадке этнонима «скутес», чем Дьяконов, который своей неверной ориентацией лишь запутал, затемнил в общем довольно явный вопрос с вариантами сако-скифских этнонимов.

Умалчивание иранистами возможности объяснения фактов скифского языка из других, неиранских языков может быть также рассмотрено как один из ненаучных приемов, направленных на защиту лженаучной теории иранизма скифов. Так, например, еще Юргевич отметил, что иранисты старательно обходят молчанием тот факт, что скифские имена из урало-алтайских языков объясняются гораздо лучше и в большем количестве, чем из индоиранских языков, и продемонстрировал это на большом количестве примеров (55, 33–38).

[...]

Н.Я. Марр был крупным ученым, творческой, ищущей натурой в науке. Именно этим обстоятельством объясняются его бесспорные ошибки, которые нужно и можно было разъяснить более спокойным тоном, путем орга-

низации деловой, объективной критики, учитывающей также бесспорные и большие заслуги Н.Я. Марра перед советским языкознанием. Дискуссия страдала отсутствием именно такой объективной критики, однобоко и в преувеличенном виде заслонив собой и его заслуги перед наукой. [...].

Между тем, Н.Я. Марр составляет целую эпоху в развитии советского языкознания. Выбросить из него Марра означало бы порвать цепь исторического развития этой науки путем искусственного удаления из нее важного звена, что должно привести к бессмысленному отрицанию бесспорной преемственной связи между предыдущим и последующим в советском языкознании, к отрицанию его истории как таковой. Вот почему без преувеличения можно сказать, что без Н.Я. Марра нет истории советского языкознания, независимо от того, какое «грехопадение» совершал он в своих неутомимых научных поисках.

[...]

Предлагая свой ошибочный метод 4-х элементного анализа в основном для установления «яфетического» состояния языков, для «палеонтологического» их анализа, Н.Я. Марр вовсе не собирался подменить им сравнительный метод, а предполагал, что они будут дополнять друг друга, о чем можно судить по его неудачным попыткам применять их в сочетании. Таким образом, Н.Я. Марр сравнительного метода не только не отрицал, но весьма часто пользовался этим методом, даже конструировал с его помощью предполагаемые платформы. В этом легко убедиться, открыв почти любую работу ак. Марра, в частности, «Термин скиф», «По поводу русского слова «сало»», «Термины абхазо-русских связей», «Сухум и Туапсе», «Скифский язык», «Чуваши-яфетиды на Волге», и др., помещенные в

V томе избранных работ Н.Я. Марра (М.-Л., 1935).

Правда, Н.Я. Марр критиковал недостатки этого метода, считал его чисто формальным («идеалистическим») и несовершенным, не всегда доверял его данным – конструкциям и реконструкциям, и вряд ли в этом ошибался, но уже совершенно был прав, когда выступал против неправомерного применения этого метода иранистами в целях лженаучного объяснения скифских имен. И этот совершенно верный протест Марра был во время дискуссии ложно истолкован как отрицание Марром сравнительного метода вообще.

[...]

* * *

Экстренное превращение осетин из арийцев-иранцев в народ немецкого происхождения именно в канун I империалистической войны вполне объяснимо: немцы рассчитывали на скорый и близкий захват территории, принадлежащей некогда скифам, и объявить ее «исконно немецкой» на правах родства с осетинами, которым отводилась роль связующего звена между скифами и немцами. [...]

Немцы проиграли войну; и теория об иранизме скифов, об арийском (читай: немецком!) происхождении осетин, благодаря Н.Я. Марру, временно заглохла с тем, чтобы через 20 лет, в 1949 году, зазвучать еще более громко, чем прежде. Гадание [...] началось на этот раз вокруг этнонима «алан», который, видимо, распространялся и на предков осетин в период их пребывания в аланском союзе племен, но слово алан не было самоназванием осетин, а потому не могло вытеснить прежнее их название – «осетин»; наоборот, термин алан после распада этого постепенно сам отпал от осетин как чужеродное тело; лишь некоторые соседи да средневековые историки,

знакомые с историческими источниками, по-прежнему употребляли этот термин для обозначения предков осетин. Характерно, что осетины называют аланами некоторых своих соседей. Да и самоназвание «осетин», не получающее удовлетворительного объяснения на материале осетинского языка, по всей вероятности, тоже иноязычного происхождения. [...]

На научной конференции по этногенезу осетин раздавались трезвые голоса о том, что «вопрос о языке скифов, сарматов и алан... окончательно не выяснен» (ПОН, 209). В связи с этим особого внимания заслуживает доклад, который был прочитан на конференции К.Т. Лайпановым и в котором он, ссылаясь, с одной стороны, на римского историка IV века Аммиана Марцеллини, утверждавшего, что аланы получили свое название от гор (SC, т. II, вып. 2, стр. 339), с другой – на проф. Г.А. Кокиева, работавшего над китайскими летописями об аланах, вполне обоснованно доложил следующее: «Исторические предания Передней Азии свидетельствуют, что название было дано им татарами, на языке которых термин «алан» означал «горец». Таким образом, прародиной термина «алан», по-видимому, является район Алтайских гор» (ПОН, 208). Лучшим подтверждением этого сообщения является сохранение до наших дней корня «Ала» – в названиях некоторых горных вершин не только на Алтае, но и в Средней Азии в таких названиях, как Ала-тау и Ала-й-ские горы. Конечный «н» в этнониме ала-н объясняется как показатель множественного числа в урало-алтайских языках. Следовательно, «алан» буквально значит «обитатели гор Ала» (мы бы сейчас сказали Ала-тауцы или Алайцы). Большой аланский союз разнородных племен, в числе которых, надо полагать, находились и предки осетин (которые могли, по всей вероятнос-

ти, вступить в этот союз позже, когда аланы очутились на Северном Кавказе), сложился, таким образом, на Алтае, где-то в районе гор, называемых Ала; связь этого слова с нынешними географическими терминами Ала-тау и Алай вряд ли подлежит сомнению³. Словом, все сходится и полностью согласуется с сообщениями античных авторов (китайских и римских) о значении и происхождении термина «алан». [...]

Дело в том, что при заимствовании этого термина, чуждого иранским языкам, осетины исказили его форму «аллон». И эту искаженную в произношении осетин форму спорного происхождения⁴ стало возможно втиснуть в рамки фонетических законов осетинского языка и объявить «аллон» фонетическим вариантом слова «арйана» (арийцы). [...]

В связи с этим толкованием этнонима «алан» невольно вспоминаются слова ак. И.Я. Марра по поводу термина Урарту, который в толкованиях ученых Запада может читаться якобы и как Урасту. Далее это слово признается ими искаженной формой слова Араст, которым арийцы-переселенцы назвали якобы «свое новое отечество», именуя его в полной форме, как «арья-ста», что, оказывается, значит «стоянка арийцев», с чем и связывается в итоге название реки Аракс. Далее, иронизируя по поводу этого ненаучного объяснения, Н.Я. Марр пишет: «Вообще говоря, Аракс для арийцев имя родное... все это совершенно соответствует индоевропейскому настроению господствующего мировоззрения, исходящего всегда и во всем от ариевропейских основ и тянувшего все плохо лежащее к тому же источнику» (36,2). Аналогичная процедура проделана Абаевым и при толковании термина «алан».

Между тем, советский антрополог В.И. Алексеев вполне убедительно

доказал, что осетины вовсе не арийцы, а настоящие кавказионы, и предки осетин своей «кавказский язык потеряли сравнительно недавно» (6, 187). Следовательно, тот иранский язык, на котором говорят осетины, не исконный, а по антропологическим данным осетины вовсе не арийцы. Безусловно, в осетинском языке имеются и элементы скифского языка, но они не связаны с иранской частью осетинского языка, а составляют в нем особый пласт заимствований. В связи с этим нельзя не возразить против мнения иранистов, изображающих «осетинский язык как непосредственный продолжитель скифского языка» (ОЯФ, 150). Дело в том, что, по справедливому мнению А.П. Смирнова, «скифы не оставили прямых потомков» (48, 84), и в настоящее время не существует непосредственных продолжателей скифов и их языка, который исчез вместе с его носителями, но исчез не бесследно. После разложения скифского общества сако-скифы (а позже также их ближайшие родственники – сарматы) отдельными частями входили в состав других племенных образований, которые легли в основу формирования многих народов, населяющих ныне территорию Советского Союза. В частности, о наличии скифов и сарматов в этногенезе русского народа говорили в свое время еще Татищев и Ломоносов. Сливаясь с другими племенами и народами (славянскими, тюрко-монгольскими, финно-угорскими, кавказскими и другими), сако-скифы оставили в их языках большое количество элементов своего языка, установление которых позволяет по-новому осветить проблему скифского языка. (Так, напр., русское слово «лошадь» считается заимствованием из древне-чувашского языка, тогда как оно не тюркское, а скифское слово, отложившееся в русском из языка скифов гораздо раньше, чем варианты

слова «лошадь» в других языках, в том числе и в древне-чувашском).

Таким образом, из исторических и лингвистических данных вытекает:

Наследниками сако-скифского языка являются славянские, тюрко-монгольские, финно-угорские, кавказские народы, в которых растворились, смешавшись, сако-скифские племена. Язык последних для предков упомянутых народов играл роль субстрата, следовательно, принимал в той или иной степени участие в сложении и формировании их языков. Язык же осетин – чистых кавказионов – испытывал сильное влияние скифского языка, что подпадает под понятие «адстрат».

Наследниками сако-скифской территории по праву являются народы СССР, имеющие генетическую и языковую связь с саками и скифами, а не потомки ираноязычных и германоязычных арийцев, ибо предки обитающих ныне на территории Советского Союза народов в скифскую эпоху жили примерно там же, где живут их потомки в настоящее время, хотя внутри ареала, безусловно, были некоторые перемещения, связанные с усилением или ослаблением отдельных племен и народов. Прав В.И. Алексеев, который, исходя из антропологических данных, утверждает, что «человечество при всех событиях, потрясавших мир, расселено приблизительно так же, как несколько десятков тысяч лет тому назад» (6, 220).

Этнографическими и археологическими данными убедительно доказано, что сако-скифская культура в целом также унаследована не потомками арийцев (иранцами и немцами), а народами Советского Союза. Имея это в виду, А.П. Смирнов писал, что наследниками скифской культуры и территории «являемся мы» (48, 184). Наследниками скифской культуры являются в определенной степени и

осетины, но не как непосредственные потомки скифов, каковыми они не являются, а как кавкасионы, испытывавшие в прошлом сильное влияние скифской культуры.

В вопиющем противоречии с этими выводами находится лженаучная теория об иранизме скифов, вредное влияние которой сказалось не только в советском языкознании, но также в области смежных с ним наук, в первую очередь, в области историографии, археологии и антропологии.

Язык, как известно, является основным и главным из признаков, составляющих этническую принадлежность того или иного народа, поэтому при определении других его признаков представители смежных наук ориентируются обычно на данные языка. Язык же скифов был неверно и тенденциозно изображен немецкими учеными как иранский. [...]

С.И. Руденко, А.П. Смирнов, М.И. Артамонов, Б.Н.Граков, Л.Н. Гумилев и ряд других советских, а также зарубежных ученых в один голос утверждают, что сако-скифская культура вполне самобытна, а не является лишь вариантом иранской, китайской или греческой культур. Словом, как и скифский язык, скифская культура не иранская.

Стремление согласовать теорию иранства скифов с фактами истории ценою их фальсификации наблюдалось у некоторых историков, которые [...] пытались исказить сообщение Геродота и др. античных авторов. Так, например, по сообщению Геродота (IV, 113, 114) амазонки при своей первой встрече со скифами совершенно не понимали их языка, так же, как и скифы – языка амазонок. Иначе говоря, у них были разные языки, даже не родственные, ибо в скифские времена представители родственных языков без особого труда могли общаться и понимать друг друга.

Став вначале любовницами скифов, а потом и их женами, амазонки вынуждены были с некоторым искажением освоить скифский язык, который впоследствии стал языком сарматов, ибо савроматы, по Геродоту, возникли как народность от упомянутой выше связи амазонок со скифами.

По сообщению античных авторов (Диодора Сицилийского, Плиния Старшего) амазонки – по происхождению мидянки. Стало быть, до встречи со скифами у амазонок родным языком, которого не понимали скифы, был мидийский язык, а он относится, по мнению специалистов, к иранским языкам. Следовательно, из факта, что ираноязычные амазонки, когда они впервые встретились со скифами, совершенно не понимали их языка, вытекает неизбежный вывод: скифский язык не был иранским... Однако... некоторые наши ученые начали высказывать фантастические предположения, что, возможно, античные авторы ошибались и амазонки не мидийского, а меотского происхождения.

Конечно, такая версия ни на чем не основана; это настоящая фантазия, граничащая с фальсификацией. Нигде в исторических источниках вы не встретите даже намека на меотское происхождение амазонок. [...]

Физический тип сако-скифов неоднороден. [...] На Алтае в сакском типе признается большая примесь монголоидов, которая по мере удаления на запад, к Волге и Дону, постепенно уменьшается (42, 20). Научные сообщения об антропологических данных европейских саков (скифов) довольно сбивчивы, поэтому трудно и рискованно ими оперировать. В связи с этим обращает на себя внимание следующий факт, о котором мужественно сообщил В.П. Алексеев: некоторые наши антропологи под влиянием неверного, но общепринятого мнения «писали только о монголоидной при-

меси в ее составе карасукцев, преувеличивая...ее размеры «и совершенно забыли» тот очевидный факт, что основная масса карасукцев... европеоидна» (6, 350).

Скажем прямо: незавидное и весьма ненадежное поведение; странная «забывчивость» и сознательное преувеличение размеров одних расовых признаков в ущерб другим! Во имя чего? Во имя общепринятого, но неверного мнения! Такое поведение [...] заставляет невольно насторожиться. Ведь в скифоведении также господствует общепринятое, но неверное мнение об ираноязычности скифов. Поэтому [...] история могла и в данном случае повториться, т.е. антропологи могли преувеличивать [...] у скифов одни расовые признаки, умалчивая о других, как в случае с карасукцами [...].

Справедливость такого предположения поддерживается весьма полезным для развития скифоведения сообщением В.И. Алексеева о том, что материалы из причерноморских скифских курганов «позволили заметить то, что не заметно было доселе [...] – монголоидную примесь и у скифов» (6, 255).

Что же, говорить правду никогда не поздно, [...] признание наличия монголоидной примеси в составе скифов – это уже шаг вперед в сторону отрицания их ирано-арийского происхождения в антропологическом аспекте. Досадно лишь другое: сто лет копают скифские курганы и «доселе» монголоидную примесь у скифов заметить антропологии «не могли», что объясняется, надо полагать, их уступкой давлению «общепринятого мнения» об ираноязычности скифов.

[...] Этого не смог избежать даже такой крупный ученый, каким был... Михаил Артамонов, который в свое время совершенно справедливо сомневался в ираноязычности скифов (9,

74–80); однако в последнем его труде («Киммерийцы и скифы») скифы уже признаны ираноязычным народом.

[...] обладая интуицией крупного ученого, В.И. Артамонов понимал, что скифы по всем признакам не могли быть ираноязычными, но, не будучи языковедом, он сам не мог этого доказать, поэтому... обратился с призывом к советским языковедам, чтобы они серьезно занимались проблемой скифского языка, и с сожалением отметил: «можно только пожалеть, что скифский язык... выпал из поля зрения советских лингвистов» (9, 75).

Артамонов ждал более четверти века, но ни один языковед не откликнулся на его призыв. [...]

Однако существовал ряд важных причин, мешавших советским языковедам своевременно разоблачить эту [...] теорию. И среди этих причин не последнее место занимало то обстоятельство, что уже в 40 гг. скифская проблема считалась решенной в пользу иранства скифов, а в научной литературе тоном, не терпящим возражением, утверждалось, что слова скифского языка объясняются только из иранских языков (ОЯФ, 36–37, 148), в связи с чем был брошен клич положить «конец... спекуляциям на скифском материале, не имеющим ничего общего с наукой» (ОЯФ, 148), где под «спекуляциями» подразумевалась всякая попытка объяснять факты скифского языка из любых неиранских языков.

Такая, мягко говоря, ненаучная постановка вопроса имела, по крайней мере, четыре отрицательных последствия, тесно связанных между собою. Во-первых, не нашлось ни одного языковеда, желавшего попасть в число спекулянтов «скифским языковым материалом»; во-вторых, скифоведение целиком было отдано по этой причине в монопольное владение одного единственного языковеда – ираниста

В.И. Абаева, который действительно спекулировал на скифском языковом материале в течение почти 40 лет; в-третьих, в данной ситуации скифский язык не включался в исследовательский план научных учреждений иранского профиля, поэтому советские языковеды-иранисты фактически и практически были лишены возможности заниматься изучением проблемы скифского языка; и, в-четвертых, представители смежных наук (археологи, историки и др.) частью были введены в заблуждение иранистами, а частью под влиянием «общепринятого мнения» были вынуждены мириться с существующим положением вопреки своим убеждениям, о чем речь была уже выше.

[...]

В связи с этим показателен следующий факт: связанное с мифологией толкование, которое дал В.И. Абаев имени небесного кузнеца – Курдалагон из нартского эпоса, зарубежными учеными – Э. Бенвенистом и В. Мейдом – было охарактеризовано как чистейший вымысел и фантазия. Желая поддержать [...] основательно подмоченный авторитет Абаева, ученый из Бонна И.Кноблех через нашу печать («Этимология», 1972, стр. 136–137) [...] поощряет заблуждения Абаева в толковании им имени Курдалагон. Однако покровительство боннского ученого выглядит довольно бесцветным. Это и понятно – фантазировать больше Абаева он не мог, а те факты, которые Кноблех приводит из области индоевропеистики, не имеют буквально никакого отношения к осетинскому Курдалагон, ибо это имя не арийское, а является в осетинском языке заимствованием и значит вовсе не то, что ему приписывается.

[...] Конечно, настаивать на наличии слова «арйа» в данном имени [...] не осмелится даже самая необузданная фантазия, поэтому Абаев обра-

тился к якобы «более древней форме» этого имени в форме *Kurdalxwxrgon* и путем (безотказного у иранистов) произвольного разложения его на *Kurd-Alx-Wxrgon* стал утверждать, что элемент *Alx* в этом слове значит *agua* «арийский», а *Wxrgon* значит «волк». Сопоставив его с латинским именем бога огня *Volcanus*, Абаев заявляет, что оба имени восходят к одной праформе со значением «волк», что стало предметом насмешек на Западе, т.к. латинский *Volcanus* ни малейшего отношения к волку не имеет, как это утверждает Мейдом, с чем был вынужден согласиться и сам Абаев (2, 97).

Дело, однако, не только в неправомерности сближения *Wxrgon* с *Volcanus*, имеются более веские основания говорить о том, что вариант *Kurdalxwxrgon* есть результат недоразумения, а потому слова *Wxrgon* в составе Курдалагон никогда не было.

Если вариант «Курдалаваргон» не является фальсификацией, то его появление можно объяснить следующим путем: как известно, заимствования обычно искажаются на определенный манер, подчиняясь фонетическим законам языка, который заимствует, но у единичных представителей заимствующего языка иногда наблюдаются варианты искажения, отличающиеся от остальных, характерных для большинства. [...]

[...] ясно, что вариант Курдалаваргон зафиксирован в произношении одного единственного сказителя; и если он действительно так произносил, то такой случай следует рассматривать как результат вторичного, специфического для данного сказителя искажения заимствованного слова, каким и является имя Курдалагон в осетинском языке.

Слово *Wxrgon* больше никогда не зафиксировано; такого слова в осетинском языке вообще не существует;

и нет абсолютно никакого основания приписывать этому выдуманному слову значение «волк», тем более признавать это искажение за «более древний вариант» [...] имени Курдалагон. [...] для научного анализа следует брать основной вариант Курдалагон, зафиксированный у большинства сказителей, правда, тоже искаженный, но более близкий к источнику, чем вариант «Курдалаваргон».

Если разложить основной вариант на кур-да-ла-гон, то он более вероятно сопоставляется с *qurdalayan, корень которого *qur точно соответствует алтайскому, лебединскому и казахскому qur «жарить» (РП, 919,920), корню татарского диал. Kúr+э – загораться, Kúr+эт – разжигать (при нормативном kójrэ–), башкирского кур-уу «варить», азерб. кур-э «плавильная печь» (в узбек. «яма для зажигания огня»); корень *qur- (в qurdalayan) закономерно соответствует древнетюркскому qurur-qovur-qurur-qouur- калить, жарить (ДТС), чувашскому кавар- «жар», «горячие угли», «пламя», «пламенный», «огненный», якутскому куйар – быть жарким, знойным, тат. куыр–, узб. ковур – жарить.

Что касается элемента *da-, то он, как словообразующий суффикс, есть в наличии в узбек. ковур-до-к, в тат. куыр-да-к, в казах. қавыр-да-к «жаркое» (откуда русские кавардак в значении «неразбериха»); элемент *da- можно сопоставить с суффиксом -ла в таких тюркских глаголах, как кыш+ла- – зимовать, сак+ла- – охранять, йыр+ла- – петь и др.

Таким образом, -да- и -ла- являются вариантами одного и того же глаголообразующего суффикса, дублирование которого объясняется так называемым явлением плеоназма, наблюдаемого и в современных тюркских языках. Дублирование однозначных суффиксов -да-/-ла- сохранилось в таких отглагольных обра-

зованиях, как казах. күр+де+ле+н+ген «осложненный», тюрк. ок+та+л- (< *оқ+та+ла-) мчаться, как стрела; тат. ал+да+ла- (параллельно с ал+да-) обманывать.

Короче, все вышеприведенные сравнения дают основание признать в *qurdala- глагольное образование со значением «калить», «жарить»; «печь», соответствующее курдала – в осетинском курдалагон. Последний элемент -гон в нем закономерно совпадает с формой причастия прошедшего времени в тюрк. языках – гъан, следовательно, осетинское Курдалагон значит «калящий», «кузнец» и происходит из тюрк. qurdalayan в том же значении. Есть основания полагать, что в некоторых тюрко-монгольских языках в далеком прошлом (в скифское время) слово «кузнец» оформлялось при помощи суффиксов *уан и - *хан, о чем можно судить по таким примерам, как тувинское дарган «кузнец», монг. дар-хан «мастер», томрийн дар-хан «кузнец», где суффикс -хан соответствует тюркскому *уан, искаженному в осетинском в форму -гон.

Таким образом, осетинское Курдалагон не является исконно осетинским словом, а является заимствованием из какого-то не дошедшего до нас говора или диалекта, возможно, гуннского языка. Для такого предположения основанием является гуннский Куар, которого, по свидетельству армянского историка Моисея Каганкатваца, гунны почитали в качестве божества грома и молнии, т.е. того «небесного огня», которым распоряжался в нартском эпосе и осетинский небесный кузнец Курдалагон. Следовательно, по функциям гуннское божество грома и молнии Куар и осетинский Курдалагон совпадают; образованы они из закономерно соответствующих друг другу корней с одним и тем же значением: авторы книги «Татары

Среднего Поволжья и Приуралья» в достаточной степени убедительно доказали, что Куар соответствует тюркским кур-, куыр-, қавур-, кавар- со значением «калить», «жарить» (52, 358), т.е. тому же корню кур-, из которого образовано осетинское Курдалагон.

К приведенным в этой книге примерам можно лишь прибавить, что гуннское божество Куар (мог быть и вариант *Каур) почитался предками почти всех нынешних тюркских народов, о чем говорят сохранившиеся в тюркских языках слова каурчак – когурчак «кукла», «марионетка» (Р II, 52; 517), а также курчак «статуя», «кукла» (Р II, 953). На этом основании можно полагать, что гуннское божество Куар (*Каур) был представлен в свое время и в антропоморфной форме, т.е. изображался в виде куклы и статуи, которой поклонялись, как идолу, называемому *Куарчак – курчак, когурчак и т.д., [...] но образовались эти названия идола от вариантов того же корня Куар, которым обозначалась гуннское божество Куар.

Следовательно, слова курчак и его варианты были когда-то названиями изображения (идола) гуннского бога огня, а с течением времени, когда гуннский бог исчез и был забыт, название его изображения закрепилось окончательно за куклой, с которой играют дети.

[...] Как в мифологическом и языковом, так и в метрическом аспектах такое сопоставление гуннского и осетинского божеств небесного огня является более реальным, чем бесплодная попытка связывать осет. Курдалагон с латинским Волканус через выдуманное осетинское слово Варгон [...].

[...]

Выводы:

Предвзятая теория об ираноязычности сако-скифов ненаучна, осно-

вана на лженаучных этимологиях, полученных путем неправомерного сравнения незначущих (для нас) скифских собственных имен с индоиранскими словами, значение которых приписывается этим именам, что противоречит принципам сравнительно-исторического метода в языкознании.

[...]

Для правильного применения сравнительно-исторического метода при объяснении сако-скифских слов необходимо предварительно классифицировать их, разделив на значащие (I гр) и незначащие (II гр) слова.

Не могут быть признаны научными выводы, основанные лишь на объяснениях ничего для нас не значащих скифских слов (II гр). [...] они должны объясняться только из тех языков, из которых удовлетворительно объясняются значащие сако-скифские слова (I гр). И в таком случае объяснение сако-скифских слов II гр., поскольку их значения по-прежнему останутся спорными, не могут быть признаны как достоверные, бесспорные факты, имеющие силу научного доказательства, а могут быть привлечены только в качестве дополнительного материала, в какой-то степени поддерживающие выводы, полученные анализом слов I гр.

Правильными можно признать выводы, вытекающие из сравнения значащих сако-скифских слов (I гр.) с аналогиями также значащими. При условии, если абсолютное большинство сако-скифских слов (I гр.) удовлетворительно объясняются, совпадая как по значению, так и по звучанию (т.е. по закономерным фонетическим схождениям и расхождениям) с аналогиями, привлеченными для сравнения из одних и тех же родственных языков, то причисление к ним и сако-скифского языка, как генетически с ними связанного (родственного), можно считать бесспорным.

Лишь после того, когда таким путем будет установлено происхождение сако-скифского языка, только тогда можно приступить к объяснениям сако-скифских слов II гр. из тех языков, из которых удовлетворительно объяснены некоторые слова I гр. [...]

Предварительное сообщение: строго придерживаясь метода и принципов, изложенных в пунктах 3, 4, нами объяснено из урало-алтайских, в основном, из тюрко-монгольских языков, 98 значащих сако-скифских слов (I гр.), анализ которых составляет содержание следующей статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
2. *Его же.* Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. – М., 1965.
3. *Его же.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – М., 1958; Т. II. – Л., 1973.
4. *Его же.* Этногенез осетин по данным языка. – ПОН. – С. 10 и след.
5. *Айтматов Чингиз.* Повести. – Фрунзе: «Кыргызыстан», 1974.
6. *Алексеев В.П.* В поисках предков. – М., 1972.
7. *Его же.* Выступление на научной конференции по этногенезу осетин. – ПОН. – С. 323 и след.
8. *Алексеева Е.П.* Выступления на научной конференции по этногенезу осетин // ПОН. – С. 257 и след.
9. *Артамонов М.И.* Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. – 1947. – №3.
10. *Его же.* Общественный строй скифов // Вестник ЛГУ. – 1947. – №9.
11. *Его же.* К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. – 1950. – №2.
12. *Его же.* Этнография Скифии // Учен. записки ЛГУ. Серия истор. наук. – Л., 1949. – Вып. 1.
13. *Его же.* О земледелии и земледельческом празднике у скифов // Учен. записки ЛГУ. Серия истор. наук. – Л., 1947. – Вып. 15.
14. *Его же.* Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. – 1948. – №8.
15. *Он же.* Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник. Выпуск 2 // Скифо-сарматское время. – 1961. – Изд-во гос. Эрмитаж.
16. *Он же.* Киммерийцы и скифы. – Изд-во ЛГУ, 1974.
17. *Он же.* Венеды, невры и будины в славянском этногенезе // Вестник ЛГУ. – 1946. – №2. – С.70 и след.
18. *Бернштам А.Н.* Древняя Фергана // ВДИ. – 1949. – №1.
19. *Он же.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков.
20. *Он же.* Саки Памира // ВДИ. – 1956. – №1.
21. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. – М., 1958.
22. *Гагкаев К.Е.* К проблеме субстрата // ПОН., стр.195 и сл.
23. *Геродот.* История в девяти книгах. Т.1 (издание 2-е, исправленное, в переводе Ф.Г.Мищенко). – М., 1888; Т. II (издание 1-е). – М., 1886.
24. *Гинзбург В.В.* Антропологическая характеристика саков Южного Памира // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80.
25. *Граков Б.Н.* Скифы. – М., 1971.
26. *Григорьев В.В.* О скифском народе – саках. – СПб., 1871.
27. *Гумилев Л.Н.* Хунну. – М., 1960.
28. *Он же.* Хунны в Китае. – М., 1974.
29. *Он же.* Открытие Хазарии. – М., 1966.
30. *Он же.* Древние тюрки. – М., 1967.
31. *Дьяконов И.М.* История Мидии. – М.-Л., 1956.
32. *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. – М., 1971.

33. *Кноблех И.* Kurd-Ale-gon Volcanus / Этимология 1972. – М., 1974.
34. *Лайпанов К.Т.* О тюркском элементе в этногенезе осетин // ПОН, стр. 207 и сл.
36. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история... / Собрание сочинений под редакцией ак. Сухомлинова. 1891 – 1902. – Т.V.
36. *Март Н.Я.* Термин скиф // Избранные работы. Т. V. – М.-Л., 1935.
37. Он же. Скифский язык // Избранные работы. – Т. V. – М.-Л., 1935.
38. *Миддер Вс.* Этнографические следы иранства на юге России // ЖМНП. – 1886, октябрь.
39. Общее языкознание (автор – коллектив). – М., 1973
40. *Потапов Д.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. –Л.,1959.
41. *Реформаторский А.А.* Введение в языкознание. – М., 1955.
42. *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. – М.-Л.,1952.
43. Он же. Башкиры. – М.-Л.,1955.
44. Он же. Сокровища пазырыкских курганов// По следам древних культур. – М. – 1951 г. стр. 115 и сл.
45. *Семенов-Зусер С.А.* Скифская проблема в отечественной науке (1692–1847). – Харьков, 1947.
46. *Серебренников Б.А.* Проблемы сравнительно-исторического метода и происхождение семей // Доклады и сообщения, прочитанные на научной конференции по языкознанию в июне 1951 г. – Изд-во Моск. ун-та, 1952 г.
47. Он же. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.,1974.
48. *Смирнов А.П.* Скифы. – М., 1966.
49. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. – М., 1964.
50. *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. – М.,1951.
51. *Страбон.* География в 17 книгах. (Перевод Г.А. Стратоновского). – М.-Л., 1964.
52. Татары Среднего Поволжья и Приуралья (автор. коллектив). – М.,1967.
53. *Татищев В.Н.* История Российская. Т.1. – М., 1962.
54. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – Госполитиздат. – М., 1952.
55. *Юргевич Г.* Об именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и др. греческих городов Северного побережья Понта Евксинского. – Записки Одесского об-ва истории и древности. – 1872. – Т.8.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот же лженаучный метод применяется у иранистов.

² Вс. Миллер отличается от других иранистов-скифологов гибкостью, «обтекаемостью» и показной объективностью в суждениях. Излюбленный его прием – это подробно излагать доводы, говорящие против иранства скифов, чем и достигалась видимость «объективности». Фактически этот прием был рассчитан на лишение эффективности этих доводов, если бы противник выдумал ими пользоваться, так как получалось, что о них уже говорили сами иранисты. Эти доводы против иранства скифов в интерпретации Вс. Миллера до предела смягчались [...] и окончательно заслонялись его «вежливым» упорством и настойчивостью в навязывании своего ложного мнения, что заметно и в приведенном отрывке. Словом, Вс. Миллер заранее хотел обезоружить возможного противника.

³ Терминам «алан» и «арий» посвящена специальная статья, поэтому здесь их этимология не дается.

⁴ При этом слово «аллон» сохранилось только в сказках в составе слова аллон-беллон, поэтому соответствовало ли оно термину «алан» или нет – тоже спорно.

Сокращения

ВДИ – Вестник древней истории

ОЯФ – Осетинский язык и фольклор

ПОН – Происхождение осетинского народа

Аннотация

Статья Джавада Алмаза «О языке сако-скифов» является первой специальной работой, посвященной исследованию языка древних скифских племен. Эта тема имеет международное научное и историческое значение. Она является серьезным научно-филологическим ответом против искажения истории древних скифов. Автор статьи анализирует точку зрения европейских ученых, пытающихся связать этническую историю западных народов со скифами, которые, как известно, имеют сходные черты с тюркскими народами в культуре и укладе жизни.

Ключевые слова: Джавад Алмаз, скифский язык, скифские имена, лжеэтимология.

Summary

The article of Dzhavad Almaz «About Language of Sakas and Scythians» is the first special work devoted to the study of ancient Scythian tribes' language. This theme has an international scientific and historical significance. It is a major scientific and philological response against the distortion of the history of the ancient Scythians. The author analyzes the views of European scientists who are trying to relate the ethnic history of the Western peoples with the Scythians, who are known to have similar features in the culture and way of life with the Turkic peoples.

Key words: Jawad Almaz, Scythian language, Scythian names, false etymology.

УДК 82.0(091)

ЗАЧЕМ СТАЛ НУЖЕН МАРДЖАНИ ЖЕНЕ КАЗАНСКОГО ГЛАВЫ?

Ф.К. Даминова, ст. научный сотрудник Национального музея РТ

Эта история началась в апреле 2011 года. В это хмурое весеннее утро друзья и почитатели таланта прощались с писателем Рафаэлем Мустафиным...

Неволью я прислушалась к тихому разговору известного татарского писателя и общественного деятеля Татарстана Рабита Батуллы и казанской русской писательницы Маргариты Небольсиной. Беседа шла на чистейшем татарском языке, чем я была несказанно удивлена, хотя знаю Маргариту еще с комсомольской юности. Еще больше удивилась я, когда услышала, что Р. Батулла уважительно сравнил свою собеседницу с Ольгой Лебедевой – Гульнар-ханум.

Показывать свою неосведомленность об этой женщине перед ними я не стала, а, вернувшись домой, обратилась источникам...

«Гульнар-ханум» – литературный псевдоним Ольги Сергеевны Лебедевой, известного знатока Востока и восточных языков. Сама она родом из Казани, а ее муж был казанским городским головой.

Интерес к Востоку и восточной культуре побудил ее к изучению языков. Татарские просветители Каюм Насыри и Шигабутдин Марджани дают ей блистательные уроки по языкам, истории, культуре тюркских и других исламских народов. Способная ученица переводит с татарского на русский книгу иранского царя Кейкабуса «Кабус-Наме». Скоро ей становится тесно не только в Казани,

но и вообще в России, где серьезное женское образование, мягко говоря, не поощряется.

Как пишет Азат Ахунов: «Для более близкого знакомства с жизнью, историей, культурой тюркских и других исламских народов и усовершенствования своих познаний в области восточных языков она едет в Турцию, знакомится здесь с состоянием обучения в мусульманских школах, положением турецкой женщины, много читает, интересуется историей мусульманских народов, литературой, общается с турецкими писателями, учеными, просветителями».

Здесь Гульнар-ханум (так она иногда подписывает свои произведения) одаривает турецкую литературу переводами Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого... Переводит на языки народов Западной Европы произведения турецких прозаиков и поэтов.

В литературных приложениях к 4041 и 4054 номерам «Терджуман-и Хакикат» от 30 декабря 1891 г. и 14 января 1892 г. из-под пера Лебедевой вышел перевод рассказа Льва Толстого «Ильяс», в котором рассказывалось о похождениях башкира Ильяса из Уфы. Рассказ был опубликован под заглавием «Ильяс или богатство» без указания имени автора. Спустя год рассказ вышел отдельной книжкой.

Об авторстве Толстого мы узнаем только из вступления, написанного Ахмедом Мидхатом. Однако сразу же отметим, что акцент в нем делал-

ся не на Толстом или его рассказе, а на истории перевода Лебедевой. Из вступления можно понять, что «Ильяс» является первым русским художественным произведением, переведенным Лебедевой на турецкий язык. Считая перевод несовершенным, Лебедева была намерена не публиковать его, однако тронутый воспоминанием о том, что «Ильяс» был подарен ему Лебедевой при их знакомстве в Стокгольме, Ахмед Мидхат полностью отредактировал его и напечатал в своей газете.

1 февраля и 26 мая 1892 года в номерах 4069 и 4146 «Терджуман-и Хакикат» турецкой читающей публике был представлен перевод романа Льва Толстого «Семейное счастье», который, как и предыдущие работы, вышел отдельным изданием с кратким вступительным словом Ольги Лебедевой.

В течение последующих двух месяцев Лебедевой были также осуществлены переводы еще трех произведений Толстого: «Два старика» из знаменитого цикла «Народных рассказов графа Толстого», «Смерть Ивана Ильича» и «Чем люди живы?».

В начале 1896 года в турецкой прессе появилось сообщение о том, что Ольга Сергеевна переводит повесть Льва Толстого «Хозяин и работник», однако нами не было обнаружено каких-либо сведений о ее публикации в Турции.

Переводы русской художественной литературы, выполненные Лебедевой, пользовались в Турции большим успехом, чему во многом способствовала редакторская работа Ахмеда Мидхада-эфенди и Ахмеда Джеведа, у которого Лебедева брала в Стамбуле уроки османского языка. Судя по письму, отправленному Лебедевой Л.Н. Толстому, «Все эти переводы имели большой успех и были проданы нарасхват...».

Начиная с 12 февраля 1891 на протяжении пяти дней на страницах «Терджуман-и Хакикат» публиковалась обширная статья о Толстом под названием «Русская литература и Европа или размышления литератора Толстого». В статье говорилось о переведенных на разные западные языки русских художественно-литературных произведениях, а также о том большом внимании, с которым встретила их читающая публика.

Дальше следовали сведения о трех произведениях Толстого, переведенных на французский язык. Подробно рассматривалась комедия «Плоды просвещения» (турецкое название – «Эсмар-и Фюнун»), а также личность автора.

Глубокий талант и одаренность Лебедевой проявились при переводе турецкой поэзии на русский язык:

*Лицо ее так ясно,
будто свет луны;
Движенья грации
и плавности полны.
Как облако скрывает
яркий свет денницы,
Так падают на очи
длинные ресницы,
Кудри черны, как ворона крыло,
Венчают белоснежное чело...*

В Стамбуле выходит на турецком языке ее «История русской литературы от ее начала до наших дней».

Литератор П.Д. Драгонов, говоря о деятельности Лебедевой в Турции, писал, что свидетельством того, насколько она «стойка и непреклонна в своих убеждениях и, так сказать, в литературном туркофильстве (в благородном смысле этого слова), служит множество ее мелких статей, печатавшихся в константинопольских газетах и журналах с целью возбудить интерес к России со стороны Турции и установить духовное сближение двух соседних государств».

Несмотря на то, что передовые люди по достоинству оценили миссию Ольги Сергеевны, назвав ее полпредом русской литературы в Турции, за рубежом она была куда известнее, чем в России. Лебедеву даже подозревали в переходе в магометанство, и синодальная церковь грозила ей всяческими духовными карами.

Естественно, Гульнар-ханум ищет поддержку не в официальных кругах, а у оппозиционной общественности. Она, например, встревожена погромными настроениями в Турции против армян и в 1894 г. обращается с письмом ко Льву Толстому: «Милостивый государь, граф Лев Николаевич! Занимаясь восточными языками, я особенно хорошо изучила турецкий язык и его литературу. С этой целью я провела несколько времени в Константинополе и познакомилась со многими литераторами. Это дало мне возможность убедиться в том, что они с жадностью читают Ваши дивные произведения во французском переводе...».

Вместе со следующим письмом Ольга Сергеевна посылает Льву Николаевичу свою статью, в которой говорится об общности нравственных идеалов христианства и ислама. Писатель одобрил намерение Ольги Сергеевны издать в Турции книгу о родстве двух авраамитских религий.

Книга, по всей видимости, так и не вышла в свет, ибо ни в царской России, ни в султанской Турции для ее выхода не было тогда подходящих условий.

В конце XIX в. О. Лебедева издает в Италии книгу, в которой утверждает, что Россия только выиграла бы, если бы царизм не препятствовал татарам открывать свои школы, издавать газеты...

Большой интерес к деятельности Гульнар-ханум проявлял известный татарский ученый, академик Татарстана Абрар Каримуллин. Комменти-

руя ее книгу, он пишет: «О.С. Лебедева искренне озабочена положением татар, в книге нет ни одной строки, унижающей культуру, прошлое татарского народа. Автор подчеркивает, что господствующее в русской официальной историографии утверждение о том, что татары являются якобы потомками монгол, не соответствует действительности». К сожалению, в России эта книга так и не была издана.

Почти одновременно в Италии была издана еще одна книжечка – с докладом О. Лебедевой о положении мусульманской женщины в странах Востока, но эта книга была встречена в штыки, так как в ней был усмотрен подрыв устоев православия.

Лишь через несколько лет она сумела вернуться к этому вопросу, но... – в Алжире. И снова она высказывается в том духе, что в эмансипации нуждаются и женщины-христианки. Впоследствии книга была переведена на русский язык, и лишь частично – на татарский...

Не покидает Лебедеву и идея сближения народов России и Востока. В 1887 г. она обращается к лучшим ученым-востоковедам с призывом создать в России востоковедческое общество, целью которого было бы сближение России с восточными странами.

Однако потребовалось целых 13 лет, чтобы 29 февраля 1900 года было принято решение создать «Императорское общество востоковедения, состоящее под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Александры Федоровны». Его истинная создательница была назначена всего лишь «почетной председателем»...

Мой интерес к деятельности этой незаурядной женщины, поиски материалов о ее жизни и домашние беседы о ней стали своеобразным толчком для моего мужа, известного татарско-

го поэта Газинура Мурата, написать стихотворение «Гөлнар ханым», в котором он выразил свое восхищение Ольгой Сергеевной:

*Бар дөнъясы, кыргый, диен каргый,
Корсын, диен, тизрәк атыгына.
Шул кавем соң ник кирәккән әле
Казан башлыгының хатынына?*

*Кара йөзләр кайкаһәләп көлә,
Зыян килгәндер, дип, акылына.
Ә Мәрҗани ни хажәт соң әле
Шундый көяз марҗа хатынына?*

*Хәзрәт, диен зурлап дәшә аңа,
Гел килешле хәтта татарчасы.
Каюм Насыридан сабак ала,
Өйрәнгәнә – төрек, татар, фарсы...*

*Танып аны, үзе ачыладыр
«Кырык бакча»ларның капкасы да..
«Хуш килдеңез», – диен каршылы ул
Фатих Кариминиң атасын да.*

*Дөнъя белән ипле аңлаша ул,
Гарәбен дә белә, алманын да..
Үз телендә ләкин аңламыйлар,
Бу илне шул кыен аңлавы да.*

*Кара йөзләр һаман пошаманда,
Ни даулы ул, диләр, ни хакына?
Бу татар соң ник кирәккән әле
Изге анакайга тиң хатынга?*

*...Ә ул әнә җылы эзләп йөри
Казан ятимнәре кавемәнә.
Кеше шулай кара дәверләренәң
Вәҗдан, намусына әверелә.*

*Ә ул әнә якты эзләп йөри
Илсез илдәшләре өммәтенә.
Ә хәзрәтләр дога багышлыйдыр
Ольга Сергеевна хөрмәтенә.*

*Ярый әле, илендә бер бикә
Аңлы белә, диен, үксез хәлен.
Ә ул һаман: «Хуш килдеңез!» – диен
Каршы алыр Казан үксезләрен...*

Вот так звучит стихотворение «Госпожа Гульнар» в подстрочном переводе Маргариты Небольсиной:

«Госпожа Гульнар»

*Весь этот век, дикий пусть
будет проклят!
Пусть быстрее забудется имя его!
Зачем этот народ стал нужен
Жене казанского главы?*

*Злые люди саркастически смеются
Наверное, рассудком помутилась –
Зачем стал нужен Марджани
Такой изысканной русской
женицине?*

*Она почтительно называет
его Учителем,
И по-татарски говорит
замечательно.
Берет уроки у Каюма Насыри,
Изучает турецкий, татарский,
персидский...*

*Перед ее знаниями сами
открываются врата
«Сорока садов»
«Добро пожаловать!» –
встречает она
И отца Фатиха Карими.*

*Она общается со всем миром,
Арабский знает и немецкий...
Но вот ее языка не понимают –
Но эту страну и понять сложно!*

*Злые люди постоянно ее
подозревают:
Чего она хочет, для чего?
Зачем нужны татары
Этой женицине, подобной
Богоматери?*

*...А она ищет душевного тепла
Для обездоленного племени татар.
Так в смутные времена человек
Становится совестью и честью.*

*А она ищет надежду
Для лишенных государства
соотечественников.
Хазраты возносят молитвы
В честь Ольги Сергеевны.*

*Что есть еще в стране
одна госпожа,
Способная понять обездоленного.
А она, как всегда, со словами
«Добро пожаловать!»
Встречает объезженных татар...*

Казалось бы, на этом историю Ольги Сергеевны можно было бы закончить... Но она имела удивительное продолжение!

Зимой 2015 года в адрес Национального музея Республики Татарстан пришло письмо из туманного Альбиона от праправнучки Ольги Сергеевны Лебедевой – Карины Хэмилтон, которая проявила необычайный интерес к казанским корням своей прапрабабушки и материалам о ее деятельности.

К сожалению, Национальный музей РТ на тот момент не обладал никакими сведениями о Лебедевой О.С., помимо собранной мной по собственной инициативе информации, которую я сообщила Карине Хэмилтон...

Имя Ольги Сергеевны Лебедевой было широко известно в начале 19 века. Она родилась в 1854 году, видимо, в Казани или близ нее, окончила Казанский университет, прекрасно владела как восточными (арабским, персидским, турецким, татарским), так и европейскими (немецким, французским, итальянским, греческим) и славянскими языками.

Ее труды завоевали признание среди передовых русских востоковедов, прогрессивных деятелей России – ученых Казани и Петербурга: профессора арабского и персидского языков Казанского университета И.Ф. Готвальда, профессоров-тюр-

кологов Н.Ф. Катанова, Н.И. Березина, выдающихся востоковедов В.В. Бартольда, Н.И. Веселовского, В.В. Радлова, Ю.И. Крачковского, Н.И. Конрада, К.Г. Залемана, П.М. Мелиоранского, географа-путешественника Семенова Тянь-Шаньского и других, чьими именами прославлено отечественное востоковедение.

О. С. Лебедева была знакома с татарскими учеными, просветителями, среди которых были выдающийся татарский ученый, историк Шигабутдин Марджани (1818–1889), преподаватель восточных языков университета, ученый-просветитель Мухаммедгали Махмудов (1824–1891), писатель Габдрахман Ильяси (1865–1895) и другие, – все они были членами Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета.

В Институте русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом) хранятся два письма-открытки, написанные О.С. Лебедевой из Рима в 1908 году выдающемуся русскому юристу, литератору, крупному государственному и общественному деятелю А.Ф. Кони, из которых видно, что они были в дружеских отношениях. Возможно, они познакомились в Казани, где А.Ф. Кони работал некоторое время.

В одном из этих писем О.С. Лебедева просит А.Ф. Кони прислать ей что-либо печатное о бароне Розене, видном ученом-востоковеде Российской академии наук, и о Ровинском.

К сожалению, кроме некоторых коротких писем, хранящихся в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, в фондах Пушкинского дома и Ленинградского отделения Института востоковедения, архив О.С. Лебедевой, ее рукописное наследие не обнаружены.

Как утверждал А. Ахунов: «К сожалению, сведения об Ольге Серге-

евне Лебедевой обрываются первым десятилетием XX века. Как сложилась её судьба дальше – неизвестно».

Мы не знаем даже, когда она скончалась. Хотя в послевоенный период имя О.С. Лебедевой начало встречаться в отдельных работах по истории Турции, по отечественному востоковедению, авторы не идут дальше упоминания об уже известной ее деятельности в Турции по переводу произведений русской литературы на турецкий язык.

Кроме прочего, Карину Хэмилтон интересовало, имеется ли какая-то информация о переписке О.С. Лебедевой с Л.Н. Толстым. В доступных источниках нам удалось найти ряд материалов.

215. О.С. Лебедевой. 1894 г. Сентябрь 4. Я.П.

«Письмо ваше, уважаемая Ольга Сергеевна, с статьей вашей, разъехалось с моим, в котором я писал вам, что желал бы прочесть ваше предисловие. Я прочел ваше предисловие, и простите меня за то, что высказываю свое мнение, о котором вы меня не спрашиваете; я должен сказать, что оно нехорошо и я не советовал бы вам печатать его в том виде, в каком оно теперь. Нехорошо в нем то, что автор слишком поверхностно и потому неправильно судит о том, что составляет сущность религии вообще и в частности христианства. Кроме того, исламизм представляется автором как особая, независимая от христианства религия, тогда как магометанство есть не что иное, как протестанство против Византийского извращенного, перешедшего в многобожие христианства, и протестанство, имеющее в основе своей те же предания, как и христианство, почерпнутые только в апокрифических библейских и евангельских сказаниях. Мысль об параллельном издании избранных, оди-

наковых по духу стихов Евангелия и Корана так хороша, важна и может произвести так много добра, что надо стараться осуществить ее наилучшим образом.

А для этого надо, кроме того что подобрать в порядке их значительности стихи этих двух священных книг, выражающие самые основные, важные жизненно-нравственно-религиозные истины (которые во всех религиях одинаковы), надо еще в предисловии указать, во-1-х, на то, что нравственно-религиозные истины, те самые, которые важны для людей, всегда одинаковы во всех религиях, а во-2-х, то, что христианство и магометанство имеют один и тот же источник и расходятся только в своих искажениях этих источников, с одной стороны, христианами, а с другой – магометанами, и что стоит только откинуть эти искажения, и обе религии неизбежно совпадут.

Дело это очень важное, вы же говорите, что вы посвятили ему свою жизнь, и потому я говорю вам прямо, что думаю. Переработайте ваше предисловие не раз, не два, а 20, 30 раз, воспользуйтесь всем тем, что сделано по этому вопросу (прекрасные по этому вопросу об единстве религии статьи Макса Мюллера), и тогда книга ваша будет иметь то действие, которого вы желаете от нее. Простите же меня, пожалуйста, за мою грубую откровенность и примите уверение совершенного моего уважения. 4 сент. 94.

(Печатается по листам 35–37 копировальной книги. Письмо плохо оттиснуто, и поэтому листы 2 и 3 почти сплошь восстановлены карандашом рукою Т.Л. Толстой; ее же рукой поставлена и дата. Подписи нет – по-видимому, она также не оттиснулась в копии).

Ответ на два письма Лебедевой: одно от 1 августа, на которое Толстой ответил 21 августа (см. в «Спис-

ке писем Толстого, текст которых неизвестен» N 40), и второе – около 20 августа, разминувшееся с ответом Толстого.

В первом она сообщала между прочим о своем стремлении «найти точку соприкосновения между христианством и исламом» и намерении для этой цели «выписать стихи из корана и евангелия, похожие между собой, комментировать их и составить книгу». Написанное к этой будущей книге предисловие в виде статьи было послано ею Толстому при втором письме.

229. О. С. Лебедевой. 1894 г. Сентября 22. Я. Д.

Очень благодарен вам, уважаемая Ольга Сергеевна, за присланную тетрадку и брошюру. (1) Я прочел их с интересом, но не нашел в них самого главного изложения нравственного, общественного учения. Я думаю, что в книгах самого Баба (2) это учение затеряно в восточном напыщенном (для нас) многословии и в натяжках для сближения с кораном, и потому интересно бы было извлечение из этих книг всего существенного, касающегося нравственности и общественной жизни. Интересны бы тоже были сведения о жизни бабистов, о приложении к практике их учения. Если это есть в тех английских книгах, о кот[орых] вы говорите, и если эти книги у вас есть, ... то очень бы одолжили меня, прислав их. Я с аккуратностью возвратил бы вам их.

Я думаю, что посылка моя не опоздает и застанет вас еще в деревне. Очень рад был узнать, что вы так добродушно приняли мой совет об исправлении предисловия и намерены последовать ему.

С совершенным уважением ваш Л. Толстой.

(Печатается по листам 71 и 72 копировальной книги. Датируется на

основании записи в Дневнике от 22 сентября).

Толстой немедленно ответил Лебедевой дружеским посланием. Написанное, по-видимому, рукою дочери писателя Т.Л. Толстой, оно, к сожалению, не сохранилось в его архиве, но о содержании ответа можно судить по новому письму Лебедевой в Ясную Поляну, в котором она отвечает на ряд вопросов писателя, касающихся жизни турецкого народа. Это второе большое письмо Лебедевой, являющееся правдивым очерком социально-политической жизни Турции конца XIX века, представляет подлинно научный интерес.

Толстой так и оценил его и попросил Лебедеву так же вдумчиво ответить на другие интересовавшие его вопросы, в том числе об общественном движении в Турции. Судя по тому, что именно его интересовало (материальное положение турецкого народа, существование оппозиционных сект, развитие социалистического движения в Турции), можно предположить, что он намеревался написать об этом статью или, возможно, издать письма Лебедевой в руководимом им издательстве «Посредник», где в это время готовилась серия книг о разных народах. К сожалению, и это письмо Толстого не сохранилось, – мы можем судить о нем только по ответным письмам Лебедевой. Вместе с письмом от 18 августа она послала Толстому и свою статью, в которой писала об общности нравственных идеалов христианства и ислама и возможности слияния обеих религий.

На этом, к сожалению, интересная переписка между Толстым и Лебедевой по неизвестной причине оборвалась. А сочинения Льва Толстого стараниями русской женщины Ольги Лебедевой стали достоянием широкого круга читателей в Турции.

Аннотация

В статье приводится малоизвестный материал о жизни и деятельности известного знатока Востока и восточных языков Ольги Сергеевны Лебедевой (Гульнар-ханум), переписка с Л.Н. Толстым.

Ключевые слова: О.С. Лебедева, Гульнар-ханум, Марджани, Лев Толстой, Императорское общество востоковедения.

Summary

The article contained a little-known material about the life and work of the famous connoisseur of Eastern and Asian languages Olga Lebedeva (Gulnar-Khanum), correspondence with L. Tolstoy.

Keywords: O.S. Lebedeva, Gulnar-Khanum, Marjani, Leo Tolstoy, The Imperial Society of Oriental Studies.

УДК 347.963

СВЯЖСКИЙ «СПРУТ»: ДЕЛО БАНДЫ ШАКУРА-КОНОКРАДА

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент АН РТ*

О деле Шакура Рахимова, о знаменитой шайке конокрадов из деревни Чутеево написано немало. Различные легенды, истории, вымыслы и домыслы сопровождают это дело. Писали отдельные участники этих событий, судебные журналисты. Есть и известная повесть писателя Евгения Сухова. За перо взялись даже совсем юные представители рода Шакура. Причем, у каждого из них своя правда.

Мне захотелось взглянуть на это дело с другой стороны – а какова роль в деле Шакура Рахимова представителей органов власти, в первую очередь, работников прокуратуры, милиции, судей, исполкомов? Действительно ли Шакур-карак охватил своими щупальцами корысти представителей различных ветвей власти, что и позволяло ему в течение продолжительного времени уходить от ответственности?

Дать однозначный ответ на этот вопрос очень трудно. Материалы следствия и суда носят противоречивый характер, не все моменты и нюансы выяснены с достаточной тщательностью и полнотой. Не всегда можно однозначно утверждать, что же имело место на самом деле: обычная халатность, беспечность, безграмотность, или же умышленное совершение действий в интересах шайки конокрадов из корыстных побуждений. Попробуем разобраться, исходя из имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов и документов.

До 14 августа 1920 года деревня Чутеево входила в Цивильский уезд Чувашской республики, а затем по национальному признаку была передана в состав Татарской республики. В Свяжском кантоне она вошла в состав Молькеевской волости. Слава деревни Чутеево как пристанища воров простиралась далеко. Как говорили отдельные свидетели, в Чутеях 500 дворов, и 500 воров. В чужих деревнях, в чужих краях чутеевцев даже не пускали на ночлег! – боялись, что они обворуют хозяев. Обычные чутеевцы, не имевшие отношения к банде Шакура, возмущались: «Почему на нас навечно повесили позорное имя воров?!».

Конокрадство в тот период являлось самым распространенным преступлением и считалось весьма опасным. Не случайно на заседании коллегии Наркомюста Татарской республики еще 8 декабря 1921 года председатель трибунала Бирюков даже предложил путем дачи разъяснения подвести конокрадство под вид бандитизма, соответственно усилив наказание, вплоть до расстрела. Другой член коллегии Масютин заявил, что конокрадство – это страшный бич для Татарской республики¹.

В июле 1925 года в ЦИК Татарской республики поступает обращение писателя Зарифа Башири о преступлениях шайки Шакура Рахимова

и покрывающих его ответственных работников. ЦИК образует специальную комиссию.

Писатель, журналист Зариф Башири (Зариф Шарафутдинович Башири) родился в деревни Чутеево в семье муллы. Долгое время работал в Средней Азии. Впоследствии, когда он работал в Уфе, в 1938 году был арестован и необоснованно репрессирован как враг народа.

Летом 1925 года Зариф Башири, работавший тогда редактором крестьянской газеты в Туркестане, приехал в родное село Чутеево, где проживал его брат, учитель. Учитель Баширов, слыша жалобы и разговоры о действиях шайки Шакура, говорил об этом председателю волисполкома. Но тот всегда отвечал: «Дайте факты!». Зариф Башири выслушал рассказы своего брата и других односельчан. Всю ночь они писали заявление, которое потом было передано в ЦИК.

Впоследствии Зариф Башири писал о своей большой роли в раскрытии шакуровской банды. Однако в результате проверки прокуратуры в 1932 году его притязания были отклонены². Официальная власть дала понять: это мы раскрыли банду!

29 июля 1925 года на заседании Президиума ОКК был заслушан вопрос о бандитизме в Свияжском кантоне. Совещание вел Палютин, участвовали представители ГПУ, НКВД, уголовного розыска и других органов. Сотрудник ГПУ Штахановский и сотрудник НКВД Айсин проинформировали, что банда Шакура действует в Свияжском кантоне с 1918 года, имеет связь с местными властями (волостной милицией, волостными исполкомами, сельсоветами, судебными органами). Несмотря на массовые грабежи, власть на местах мер не принимает, потому что они сами замешаны в этой шайке.

Президиум ОКК постановил – создать из представителей НКЮ, ГПУ и НКВД комиссию в составе Айсина, Штахановского и Дивеева (от НКЮ) с выездом на место для ведения следствия. Комиссии было предоставлено право использовать все имеющиеся по данному вопросу материалы и конспиративные силы, производить в необходимых случаях аресты.

1 августа 1925 года Штахановский и Айсин получают удостоверение об их командировании в Свияжский кантон для выяснения вопросов, связанных с бандитизмом. Всем парторганизациям предлагается оказывать им содействие.

Айсин являлся заместителем наркома внутренних дел ТАССР. В декабре 1925 года он исполнял обязанности наркома.

4 ноября 1925 года Айсин представил в Областной комитет РКП(б) докладную записку по Чутеевскому делу. В ней он пишет, что 12–14 июля 1925 года получил секретные агентурные сведения отдела уголовного розыска НКВД ТАССР о безнаказанных преступных действиях шайки конокрадов в составе 23–25 человек в Свияжском кантоне. Одновременно такие же сведения поступили в письмах в редакцию «Крестьянской газеты» ЦК РКП(б). О полученных сведениях Айсин сообщил в Татарский Областком РКП(б) и в Правительство ТАССР.

По распоряжению ОК Айсин вместе с заместителем начальника ТООГПУ Штахановским 17–18 июля 1925 года выехал в город Свияжск. Здесь они встретились с уполномоченным ТООГПУ по Свияжскому кантону – тот подтвердил реальность сведений о банде конокрадов. Далее Айсин и Штахановский сделали краткое информационное сообщение по существу вопроса на заседании бюро Свияжского канткома РКП(б) в узком составе. По возвращении в Казань они

доложили о результатах поездки на заседании Президиума ОКК – 23 июля 1925 года.

13 августа 1925 года комиссия выехала в Чутеевскую волость в сопровождении 15 вооруженных красноармейцев из батальона ТООГПУ, одного следователя и одного агента уголовного розыска.

Кстати, в докладной записке Айсин упоминает о помощнике прокурора по Свияжскому кантону Суондюкове, который направил председателю СНК Габидуллину телеграмму, в которой выразил «обиду» по поводу создания комиссии без его ведома и участия.

Комиссия прибыла в Чутеево в 12 часов ночи 13 августа 1925 года. Навстречу отряду попались двое членов шайки на двух подводах. Завязалась перестрелка, в результате была убита одна лошадь конокрадов, а на второй они скрылись. На рассвете отряд приступил к арестам и обыскам. Начались допросы. Узнав о прибытии отряда, председатель сельсовета скрылся. При обыске в его доме нашли воровские вещи и инструменты.

Айсин отмечает, что банда проводила политику «защиты интересов бедняков» – им за бесценнок продавали лошадей, предметы сельскохозяйственного обихода и т.д.

Характерно, что в деревне Чутеево не только взрослые, но и даже дети в возрасте 8-10 лет старались всеми силами и способами помешать работе комиссии, в частности, в обнаружении украденного, в задержании конокрадов.

Выявив в течение суток всю картину и добыв путем следствия весьма ценные материалы, комиссия вернулась в Казань.

Через 2–3 дня Дивеев и Штахановский снова выехали в Чутеево для ареста остальных конокрадов, скрывшихся при первой операции.

29 августа 1925 года Дивеев доложил на заседании ОК о результатах работы комиссии.

Кроме этого, Айсин составил отдельную докладную записку «Конокрады и борьба с ними в ТССР», которая представляет собой очерк деятельности органов милиции и уголовного розыска по борьбе с конокрадством («Чутеевщина», «Бугульминское дело» и другие).

Одну из причин длительного нераскрытия преступлений банды Шакурова Айсин видел в том, что она большую часть своих преступлений совершала за пределами Молькеевской волости, часто – за пределами Свияжского кантона и даже ТССР.

Во второй докладной записке Айсин говорит о получении сведений о банде Шакурова от осведомителей из числа крестьян деревни Чутеево еще в конце сентября 1924 года. В конце февраля 1925 года в Свияжский кантон были направлены 2 секретных сотрудника уголовного розыска. После двух недель работы на месте были арестованы 8 бандитов во главе с Шакуровым. Они были доставлены в Татарский отдел уголовного розыска и после предварительного краткого дознания направлены в следственную часть Главсуда ТАССР. Далее бандитов передали в распоряжение помощника прокурора по Свияжскому кантону. И через 2–3 месяца бандиты оказались на свободе. Мотивы освобождения бандитов были не ясны для сотрудников ОУР, и они продолжали работу³.

На основе материалов ОКК постановлением ЦКК было решено провести проверку всех партийных ячеек Свияжской кантонной партийной организации. Руководил проверкой член ЦКК Новиков, который являлся и председателем комиссии по проверке и расследованию дела конокрадов –

шакуровщины. Проверка партячек было завершена в июне 1925 года. В справке отмечается, что по уголовному делу всего привлечено до 70 человек, в том числе до 20 должностных лиц. Комиссия устраивала собрания граждан в 6 волостях, присутствовала на 3 беспартийных крестьянских конференциях. В сентябре-октябре 1925 года проводилось обследование Свяжской партийной организации Областным комитетом партии. На заседании бюро канткома был заслушан доклад «О состоянии судебно-следственного аппарата».

Начинаются процедуры снятия с работы, исключения из партии, аресты ответственных работников. В частности, 8 сентября 1925 года был арестован нарсудья II участка Сабир Бикмурзин, член партии с 1919 года.

9 сентября 1925 года решением бюро областкома РКП(б) председатель исполкома Бикчентаев отзывается из Свяжска в распоряжение ОК.

2 октября 1925 года бюро Свяжского канткома ВКП(б) ходатайствует перед областкомом об отзыве помощника прокурора Суяндюкова – ввиду его душевной болезни!

22 октября 1925 года бюро ОК дает согласие на снятие с работы помощника прокурора Низамутдинова.

На заседании бюро Свяжского канткома ВКП(б) 27 октября 1925 года по докладу Уполномоченного ОКК народный следователь Ишимов исключается из партии.

23 сентября 1925 года на заседании бюро Областкома РКП(б) заслушивается сообщение ОКК (Бажанов) о положении дел в Свяжском кантоне. Бажанов говорит о несомненной поддержке со стороны местных органов сильно развившегося бандитизма и конокрадства в Свяжском кантоне, отмечает, что отдельные представители советских органов входят в компанию с бандитами и делят добытое. В

этой связи докладчик предлагает обновить актив района.

Бюро решает создать партийную комиссию в составе Бажанова, Дивеева, Кадушина для наблюдения за производством следствия и выработки мероприятий по оздоровлению советского аппарата в Свяжском кантоне⁴.

В сентябре 1925 года в Свяжск направляется член областной контрольной комиссии Нигаметзянов. Впоследствии он избирается заместителем председателя кантисполкома и заведует земельным отделом, затем по совместительству становится уполномоченным ОКК по Свяжскому кантону.

В сентябре 1925 года чрезвычайный съезд Молькеевской волости, рассмотрев вопрос о перевыборах волисполкома, принимает резолюцию: «Прочь с дороги конокрадство! Снести с лица земли конокрадов!...».

В связи с раскрытием шакуровской банды в Свяжском кантоне проводилась массовая замена руководящего состава. К началу 1926 года состав кантисполкома заменили на 100%, состав волисполкомов — на 90%, а сельсоветов – на 60%.

18 октября 1925 года Осман Дивеев в газете «Красная Татария» опубликовал статью «Что было в Свяжском кантоне». То, что случилось в Свяжском кантоне, он назвал «старым гнойником на теле Татарской республики». Осман Дивеев, на тот момент заместитель наркома юстиции, заместитель прокурора Татарской республики, дает общую характеристику дела, рассказывает о совершенных бандой Ш.Рахимова преступлениях, называет пособников и покровителей банды из числа работников милиции, суда, прокуратуры, исполкомов. По данным Дивеева, на тот момент были арестованы 18 чутеевцев – воров-конокрадов и 12 должностных лиц. Перечислим последних:

Председатель сельсовета деревни Чутеево Ярханов.

Председатель Молькеевского волостного исполкома Тюльматов.

Начальник Молькеевской волостной милиции Ахтямов.

Бывший делопроизводитель Молькеевской волостной милиции Федоров.

Бывшие милиционеры Онисько и Булатов.

Бывший начальник 3-го района милиции Сайдашев.

Бывший делопроизводитель военного стола Молькеевской волости Иванов.

Бывший начальник Кушманской волостной милиции Гатауллин.

Бывший народный следователь 2-го участка Свияжского кантона Ишимов.

Бывший нарсудья 2-го участка Свияжского кантона Бикмурзин.

Бывший начальник кантонной милиции Сагеев.

Таким образом, под следствие попали 7 работников милиции. В числе обвиняемых впоследствии оказались и председатель Свияжского кантисполкома Бикчантаев (ранее – председатель Заинского исполкома), секретарь сельсовета Чутеево Амиров.

Как следует из материалов уголовного дела, Осман Дивеев принимал активное участие в расследовании уголовного дела по банде Шакура Рахимова. Он участвовал в допросах, выполняя при необходимости и обязанности переводчика. К примеру, в ходе судебного процесса была допрошена жена одного из обвиняемых, которая в ходе следствия давала показания не в пользу своего мужа. Защита в суде утверждала, что она плохо знает татарский язык, не все понимала, и говорила совсем не то, что записал следователь. Суд вызвал Османа Дивеева – тот пояснил, что он присутствовал на допросе во время следствия, при

этом переводил показания женщины, и все в протоколе следователем было записано верно.

На экстренном заседании бюро Свияжского канткома ВКП(б) 21 ноября 1925 года представитель ЦКК Новиков сделал информацию о работе комиссии по обследованию советско-партийного аппарата Свияжского кантона в связи с раскрытием шакуровщины. Он говорил о задачах партийной организации по искоренению последствий шакуровщины, созданию среди крестьянской массы здорового настроения по отношению к советско-партийному аппарату.

Председатель КИК Порфирьев в своем выступлении отметил, что крестьянство радуется, что нашлись люди, которые раскрыли преступления шайки Шакура.

По словам Ермина, начальника уголовного розыска Свияжского кантона, чутеевский бандитизм существовал 8 лет, и об этом все знали. Бандитов арестовывали, но часто Казань их освобождала. К раскрытию шакуровщины крестьянство относится хорошо.

Павлов поделился своими наблюдениями о жителях Молькеевской волости – оказывается, они уже привыкли угощать и давать взятку каждому приезжему с портфелем, если он окажется начальником.

Пищулина отметила, что в связи с шакуровщиной в волостях также практиковалась и кража женщин.

По словам Денисова, население с большим недовольством относилось к судебно-следственным органам, так как с ними без взятки нельзя было иметь дело⁵.

19 ноября 1925 года на общем собрании граждан в одном из сел Молькеевской волости уполномоченный от волисполкома Жирков, говоря о политическом состоянии волости, заявил, что до 50% населения волости – пре-

ступники! Особенно это относилось к деревням Чутеево и Ст. Тябердино. Эту же цифру называли докладчики на общих собраниях граждан и в других деревнях. Представляете масштаб, уровень преступности в отдельно взятом месте!

17 декабря 1925 года бюро Свяжского канткома ВКП(б) заслушивает доклад Носкова о работе прокурорского надзора по кантону. Носков только что приступил к работе. Он указал на ненормальные залежи дел в судах и следственных участках. Причиной слабой работы судебно-следственных органов являлась главным образом юридическая неграмотность работников. Помощнику прокурору поручили увеличить пропускную способность судебно-следственного аппарата.

10 февраля 1926 года бюро рассматривает вопрос о судебно-следственных органах кантона и приходит к выводу, что НКЮ и Главсуд продолжают направлять в кантон совершенно негодных и неспособных работников. Перечисляются фамилии судей, следователей, не соответствующих своей должности.

25 февраля 1926 года бюро обсуждает вопрос о работе кантонной советской милиции. Основной смысл доклада: «Милиция не спала, что-то делала. Но очень мало»⁶.

Во время перевыборов сельсоветов и волисполкомов в Свяжском кантоне в начале 1926 года крестьяне говорили о бездеятельности прежней власти, отдельные представители которой имели связь с шакуровщиной.

На заседании XII Свяжской кантонной партийной организации 25–26 мая 1926 года один из выступавших – Павлов заметил, что «шакуровщина не изолирована, свободное отношение шайки с внешним миром, население разуверяется, что будет суд». Он говорил, что ожидается судебный процесс,

но население боится и не верит, что «шакуровщина» будет наказана.

В архивных документах мы читаем, что в ликвидации шакуровщины проявил себя как активный работник беспартийный крестьянин Нугуманов из деревни Чутеево. Уполномоченный ОКК Нигаметзянов даже предлагал выдвинуть Нугуманова на должность заместителя заведующего кантземотдела. Нугуманов был избран членом Свяжского кантисполкома. Он, в частности, обращался с письмом по поводу побега трех членов банды Шакура, указывая на недовольство крестьян по этому случаю⁷. По имеющимся данным, раскрытию и поимке шакуровской банды способствовал и селькор Галиулла Талыпов.

В отдельных публикациях (И.Шакуровой, в частности) утверждается, что в уголовном деле Ш.Рахимова и его банды нет ни одного признания, ни одного настоящего свидетеля, все отчеты и письма Зарифа Баширова были искажением действительности, и дело рассыпалось в мелкую мозаику... И вообще в ходе следствия не удалось раскрыть ни одного действительно серьезного преступления, совершенного бандой Ш.Рахимова. А убийство Даминова, единственное убийство в деревне за все годы, носило вообще не политический, а личный характер. З.Башири собрал все слухи негативного характера.

Полагаю, что дело обстояло вовсе не так. Следствие и суд для того времени были проведены достаточно тщательно и основательно. Возможно, есть сомнения, вопросы в отдельных деталях, эпизодах и т.д. Но в целом картина преступлений раскрыта с достаточной полнотой. Да и доказательств было предоставлено достаточно, и причем весьма убедительных, неопровержимых.

Шайка Шакура Рахимова, кроме конокрадства, занималась ограблени-

ями различных учреждений (сельские кооперативы, больницы, небольшие заводы, фабрики и т.д.). Преступления совершались в Татарской республике, а также Ульяновской, Нижегородской, Московской губерниях, Чувашской республике.

В ночь с 6 на 7 сентября 1920 года из кооператива в селе Клянчино Свияжского кантона путем пролома пола лавки была похищена мануфактура и нитки. Под полом нашли кошелек с деньгами, личную карточку и еще некоторые другие документы на имя Шакурова Сабира, сына главаря. В домах бандитов впоследствии нашли валенки фабричного изготовления – точно такие же были украдены из кооператива села Клянчино. Это ли не веские доказательства?

Обнаружив документы Сабира Шакурова, начальник милиции Свияжского кантона дает телеграмму начальнику 2-го района Малютину – организовать погоню. Милиция идет по следу, приходит в дом Шакура Рахимова, устраивает обыск. Однако ничего не было найдено, все участники преступления скрылись. Начальник милиции Малютин забирает у Шакура Рахимова лошадь и ставит условие: привези сына в район, тогда вернем лошадь. Но что для Шакура одна лошадь? Он не выполняет требование и даже не требует вернуть лошадь.

В суде Сабир Шакуров утверждал, что в ночь с 6 на 7 сентября 1920 года он не участвовал в преступлении, его ограбили в пути, забрали и документы. Он якобы подал заявление о совершенном ограблении в уголовный розыск и был допрошен в Тюмерской волости и в Цивильске, однако это не подтвердилось – заявление С.Шакурова об ограблении не поступало.

По случаю утери документов Сабир Шакуров обратился в сельсовет деревни Кичкеево и получил у его

председателя Моисеева соответствующее удостоверение. Правда, в суде Моисеев утверждал, что никакого удостоверения Сабиру Шакурову он не давал, хотя ему предъявили это удостоверение с его личной подписью и печатью.

Обратимся к эпизоду с похищением 14 декабря 1924 года хмеля из амбара крестьянина Никитина в поселке Урмары Чувашской республики. 32 пуда похищенного хмеля преступники продали чувашам Павлову и Дмитриеву. Милиция вскоре арестовала их. На суде Павлов и Дмитриев указали на члена шайки Насретдина Замалетдинова как на лицо, у которого они купили хмель.

В ночь с 19 на 20 декабря 1923 года из кладовых больницы в селе Ногаткино Ульяновской области было похищено белье. Преступники также похитили и кружки, на дне которых с наружной стороны стояли буквы «ОМС». Точно такие же кружки были найдены впоследствии у четырех членов банды. Очень важные и веские улики.

В ночь ограбления Ногаткинской больницы преступники попутно увели двух лошадей у крестьянина села Ногаткино – Жмырова. У одной из лошадей на задней правой ляжке было тавро с буквами П.Д.Е.

Когда по этому делу проводили обыски, то у жителя деревни Чутеево Мирзы Хасанова обнаружили эту лошадь – с буквами П.Д.Е. По словам Хасанова, лошадь он купил у Шакура Рахимова. Потерпевший Жмыров категорически и уверенно опознал свою лошадь. Какие еще нужны доказательства?..

Убийство комсомольца Даминова, избивание его матери Даминовой, повлекшее преждевременные роды и последующую смерть ребенка, нанесение серьезных увечий мужу Даминовой – факты были налицо, и оспаривать

их не было оснований. Можно было лишь спорить о мотивах, степени участия каждого и т.д.

На следствии и в суде выявились многочисленные нарушения правил конского учета. Когда в Чутеево проводился учет лошадей, то устраивалась грандиозная пьянка с угощениями и подношениями. В результате «конское начальство» перепилось и узаконило всех лошадей в деревне, в том числе и краденых. Дальше уже можно было смело считать краденую лошадь своей – ведь она благополучно прошла конский учет. Не случайно в числе пособников и покровителей шайки оказались заведующий военноконским участком Воронцов, секретарь Арапов, деловод военного стола Иванов.

Были и другие доказательства неоднократных случаев совершения бандой конокрадства. К примеру, прокурор в суде насчитал не менее 7 эпизодов продажи краденых лошадей Гарифом Мазитовым.

В ходе следствия проводились экспертизы по определению подлинности учетно-конских удостоверений. Оказалось, что 25 таких удостоверений были подделаны Мирзой Рахимовым.

Когда осенью 1925 года у жителей деревни Чутеево собрали учетно-конские карточки, то треть их оказалась вовсе не зарегистрированной в учетно-конском участке исполкома Молькеевского волостного исполкома.

При облаве в Чутеево задержали четырех лошадей без документов, одну из них у Сабира Шакурова.

Основным свидетелем на стороне обвинения выступал обвиняемый Мирза Хасанов. Он подробно и детально рассказывал об обстоятельствах совершенных бандой Шакурова преступлений. По отдельным эпизодам его показания практически являлись единственным доказательством – ведь

не было ни похищенного, ни других показаний. Но нюансы, нити, которые все равно вели к банде Шакурова, все же были. К примеру, в ночь с 30 на 31 октября 1924 года был ограблен кооператив в Подольском уезде Московской губернии. Маленькая деталь – в 1922 году на бумажной фабрике недалеко от пострадавшего кооператива служил один из членов банды, который впоследствии выступил наводчиком.

В ответ на откровенные показания Хасанова, Шакур Рахимов в суде называет его не только «дураком», но и даже «контрреволюционером».

Хасанов во время судебного заседания находился на свободе. В этой связи защитник Бельский заявил ходатайство о заключении его под стражу. В ответ государственный обвинитель Рогинский назвал это ходатайство адвоката неслыханным в судебной практике и противоречащим судебной этике. Рогинский высказался категорически против даже постановки этого вопроса на обсуждение суда. В итоге ходатайство Бельского было отклонено.

Можно ли было раньше раскрыть преступления шайки Шакура Рахимова, пресечь ее деятельность? Да, такая возможность была, и такие попытки предпринимались. Но благодаря действиям отдельных представителей «Свяжского спрута» преступникам удавалось избежать ответственности. В материалах уголовного дела имеются некоторые сведения об этих фактах. Но полной информации об этом нет, потому что почти во всех случаях материалы уголовных дел благополучно исчезали.

Еще в 1921 году начальник Свяжского Политбюро Смирнов провел обыск у помощника кантонного военкома Сундырского – по подозрению в связи с бандой, в снабжении банды бланками конского учета. В рапорте Смирнова отмечено, что бандиты ук-

рали и продали 41 лошадь. 11 октября 1921 года Политбюро приступило к ликвидации банды. При обыске у Сундырского нашли чистые бланки конских карточек. Военкома поместили под домашний арест, но доказать связь с бандитами не смогли. Возмущенный Сундырский, считая подозрения необоснованными, заявил о выходе из партии и направил партбилет в кантком РКП(б). Ликвидировать банду тогда не удалось, и она понесла лишь легкие потери⁸.

На эти обстоятельства впоследствии указывал и Бикчентаев, председатель Свяжского кантисполкома. В заявлении в Областную контрольную комиссию от 22 октября 1925 года он утверждал, что принимал все меры к поимке конокрадов. В частности, в 1921 году, когда Бикчентаев был начальником Свяжской кантонной милиции, он и начальник Политбюро по Свяжскому кантону Смирнов дважды арестовывали членов чутеевской шайки во главе с Шакуровым и направляли их в Казань, но по неизвестным причинам те каждый раз освобождались.

2 марта 1923 года Бикчентаев стал председателем Свяжского кантисполкома. По его инициативе члены шайки Шакурова неоднократно арестовывались и направлялись в Казань, но впоследствии неизменно освобождались. В последний раз шайка была арестована в феврале-марте 1925 года, направлена в Казань, но их снова освободили.

Бикчентаев в заявлении указал, что чутеевских конокрадов в последний раз освободил новый помощник прокурора по Свяжскому кантону Суюндюков. До него помощником прокурора был Каримов, который также выступал за освобождение конокрадов, и освободил преступника Тарасова, который потом скрылся. Данное заявление Бикчентаева подтверждали

Смирнов, Ермин и Тычкин. Оговоримся, что это версия обвиняемого Бикчентаева.

Летом 1923 года в Чутеево приезжает начальник милиции Цивильского уезда Ермилов – чтобы задержать местного конокрада Гисмея Тухватуллина. Ермилов был в сопровождении крестьян одной из деревень, у которых похитили лошадей. Однако толпа, в основном состоявшая из членов шайки, окружила приехавших, в адрес милиционеров посыпались угрозы, и они были вынуждены уехать ни с чем.

Ермилов пишет заявление об оказанном милиционерам сопротивлении. Оно попадает к народному следователю Ишимову. Следователь приходит к выводу, что Ермилов выпил самогона и вел себя по отношению к конокрадам грубо. Ишимов не допрашивает никого – ни милиционеров, ни сопротивлявшихся, и направляет дело в Цивильский уезд – для привлечения к ответственности начальника милиции Ермилова. Хотя по закону расследование должно было проводиться по месту случившегося, то есть в Свяжском кантоне.

Когда дело из Цивильского уезда возвращается обратно, оно снова попадает к Ишимову. А время-то идет, острота момента спадает. И народный следователь придумывает новый ход – направляет дело в суд с предложением о его прекращении. Умелые бюрократические приемы привели к волюнтаризму и прекращению дела.

Ишимов в суде объяснял, что совершил ошибку, что он не мог допросить все Чутеево. По словам Ишимова, он вел следствие «смешанно» – и о конокрадах, и о бездействии властей.

Ишимова также обвиняли в том, что он не возбудил уголовное дело на члена шайки Гарифа Мазитова по факту продажи им краденой лошади. Исходя из показаний Мазитова, Иши-

мов возбудил уголовное дело на ... умершего гражданина.

В марте 1925 года Ишимову передают секретный пакет с материалами об укрывателях конокрадов, бежавших после облавы в Чутеево. Пакет попадает в число ненужных бумаг, дело никуда не идет. В суде Ишимов пытался убедить прокурора и суд в том, что он получил «анонимку» и изложенные в ней факты не подтвердились.

Свидетель Румянцева в суде показала, что в 1923 году Ишимов хвастался, что Шакур Рахимов подарил ему серебряный самовар. Когда ему не поверили, он вытащил из мешка самовар и показал его.

Шакур Рахимов на вопрос ответил, что он знал отца Ишимова и продавал ему пятистенную избу. Сам Ишимов в суде все факты отрицал.

Прокурор Чувашской республики в свое время направил председателю Свяжского кантисполкома Бикчентаеву специальное письмо о чутеевских конокрадах, о необходимости принятия мер к их поимке. По материалам судебного заседания видно, что данное письмо, в конечном счете, попало к помощнику прокурора Низамутдинову. На вопрос прокурора, почему по данному письму не были приняты меры, Низамутдинов ответил, что он был «страшно перегружен другими делами». «Очевидно, более важными», – иронически замечает прокурор.

Летом 1922 года Бикчентаев арестовал трех крестьян села Б.Кушман, которые жаловались на злоупотребления и хищения в семенной тройке при выдаче семенных ссуд. Жалобы крестьян Бикчентаев приравнивал к контрреволюции, взял с них подписку, что они никуда не поедут с жалобами. Тем не менее, жалобы крестьян о хищениях в семенной тройке дошли до Казани. В результате со специальным

заданием из Казани направили следователя Николича.

На месте Николич убедился в наличии злоупотреблений и хищений, и арестовал весь состав Кушманской семенной тройки. Следствие получило и данные о причастности к семенным злоупотреблениям Ишимова, Низамутдинова и Шафигуллы Гатауллина, тогда заместителя председателя Свяжского кантисполкома. Николич арестовал Ишимова, и тот просидел три дня. Были получены и сведения о передаче Гатауллину взятки в виде лошади. У него даже был проведен обыск.

Николич ночевал у судьи Иксанова. Вот туда ночью и нагрянул Гатауллин, обеспокоенный активными действиями следователя. В результате Николич сам был арестован. В аресте принимали участие: Гатауллин, вооруженный наганом, председатель сельсовета Валиуллин, вооруженный винтовкой. Гатауллин забрал у Николича следственный материал. Дело было небольшое, содержало отдельные протоколы допросов гражданина села Б. Кушмана и письма-записки на татарском языке. Николича отвели в караулку и под конвоем отправили в Свяжский арестный дом. Когда Николича вели на конец деревни в караулку, он уже думал, что его расстреляют.

На следующий день Гатауллин и Иксанов поехали в Свяжск – по пути заезжали к Ишимову, пили чай. На квартире у Ишимова был и Низамутдинов. При этом Ишимов говорил, что если Низамутдинова назначат уполномоченным НКЮ, то он, Ишимов, доставит его на своих лошадях в Свяжск.

В этой истории много непонятного и невыясненного. К примеру, Гатауллин в суде утверждал, что арестовал Николича на основании официальной бумаги, которую получил от уполномоченного НКЮ Жиркова. Якобы

Николич допустил явно незаконные действия (арестовал Ишимова и т.д.). Жирков эти сведения отрицал, утверждая о полной законности действий Николича. Гатауллин говорил, что дело семенной тройки передал Жиркову, последний это отрицал.

Но главное – злополучное дело, материалы которого собрал следователь Николич, оно исчезло бесследно. Николич усилиями Жиркова был освобожден. Вскоре после этого эпизода происходят и кадровые перестановки. Николичу пришлось уйти со службы. Жиркова снимают с должности, и на его место назначают Низамутдинова. Жирков за подписью трех ответственных работников Свияжска отправляет в Казань телеграмму – что нельзя назначать Низамутдинова на такой ответственный пост. Но эта телеграмма была перехвачена, до Казани не дошла, а оказалась в руках самого Низамутдинова.

Самого Шакура Рахимова несколько раз задерживали, и он сидел под стражей в Чебоксарах, Свияжске, Казани. Но каждый раз благополучно выходил на свободу, так как никто против него показаний не давал.

Как мы обычно говорим в таких случаях: для того, чтобы ликвидировать банду Ш. Рахимова, до поры до времени просто не было политической воли. На банду не обращали серьезного внимания. Но любое дело доходит до своей крайней точки. К сожалению, во многих подобных случаях лишь толчок с самых верхов к решительным действиям дает результат. Да и сегодня мы часто наблюдаем такую же картину...

На заседании комиссии ОКК по проверке Свияжской партийной организации 10 февраля 1926 года (в составе – Новиков, Чирков) принимается решение: исключить из рядов ВКП(б) нарсудью 3 участка Свияжского кантона Сабира Бикмурзина – за

соучастие в преступлениях (прекращение и незаконное решение ряда дел на конокрадов, получение от конокрадов взяток лошадьми и т.д.).

В этот же день исключается из партии начальник Свияжской, а потом Лаишевской кантонной милиции Ярулла Ахматович Габидуллин (пьянство, общение, соучастие с конокрадами, непринятие мер против бесчинства конокрадов, убивших сына Даминовой, причинивших увечья Даминовой, Даминову). Указано, что Габидуллин от следствия скрывается.

В другом решении проверочной комиссии на Иксанова Акмалютдина Шарафутдиновича (кандидат в члены ВКП(б), судья) указано, что он является соучастником Низамутдинова и Гатауллина, допустившего уничтожение уголовного дела, в силу чего ряд преступлений должностных лиц остался необнаруженным и ненаказанным. Из этого решения следует, что Иксанов, будучи народным судьей, совместно с бывшим заместителем председателя кантисполкома Гатауллиным уничтожил уголовное дело по обвинению соучастников конокрадов Ишимова, Низамутдинова и других.

Также 10 февраля 1926 года из партии исключается бывший начальник Свияжской кантонной милиции Ганней Сабирович Сагеев, член партии с 1917 года – за соучастие и связь с конокрадами Шакуром Рахимовым, Мазитовым, за совместное с ними пьянство, получение от конокрадов лошадей.

Кандидат в члены ВКП(б) народный следователь 2 участка Свияжского кантона Ишимов исключается из партии за общение и связь с конокрадами, получение от них взяток, за задержку дел на конокрадов и прочее.

Председатель сельсовета, кандидат в члены ВКП(б) Ярханов исключается из партии за пьянство с конокрадами, непринятие мер к выявлению конок-

радов, ряд других должностных преступлений, непринятие мер к убийцам Даминова.

Более подробно описано в протоколе заседания комиссии дело Гилямотдина Низамутдинова (член ВКП(б), родился в 1895 году, происхождение – из крестьян Свияжского кантона, служащий, последнее место работы – помощник прокурора по Свияжскому кантону). Обвинялся в пьянстве и общении с ворами-конокрадами Шакуром Рахимовым, Гарифом Мазитовым, Асатом и Адятом Зайнуллиными из села Кушман в бытность судьей и помощником прокурора по Свияжскому кантону, получение взятки от Шакура, получение взятки от гражданина Барамышникова, в силу чего шайка конокрадов работала совершенно безнаказанно. Низамутдинова также обвинили в хозяйственно-кулаческом обрастании, что выразилось в кабальном приобретении в 1921 году двух домов, а также в сокрытии преступлений семенной тройки деревни Кушман, незаконном преследовании и аресте граждан деревни Кушман Шарафутдинова, Гафиуллина и других.

Комиссия ОКК исключила Низамутдинова из партии, добавив в резолютивную часть новые обвинения: «незаконные аресты жалобщиков, хозяйственно-кулаческий уклон, другие некоммунистические поступки».

В протоколе комиссии на бывшего председателя Свияжского кантисполкома Шафигуллу Гатауллина, кроме общих обвинений, выделим обвинения в уничтожении в личных целях следственного материала, в незаконном аресте следователя Николича.

Удивляет, как такой человек занимал должность председателя кантисполкома, если он:

- был судим военным трибуналом за укрывательство дезертиров;

- исключался из партии за ряд некоммунистических поступков;

- во время сбора налога ранил совершенно невинного человека и тот остался инвалидом;

- заключал сделки на землю со своим отцом в личных целях и т.д.

Бикчентаев Хайрутдин, 1894 года рождения, начальник Свияжской кантмилиции (1921–1923 гг.), председатель Свияжского кантисполкома (1923–1925 гг.), был исключен из партии за систематическое пьянство, общение с бандитами-конокрадами, пьянство с низами, противопоставление советского аппарата партии.

В ходе проверок чиновников наказывали за малейшую связь с конокрадами. Бывшего секретаря ячейки Молькеевской волости Хикмата Самяткина исключили из партии за то, что он пьянствовал с конокрадами, разъезжал с ними на лошади, получил лошадь от Гарифа Мазитова и даже женился на дочери конокрада! На общем собрании граждан в селе Молькеево народ высказал и подтвердил все эти обвинения в адрес Самяткина⁹.

Преступления большинства должностных лиц, работников различных органов государственной власти заключались в том, что они были в дружбе с главарем, членами шайки, вместе с ними гуляли и пьянствовали, закрывали глаза на происходящее. Но были и более конкретные преступные действия.

Например, председатель сельсовета Ярханов, кроме этого, обвинялся в том, что не выполнял правила по учету лошадей, давал заведомо ложные справки о нахождении Мазитова в бегах, когда тот не скрывался, а жил в деревне.

Одна из похищенных лошадей оказалась у отца секретаря сельсовета Амирова. Потерпевший Николаев со своим сыном и милиционером приехали искать лошадь в Чутеево. Они попытались было осмотреть хозяйство отца Амирова, но тот их не пустил.

Потерпевший продолжал шуметь, и Амиров через месяц сообщил ему: мол, лошадь твоя нашлась, забирай. Правда, за «прокорм» лошади Амиров содрал с потерпевшего 30 рублей денег! Кроме этого, по отдельным свидетельствам, для Амирова члены банды собрали деньги и купили ему лошадь. Амирова также обвиняли в получении пальто от Шакура Рахимова. Это основывалось на показаниях жены Шакура.

Когда в 1922 году украли лошадь у отца начальника милиции Сагеева, тот бросился на поиски в Чутеево, но свою лошадь здесь не нашел. Сагеев тогда провел в деревне облаву и задержал четырех краденых лошадей. Одну лошадь он вернул за 30 рублей, вторую отпустил. Одну краденую лошадь Сагеев просто забрал как свою.

Сагеев имел богатое революционное прошлое. До революции сидел в тюрьмах за политические убеждения, затем был рабочим. Активно участвовал в борьбе с контрреволюцией, во время восстания татарского запасного полка он в бою против восставших получил 10 ран и повреждение черепа.

Лошадь получил и председатель Молькеевского волисполкома Тюльматов. Его потом обвинили в неприятии мер по проверке учетных конских карточек шакуровцев.

Одна краденая лошадь, ранее принадлежавшая крестьянину Романову, впоследствии оказалась у начальника милиции 3 участка Свяжского кантона Сайдашева. Когда потерпевший явился и потребовал свою лошадь, Сайдашев и начальник кантмилиции Сагеев прогнали его.

Уровень взяток того периода был, конечно же, мелок, и соответствовал экономической ситуации. В показаниях мы слышим о лошадях, самоваре, пальто, продуктах, тканях и т.д.

Ишимов Мухамед, народный следователь, играл в преступлениях

шайки важную роль. Судебный корреспондент рисует его как скромного и застенчивого человека. В обвинительном заключении перечислены 9 эпизодов преступной деятельности Ишимова. Он прекращал дела на конокрадов, либо волокитил их, необоснованно направляя в другие органы.

Ишимова, в частности, обвиняли в том, что он уничтожил поступившее к нему дело о шакуровцах, уничтожил протокол о разделе краденной мануфактуры.

От секретаря сельсовета Ишимов узнал о нахождении у Адеева мануфактуры, похищенной членом шайки Алимовым. При обыске у Адеева обнаружили и изъяли 600 аршинов мануфактуры. Но дела не появилось. Новые воры просто разделили ворованное – в дележке участвовал и секретарь сельсовета Ярханов, милиционер Молькеевской волости Рахим Булатов. Перепало даже понятому – караульщику Сафи Козлову. Адеев с экспроприацией согласился. Именно эту мануфактуру впоследствии нашли при обыске на чердаке у председателя сельсовета Ярханова.

По поводу обыска у Адеева никакой протокол не составлялся. Милиционер Рахим Булатов на вопрос прокурора Рогинского о причинах этого ответил: «не хотел заводить бумажной волокиты».

Что же сделал Ишимов в отношении Адеева? Он продержал его одну ночь в канцелярии. Затем Ишимов допросил Булатова и, в частности, задал ему такой любопытный вопрос: «Почему вы не оставили мне долю?» Булатов ответил: «Твоя доля не пропадет». Вот такие были нравы, такие порядки.

Судью 2 участка Свяжского кантона Сабира Бикмурзина, кроме обвинений общего характера (пьянство с конокрадами и т.д.), обвиняли и в вынесении судебных решений в

пользу членов шайки. В частности, он рассматривал уголовное дело на чутеевских конокрадов Тухватуллина и Салахутдинова (кличка Корсак) по ч. 2 ст. 181 УК РСФСР (покупка заведомо краденого в виде промысла с целью сбыта). Улики были налицо, и Бикмурзин признал подсудимых виновными. Но применил к ним амнистию в честь образования Татарской республики и от наказания освободил. Свое решение судья Бикмурзин обосновал тем, что Тухватуллин «погорел» (то есть у него сгорел дом), а Салахутдинов является многодетным. И самое интересное: судья в решении указал, что заведомо краденая лошадь подлежит возврату – но не потерпевшим, а подсудимым.

На самом деле лошадей вернули только на бумаге, фактически они остались у судьи Бикмурзина. Свидетели по делу показали, что Бикмурзин выезжал на этих краденых лошадях, а одну даже выставил на скачках на сабантуе!

В суде государственный обвинитель Рогинский доказал Бикмурзину, что тот неправильно применил положения закона по указанному делу, и что нельзя было возвращать конокрадам лошадей. Бикмурзин в ответ наивно вопрошал: «Лошадей куда было девать?»

Куда? В конце концов, судья мог вернуть лошадей их хозяевам, истинным потерпевшим или, на крайний случай, передать государству. Но он этого не сделал.

Еще один штрих к портрету судьи. Однажды милиционер Филиппов увидел в суде конокрада Амирханова и весьма удивился: тот находился в розыске! Милиционер побежал к судье Бикмурзину с предложением о немедленном задержании разыскиваемого. Судья отмахнулся от милиционера: «Охота тебе заниматься бумажной волокитой. Пускай его гуляет...».

Кстати, незадолго до чрезвычайных событий, в апреле 1925 года Рабоче-крестьянская инспекция Татарской республики проверяла работу судьи Бикмурзина и признала ее вполне удовлетворительной. Тогда РКИ в целом проводила проверку всех работников наркомата и прокуратуры в Свяжском кантоне. Каких-либо серьезных замечаний в их адрес высказано не было¹⁰.

Милиционер Онисько в апреле 1924 года задержал члена шакуровской шайки Афлятунова. Его лошадь оказалась Онисько похожей на краденую. Милиционер задержал подвод, в которой было разное имущество, а также лежал наган. Афлятунов убежал, Онисько с его подводой заночевал в ближайшей деревне. Ночью Афлятунов явился к Онисько и уговорил – тот вернул лошадь, подводу и все имущество, за исключением нагана и куска мыла, отданного возчику.

Онисько о случившемся никому не сообщил. Но его начальник Гайфуллин об этом все же узнал и вместе с Онисько поехал в Чутеево для дознания. Обыска при этом не проводилось. Чей был наган, так и не удалось доказать. Вещей уже не было. Поэтому по данному факту уже невозможно было установить истину.

По состоянию на 1 октября 1925 года в Свяжской кантонной милиции числились 59 человек. При этом 3 начальника волостной милиции оказались членами шакуровской шайки.

Бывший начальник Свяжской кантонной милиции Габидуллин обвинялся в том, что осенью 1924 года он получил от Сабира Шакурова 30 рублей под видом уплаты за прокорм задержанной у него лошади. Габидуллин исключил эту лошадь из списка угнанных лошадей, находящихся в розыске.

В декабре 1924 года избитая Даминова написала заявление на имя

помощника прокурора Свяжского кантона. Ее сын Даминов (Тимиршин) не знал, кому и как передать заявление. В итоге он передал заявление начальнику милиции Габидуллину. В заявлении Даминовой речь шла о незаконных действиях Ахтямова и Яرخанова. Но заявление никуда не пошло, а просто пропало.

Начальника милиции Габидуллина также обвиняли в том, что он получил 150 рублей от братьев Газетдиновых за уничтожение заявления Даминовой. Получение денег напрямую не доказывается, но факт утери заявления был налицо.

По уголовному делу достоверно был установлен факт передачи отреза шелка жене помощника прокурора Свяжского кантона Низамутдинова. Тогда зять Шакура Рахимов (Вафа Садыков) приехал на казанский базар и здесь его задержали с краденой лошастью. Задержанного потом отправили в Свяжск, где он и находился под арестом. Узнав о случившемся, Шакур Рахимов поехал в Свяжск на квартиру Низамутдинова и передал сверток с шелком его супруге Фатыме. В этот же день зять Шакура был освобожден. Низамутдинов в суде все эти факты признавал, хотя и не соглашался, что он освободил Садыкова именно за полученный женой шелк. Таким образом, в этом случае имела место классическая взятка.

О собственном зяте Шакуров в суде выразился так: «Ума у него немножко легкий». Видимо, по этой причине Шакур Рахимов и бросился спасать зятя, когда его поймали с краденой лошастью на казанском базаре. Зять мог проболтаться, и поэтому надо было его срочно вытаскивать. Что Шакур и осуществил при помощи помощника прокурора Низамутдинова.

В суде Низамутдинов не отрицал сам факт освобождения им Вафы Са-

дыкова, зятя Шакура, но очень возмущался, когда причиной этого освобождения указывали шелковое платье супруги помощника прокурора. По словам Низамутдинова, Садыков, психически ненормальный, буйствовал в тюрьме, а в больницу его не приняли, поэтому он и был освобожден.

«Почему об этом ничего не указано в постановлении об освобождении?» – интересуется прокурор.

«Технический недосмотр», – отвечает Низамутдинов.

Свидетельница Павлова, учительница, подтвердила, что Шакур показывал ей шелковую материю, и она ее ощупывала на кухне Низамутдинова.

Помощник прокурора Свяжского кантона Низамутдинов ранее работал народным судьей в этом же кантоне. И к нему для рассмотрения поступило уголовное дело по обвинению председателя Молькеевского волисполкома Барамышникова в превышении власти. По показаниям Барамышникова, судья сам приехал к нему домой. Сидя за столом и принимая хлебосольное угощение, Низамутдинов сказал будущему подсудимому: «В моей ты власти. Могу пять лет припать, могу одним выговором ограничиться».

Барамышников и члены его семьи со слезами на глазах стали просить Низамутдинова «судить легче». Низамутдинов посмеялся и в знак согласия протянул Барамышникову руку. После крепкого рукопожатия золотое обручальное кольцо с руки Барамышникова переключало в руку судьи. «Будет моё в знак нашей дружбы!» – изрек судья. Кто же станет возражать против дружбы с судьей? А что с делом-то? Да никак, оно просто исчезло, как будто его и не было. Низамутдинов в суде невразумительно объяснял, что дело он передал. Но сколько ни искали, это дело не нашли.

В заявлении на имя председателя комиссии Новикова от гражданина

деревни Б.Кушман Кушманской волости Свяжского кантона Тимиршина Давлетши мы узнаем, что бывший помощник прокурора по Свяжскому кантону Низамутдинов нахальным путем захватил для своей личной наживы и выгоды часть леса, приобретенного в интересах населения для устройства моста через реку Кушман. По этому поводу крестьяне неоднократно подавали жалобы, но ничего не добились. Тимиршин в заявлении писал, что Низамутдинов ранее имел один дом и одну лошадь, а сейчас у него три дома и 2–3 лошади, приобретенные посредничеством «шакурчины». В заявлении приводились и другие примеры злоупотреблений со стороны Низамутдинова.

В марте 1924 года по этому заявлению в отношении Низамутдинова проводилась проверка по признакам преступления, предусмотренного частью 1 статьи 105 УК РСФСР. Последний преподнес это как происки бывших кулаков. Свяжский кантком и исполком встали на защиту Низамутдинова и просили оставить его на работе. В результате уголовное дело на Низамутдинова 20 декабря 1924 года было прекращено за недостаточностью улик.

Гатауллин, в бытность его заведующим Свяжским кантонным земельном отделом, подписал договор о сдаче земли в количестве 100 десятин в аренду на 12 лет пяти гражданам. В числе этих граждан оказались отец Гатауллина, его дядя и один работник кантземотдела. Типичное распределение земли, оно существует и сегодня.

Договор не прошел заключение у консультанта, и был сразу внесен на рассмотрение Президиума Свяжского кантисполкома. Доклад сделал сам Гатауллин, но лишь в общих чертах, без деталей, и договор был утвержден. Впоследствии Наркомзем дал заклю-

чение о неправильности договора во всех отношениях.

Еще один эпизод из обвинения Гатауллина – в результате его действий стал инвалидом Ахмадеев. В 1920 году во время хлебной разверстки Гатауллин был уполномоченным по сбору хлеба. Вечером он на улице встретил группу людей, которые вели тихий подозрительный разговор. Он им крикнул: «Стой!». Шаги продолжались, и тогда Гатауллин выстрелил в воздух.

Потерпевший, который прибыл в суд, опираясь на клюшку, нарисовал совсем другую картину. Они с товарищами шли по улице, пели песни. Навстречу им попал пьяный Гатауллин. Он крикнул – «стой» и выстрелил в ногу Ахмадееву.

Гатауллин в суде сбивчиво объяснял, что в то время было неспокойно, со стороны крестьян были жалобы на воровство. Да и темно было в тот вечер, ничего не видно. Он не отрицал, что выстрелил, и пуля попала в ногу Ахмадеева, но утверждал, что это произошло случайно. По словам Гатауллина, это уголовное дело было прекращено в 1921 году по амнистии.

На беспартийной конференции гражданин Лебедев задал вопрос Бикчентаеву: «Можно ли местной администрации пьянствовать с бандитами», имея в виду дело конокрадов. Бикчентаев демонстративно ответил утвердительно.

Цивильский уездный комитет, также страдавший от деятельности банды Ш. Рахимова, ставил вопрос о совместной борьбе против конокрадов. 22 февраля 1924 года Свяжский кантонный комитет партии рассмотрел вопрос о решении бюро Цивильского уездного комитета партии от 5 января 1924 г. Из Цивильского уезда тогда написали, что органы власти Свяжского кантона не оказывают помощи в борьбе с конокрадством в с. Чутеево.

С гневным несогласием против этих обвинений выступили Бикчентаев, председатель кантисполкома, Низамудинов, помощник прокурора, и другие. Бикчентаев тогда авторитетно заявил, что в этом нет необходимости, мол, справимся сами.

В суде Бикчентаев утверждал, что с конокрадами не якшался, принимал меры к их поимке, предложив милиции установить за ними серьезное наблюдение. Бикчентаев также пояснял, что он понадеялся на старших партийных товарищей, себя он назвал «молодым политиканом».

Бикчентаева, в частности, обвиняли в том, что он тоже попользовался у конокрадов лошадью. Однажды у шурина Бикчентаева украли корову. Следы вели в Чутеево. Бикчентаев приехал в Чутеево и провел ревизию местного стада, но корову шурина не нашел. Вместо коровы Бикчентаев забрал у конокрадов лошадь. В суде же Бикчентаев утверждал, что купил эту лошадь на свои и шурина деньги.

По этому делу в тюрьме сидел и милиционер Симуков. Когда-то на его квартире с участием начальства случилась большая пьянка. Симуков из тюрьмы отправил жене записку и дал ей инструкцию – что говорить на допросе. Письмо перехватили. Из его содержания следовало, что тогда у одного самогонщика изъяли бочонок хмельного зелья. Бочонок раскупорили на квартире у милиционера Симукова и началась пьянка, в которой участвовал и Бикчентаев. В общем, как пел Высоцкий:

«Сначала пошли плясать в избе,

Потом дрались не по злобе,

И все хорошее в себе доистребили».

В завершение банкета Бикчентаев, как следовало из письма Симукова, стал стрелять в потолок...

В уголовном деле, в показаниях отдельных лиц (самого Шакура Рахимова, некоторых должностных лиц)

имеются отдельные подтверждения того, что Шакур Рахимов оказывал определенную помощь голодающим, в частности, бесплатно раздавал им муку. Подтверждали это и жители деревни Чутеево. Были отдельные случаи, когда Шакур Рахимов возвращал обратно украденных коней, когда их хозяева являлись в Чутеево.

Шакур Рахимов был горазд на шутки и в суде, в частности, заявил: «Начальники постоянно околачивались у меня, только Ленина и Троцкого не хватало!». Шутник, однако.

Первоначально Верховный суд объявил, что дело будет разбираться с 10-го сентября 1926 года. По различным причинам процесс откладывался. Тут еще трое активных членов банды совершили побег из тюрьмы. Это вызвало явное недовольство населения и, разумеется, не работало на авторитет судебных органов.

Суд над бандой конокрадов Шакура Рахимова шел под председательством Николая Михайловича Немцова, судьи уголовной коллегии Верховного суда РСФСР. Немцов Н.М. – соратник В.И.Ленина, один из активных участников революции 1905 года, очень эрудированный человек, прошедший аресты и ссылки. В 1937 году Н.М. Немцов выступил против необоснованных репрессий, в итоге был сам арестован и расстрелян.

Корреспондент газеты «Красная Татария» в своих судебных очерках несколько раз ошибочно называет Немцова Н.М. председателем Верховного суда, не называя уровень суда (Татарской республики или РСФСР).

Другой известный юрист, Григорий Константинович Рогинский, прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного Суда РСФСР, поддерживал по делу государственное обвинение. Рогинский был весьма подготовленным юристом, до этого принимал участие во многих громких судебных

процессах того времени, поддерживая государственное обвинение, в том числе и в политических процессах, был ближайшим соратником прокурора СССР Вышинского. Рогинский, в силу своего служебного положения, не мог остаться в стороне от массовых репрессий и был причастен к арестам и осуждению многих своих коллег. Судьба Рогинского похожа на судьбы многих других участников массового террора. В 1939 году, будучи заместителем прокурора СССР, он был арестован и осужден к 15 годам лишения свободы.

Суд начался 5 ноября 1926 года. На скамье подсудимых оказались 48 человек.

Прокурор вел процесс умело. Он активно задавал вопросы Шакуру Рахимову и его подручным, оглашал материалы уголовного дела. Защитниками в судебном процессе выступали известные адвокаты Бельский, Бекетов, Бабаджан, Ксенократова, Поздеев, Соркин, Ушаков.

Суд заслушал постановление общего собрания крестьян разных кантонов, собравшихся в Центральном Доме Крестьянина. Поступила и телеграмма от Цивильского уездного исполкома. В обоих обращениях было требование применить к бандитам расстрел.

По словам защитника Бельского, «большинство обвинений основано на сказках». По эпизодам о конокрадстве нет потерпевших, свидетелей. Основного избличителя Мирзу Хасанова он охарактеризовал как человека с запачканной репутацией.

Защитник Ушаков в судебном процессе заявил: «Советская власть настолько прочна, что грязная чутеевская кучка ни в коей мере ей угрожать не может».

В целом защитники говорили о небольшой социальной опасности подсудимых и считали для них доста-

точной изоляцию (то есть лишение свободы), но никак не расстрел.

Государственный обвинитель Рогинский в своем выступлении подчеркнул, что нельзя усматривать в шакуровщине только простую уголовщину. По его словам, перед судом предстала банда, действовавшая десятки лет, связанная дисциплиной, наводившая страх на окрестное население. Рогинский потребовал осудить виновных по ст. 76 Уголовного кодекса РСФСР.

Процесс шел 25 дней. Приговор был оглашен 2 декабря 1926 года. К расстрелу приговорили 16 человек. 17 декабря 1926 года (в день начала переписи населения по всему Советскому Союзу) приговор о расстреле был приведен в исполнение.

Из числа должностных лиц к расстрелу были приговорены председатель сельсовета Файзрахман Яرخанов, следователь Мухаммед Ишимов, секретарь сельсовета Хайретдин Амиров, судья Сабир Бикмурзин.

С учетом их роли, совершенных преступных действий, полагаю, что приговор в целом является справедливым. Следствие и суд добыли достаточно доказательств о совершении ими умышленных, целенаправленных действий в интересах банды. Конечно, сегодня за эти действия расстрел не дали бы, но такое было тогда время...

Были оправданы: судья Акмалетдин Иксанов, председатель волисполкома Барамышников.

Мирза Хасанов, основной свидетель обвинения, получил 3 года лишения свободы условно.

Бикчентаева суд приговорил к лишению свободы на один год с зачетом предварительного заключения и освободил из-под стражи.

Милиционеры Николай Онисько, Петр Симуков, Ярулла Габидуллин получили по одному году лишения свободы, с зачетом предварительного заключения, Онисько освободили.

Помощник прокурора Низамутдинов получил 4 года лишения свободы, с поражением в правах на 3 года.

Шафигулла Гатауллин, Филипп Тюльматов лишлись свободы на 5 лет.

Сагеев и Сайдашев получили по 8 лет лишения свободы.

17 человек были оправданы, 7 человек получили незначительные сроки, 6 человек получили от 5 до 8 лет лишения свободы¹¹.

Во время оглашения приговора один из преступников – Замалетдинов – разметал конвой, опрокинул стол прокурора и бросился в сторону судей. Работник милиции застрелил бандита. Оглашение приговора продолжилось...

В суде Шакур Рахимов обмолвился, что о своем деле хотел сообщить в Москву, Калинин. Может быть, и сообщил? По отдельным устным свидетельствам, после оглашения приговора русская сноха Шакура Рахимова Даша везла из Москвы документ об освобождении Шакура Рахимова и его близких, и якобы этот документ был подписан первым лицом НКВД. Однако потом последовал телефонный звонок с приказом: «срочно привести приговор в исполнение»¹².

Однако эта версия мне представляется не более чем слухом. Выйти на наркома НКВД РСФСР, находясь под стражей более года, Шакур Рахимов вряд ли смог бы. Да и нарком не рискнул бы отменить приговор Верховного суда РСФСР. Догадки, предположения, слухи...

Суд закончился, но его отголоски продолжались еще долго. Представитель Молькеевской волости Павлов на заседании Свияжской кантпарторганизации 22 декабря 1926 года заявил, что Верховный суд по отношению к Бикчентаеву и Гарифу Мазитову (конокраду) проявил мягкотелость.

В 1927 году был опубликован небольшой очерк С. Файзуллина и

Н. Бахти «Шакур-карак». Один из авторов очерка (Файзуллин), скорее всего, участвовал в судебном рассмотрении уголовного дела как общественный обвинитель. То есть он был хорошо осведомлен об обстоятельствах и деталях дела. В очерке подробно описана история, родословная Шакура Рахимова, дана оценка деятельности банды в целом, охарактеризованы отдельные участники банды. Даже проведен криминологический анализ такого преступления как конокрадство. По данным авторов, конокрадство особенно сильно развито у татар – 90% конокрадов в Татарстане были татарами. Преступная профессия конокрада передавалась по наследству. Конокрады гибли за лошадей – как до революции, так и после нередкими были случаи, когда пойманным конокрадам устраивали самосуд и забивали до смерти. Такой жестокой участи не избежали и отдельные представители рода Шакура Рахимова. Но и это не оттаивало конокрадов.

В 1927 году бывший председатель Свияжского кантисполкома Бикчентаев обратился к прокурору Татарской республики с заявлением о несогласии с книгой Файзуллина и Бахтиярова «Шакур-карак», которая была издана Госиздатом в январе 1927 года на татарском языке. Бикчентаев пишет, что в книге есть ряд неточностей, и лично он обрисован как укрыватель и единомышленник шайки конокрадов. С этим бывший председатель кантисполкома решительно не согласился, указав, что Верховный суд его осудил по ст. 107 УК РСФСР, а по остальным обвинениям реабилитировал. Бикчентаев требовал внесения уточнений в книгу, дать разъяснения в печати, привлечь редакторов книги к ответственности¹³. Его требования были отклонены.

7 мая 1927 года Президиум Областной контрольной Комиссии ВКП(б)

отклонил апелляцию исключительно из партии Бикчентаева. Напрасно он доказывал, что оправдан по суду. Выступавшие сошлись на том, что Бикчентаев был замешан в деле Шакурова, и партийное наказание является заслуженным.

Нельзя сказать, что Чутеевское дело было каким-то особым случаем. Оно было наиболее характерным и, как писали в одной из статей, прогремело на всю страну. Аналогичные дела были и в других районах.

Например, в том же 1926 году по Бугульминскому кантону Верховный суд осудил более 30 конокрадов и их пособников. Среди последних были председатель сельсовета, делопроизводитель отдела конского учета Бугульминского военкомата, начальник Абдуллинской районной милиции. Упоминается и следователь Бугульминской прокуратуры, который выпустил двух главарей шайки, уничтожил уголовное дело и сбежал с изъятыми у банды вещественными доказательствами – 500 червонцами золотом¹⁴.

По результатам расследования и осуждения конокрадов занялись и профилактикой – ввели дежурства агентов милиции, которые проверяли все конские карточки. В результате

конокрадство пошло на спад. Если в 1923–1924 г.г. было 512 случаев конокрадства, то в 1924–1925 г.г. – 327 случаев, а в 1925–1926 г.г. – 251 случай, т.е. оно снизилось в два раза. Раскрываемость конокрадства в 1925 году составила 42%, а в 1926 году – 80%¹⁵.

И еще одна мысль в завершение. Возможно, что именно из-за Свяжского дела в феврале 1926 года покинул свой пост нарком юстиции и прокурор республики Гимаз Богаутдинов. Ведь в преступлениях банды Шакура оказались замешанными работники органов юстиции и прокуратуры. Все они принимались на работу, перемещались по должности решением наркома юстиции. Более того, в показаниях, заявлениях отдельных участников тех событий (например, Николича) были утверждения, что нарком Богаутдинов покровительствовал указанным работникам юстиции Свяжского кантона, в частности, тому же Низамутдинову. Прямых подтверждений этого в нашем распоряжении не имеется. Но сам факт участия работников органов юстиции и прокуратуры в преступлениях банды Шакура Рахимова был уже достаточным основанием для отставки наркома юстиции и прокурора республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-128, опись 1, дело 126. Материалы о деятельности Наркомюста. 1921 г.

² Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 3, дело 12. НКЮ ТАССР. Постановления... 1932 г.

³ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком РКП(б). Фонд 15, опись 1, дело 1365. Материалы... 1925 г.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком РКП(б). Протоколы заседаний бюро... Фонд 15, опись 1, дело 1335. 1925 г.

⁵ ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 506. Свяжский кантком ВКП(б). Протоколы заседаний бюро... 1925–1926 г.г.

⁶ ЦГА ИПД РТ. Фонд Р-1220, опись 1, дело 507. Протоколы заседания бюро Свяжского канткома ВКП(б)... 1925–1926 гг.

⁷ ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 676. Переписка Уполномоченного ОКК по Свяжскому кантону. 1926 г.

⁸ ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 598 а. Список... 1920–1922 гг. Свяжский кантком РКП(б).

⁹ ЦГА ИПД РТ. Уполномоченный ОКК ВКП(б) по Свяжскому кантону. Фонд 1220, опись 1, дело 674. Выписки из протоколов... 1926 г.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-990, опись 1, дело 459. Наркомат РКИ. Материалы проверки Наркомюста ... 1925 г.

¹¹ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3870, опись 12, дела 5–40. 1925–1926 гг.

¹² Ильсия Шакурова. Шакур Рахимов – король конокрадов? // Газета «Первое сентября». – С. 35.

¹³ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком ВКП(б). Фонд 15, опись 2, дело 46. Переписка... 1926–1927 гг.

¹⁴ Шерстнев Илья. На рубеже. – Казань: Тат. кн. издательство, 1990. – С. 6–7.

¹⁵ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 139. Наркомюст ТАССР. Материалы о деятельности... 1926 г.

Аннотация

В статье рассказывается о причастности представителей органов власти, юстиции, прокуратуры к преступлениям известной банды конокрадов Шакура Рахимова.

Ключевые слова: конокрадство, банда Шакура Рахимова, история органов юстиции, прокуратуры.

Summary

The article describes the involvement of representatives of government authorities, Justice and Prosecution to the crimes of known Shakur Rakhimov's gang of horse thieves.

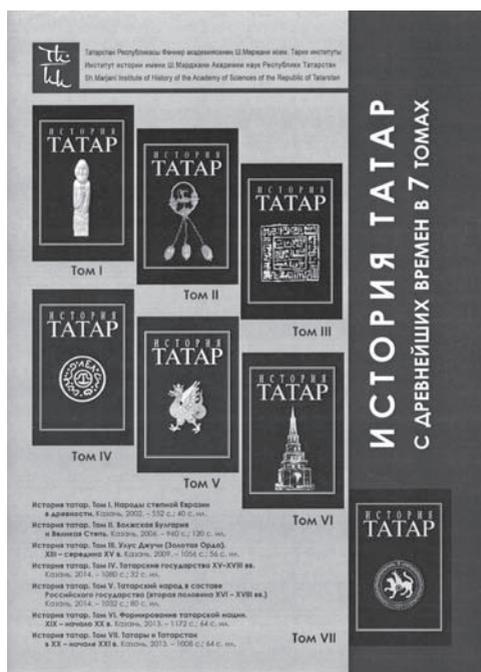
Keywords: horse-stealing, gang of Shakur Rakhimov, the history of Justice Authority and the Prosecutor's Office.

История татар. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. – 552 с.; Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. – 960 с.; Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. – 1056 с.; Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. – 1080 с.; Том V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань, 2014. – 1032 с. Том VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. Казань, 2013. – 1172 с.; Том VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. Казань, 2013. – 1008 с.

Вышла в свет семитомная «История татар с древнейших времен» (Казань: Институт истории АН РТ, созданная под эгидой и научно-методическим руководством Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ, при участии более 200 видных ученых, представляющих институты РАН, ведущие научные центры стран ближнего и дальнего зарубежья.

Начало письменной истории предков татарского народа можно вести от древнего кочевого народа хунну, с 220 года до н.э. по II век н.э. населявшего степи к северу от Китая. Во II веке н. э. в результате войн и внутренних конфликтов держава распалась. Хунну разделились на северную и южную ветви. Представители северной ветви, жившие между Волгой и Уралом, дали начало новому народу, который известен в мире под названием гунны.

В IV веке сформировалось мощное государство – Гуннский союз, которое вторглось в Европу, покорив многочисленные народы, и оказало историческое влияние на судьбы европейского континента. В правление знаменитого Атиллы (434–453 гг.) гуннское государство с центром в Паннонии (современная Венгрия) занимало территорию от Волги до Рейна.

Потомки гуннов – объединения тюркских племен в V веке образовали Тюркский каганат во главе с родом Ашина. В связи с образованием Тюркского каганата впервые в тюркских документах упоминаются татарские племена (в китайских источниках имя татар – та-та-[р] – появляется много раньше). Тюркский каганат, отличавшийся высоким развитием экономики, культуры и военного дела, покорил в V–VI веках китайские государства, заставил Иран выплачивать дань, совершил победоносные походы в Поволжье (557 г.), Византию, Крым и Западный Кавказ. Каганат контролировал Великий Шелковый путь на всем его протяжении. В конце VI века каганат ослабел и в 603 г. распался на Западно-тюркский и Восточно-тюркский каганаты.

Наследниками Западно-тюркского каганата стали болгарские племена, которые в VII веке создали в Причерноморье государство Великая Болгария. После ее падения в том же столетии возникло два родственных государства – Дунайская Болгария и

Волжско-Камская Болгария. Волжско-Камская Болгария объединила близкородственные тюркские племена и в X веке приняла ислам.

Таким образом, с III в. до н.э. по XII в. предки татар участвовали в создании ряда крупных государств, подготовивших возникновение в XIII веке Золотой Орды. Золотая Орда (Улус Джучи) возникла в 1224 году, когда Чингисхан разделил свои владения между сыновьями. Сын Джучи – Бату в 1236–1242 годах существенно расширил территорию улуса, основав свою ставку в городе Болгар. В 1312 г., при хане Узбеке, Золотая Орда приняла ислам в качестве государственной религии, но традиционная веротерпимость сохранилась. Это был период расцвета средневекового государства, раскинувшегося от Иртыша до Дуная, в состав которого входили на правах административных образований русские княжества, а также целый ряд стран Восточной Европы.

Золотая Орда считалась страной городов. Только по археологическим данным насчитывается более 110 крупных городских центров, имевших массовую жилую застройку, торговую и административную инфраструктуру, монументальные здания культового и гражданского предназначения. Золотая Орда была крупнейшим экономическим центром континента, контролировавшим все основные торговые пути средневековья в Среднюю Азию, Иран, Китай. Она являлась основным поставщиком хлеба и других товаров на рынки Европы через порты Причерноморья.

За три столетия своего существования великое государство сыграло определяющую роль в этногенезе татар, объединив, подобно «плавильному котлу» в одну этническую общность представителей различных тюркских народов, дав им общую материальную и духовную культуру, что привело к

принятию общего этнонима «татары». Язык и основы татарской культуры сформировались именно в период Золотой Орды. К середине XV века Золотая Орда в результате распрей и внутренних конфликтов трансформировалась в конгломерат государственных образований, получивших в русской историографии названия: Астраханское, Казанское, Крымское, Сибирское, Касимовское ханства. Большая и Ногайская орда.

Наследие Золотой Орды стало важнейшим фактором формирования Русского государства, ставшего его историческим преемником, продолжившего традиции ее государственно-административного устройства, организации военного дела, транспортного и почтового сообщения, торговых и дипломатических отношений. Представители основных правящих родов татарской державы органично влились в состав элиты и военно-служилого сословия России, которая во всем мире воспринималась как неразрывная тюрко-славянская общность.

В 1708 г. Петр I создал Казанскую губернию, которая охватывала все Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье. В XVIII–XIX веках у татар сформировались целые отрасли мануфактурной промышленности: кожевенной, мыловаренной, текстильной, бумажной, продукция которых пользовалась спросом на внутренних рынках России, а также Китае и Средней Азии. В XIX – начале XX века у татар возникло реформаторское движение – джадидизм. В этот период происходило масштабное формирование сети книгоиздательств, системы средств массовой информации, культурно-просветительских и благотворительных организаций. Феноменальным стал расцвет всех форм татарской культуры. Профессиональная литература, театр, музыка, изобразительное искусство пользовались

огромной популярностью не только у татарского населения, но и у всех мусульманских народов России. Время коренного переустройства переживала национальная школа. Религиозное реформаторство открыло для мусульманского сообщества новые пути для органичного приобщения татар к достижениям и ценностям европейской цивилизации.

Провозглашение в 1918 г. «Идель-Урал штата» стало первой попыткой создания национального государства. Создание в 1920 г. Татарской Автономной Советской Социалистической Республики стало важным шагом к национальному самоопределению, способствовало появлению феномена полиэтнического государственного образования в рамках РСФСР.

Татарстан внес выдающийся вклад в победу советской страны над фашизмом. Около 700 тысяч человек было призвано из Татарстана в ряды

действующей армии. Среди 11519 советских воинов, удостоенных Золотой Звезды Героя Советского Союза, татары занимают 4 место по численности после русских, украинцев и белорусов.

Провозглашение Декларации о государственном суверенитете в 1990 г., стало естественным продолжением процесса восстановления государственности, обозначенного Декретом об образовании ТАССР 1920 г.

Многолетняя успешная деятельность первого президента республики М.Ш.Шаймиева позволила представить мировой общественности реализованную на практике «Модель Татарстана» как пример уникального регионального государственного строительства в рамках Российской Федерации, эффективного взаимодействия с федеральным центром, продуманной экономической стратегии, социальной и межнациональной стабильности.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

2 июля 2015 г. Академию наук РТ посетила делегация Исламской Республики Иран во главе с вице-президентом республики по международным вопросам и обмену технологиями господином Али Мортазой Бирангой.

Делегацию принимали президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов, а также вице-президент АН РТ Айрат Абдуллин, главный ученый секретарь АН РТ Дания Загидуллина и другие. На встрече присутствовали представители научных институтов АН РТ, КНИТУ-КАИ, КГМА, Духовного управления мусульман РТ.

На встрече были обсуждены результаты совместной деятельности Академии наук РТ и ИРИ, выполнение соглашений и осуществление общих проектов.

Гости с удовлетворением отметили, что практически все пункты Меморандума 2011 года о взаимопонимании в области инновационного и технологического сотрудничества исполнены.

Далее стороны выразили готовность, в соответствии с взаимными переговорами, перейти к подписанию Меморандума о взаимопонимании между Академией наук Республики Татарстан и Администрацией вице-президента Ирана по науке и технологиям, целью которого является установление и расширение научно-технического сотрудничества во всех областях, связанных с наукой, технологиями и инновациями – всего, что может способствовать улучшению качества жизни народов Татарстана и Ирана. Это касается нано- и биотехнологий, ИКТ, усовершенствованных материалов, электроэнергии, нефти, газа, нефтехимии, химических материалов и сопутствующего оборудования, турбин, компрессоров, лазеров, оптики.

Также был рассмотрен вопрос создания в дальнейшем совместного координационного центра.

В заключение стороны отметили, что подписание Меморандума определяет направление дальнейшего сотрудничества между академиями наук РТ и ИРИ, которое станет своеобразным мостом между научными центрами республик.

* * *

2 июля 2015 г. в ТатНИИСХ состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Повышение эффективности АПК в современных условиях», посвященная 95-летию со дня основания института.

В Пленарном заседании конференции приняли участие М.Г. Ахметов – заместитель Премьер-министра, министр сельского хозяйства и продовольствия РТ; Т.Г. Хадеев – Депутат Госсовета РТ, председатель Комитета по экологии и природопользованию, д.с.-х.н.; М.П. Афанасьев – глава Лаишевского муниципального района РТ, к.б.н.; В.В. Хоменко – вице-президент Академии наук РТ, К.М. Салихов – академик РАН, академик Академии наук РТ; ведущие ученые КазНЦ РАН, АН РТ, КГАВМ, ВНИВИ, ТИПКА, ТатНИИХАП, руководители и специалисты сельского хозяйства.

Вице-президент Академии наук РТ Вадим Хоменко выступил с докладом о роли, современных проблемах и перспективах развития сельскохозяйственной науки в Республике Татарстан и обеспечении продовольственной безопасности страны и вручил Почетные грамоты Академии наук Республики Татарстан ведущим ученым института.

* * *

8 июля 2015 г. вице-президенты АН РТ Джавдет Сулейманов и Вадим Хоменко приняли участие в церемонии открытия IV Международного образовательного форума «Сэлэт», участниками которого стали победители республиканских предметных олимпиад, творческих конкурсов и спортивных соревнований со всех районов Татарстана, российских регионов, стран СНГ, Австралии, Германии, Канады, ОАЭ, США и Чехии.

В этот же день на базе молодежного движения «Сэлэт» на месте старого пионерлагеря на берегу реки Малый Черемшан открылся научно-образовательный центр «Фэнсар» с участием врио Президента РТ Рустама Минниханова, руководителя АП РТ Асгата Сафарова, министра по делам молодежи и спорту РТ Владимира Леонова, представителей министерств и ведомств республики.

* * *

14 июля 2015 г. вице-президент Академии наук РТ Вадим Хоменко принял участие в форуме «Малый и средний бизнес Татарстана в государственных закупках», посвященный участию малого, среднего предпринимательства (МСП), а также социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) в государственных, муниципальных и корпоративных закупках, который проводился с целью подготовки предложений по повышению роли закупок в развитии малого и среднего предпринимательства. Организаторами его были: Академия наук Республики Татарстан, Ассоциация предприятий малого и среднего бизнеса РТ, Ассоциация фермеров и крестьянских подворий РТ, Общественная Палата РТ и Торгово-промышленная Палата РТ.

Амбициозную задачу, которую необходимо решить к 2020 году, поставил перед собравшимися вице-президент Академии наук РТ Вадим Хоменко: «Повышение доли малого и среднего бизнеса в ВВП до 40–50% и увеличение числа рабочих мест в секторе в два раза, для решения которой необходима активная работа по трем направлениям: оптимизация работы малых и средних предприятий с учетом текущих экономических реалий; стабильный доступ МСП к госзаказу; консолидация всех мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса на федеральном уровне».

Отдельно он остановился на «дорожной карте» «Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к закупкам инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием», подготовленной Правительством российской Федерации.

«К сожалению, – отметил Вадим Хоменко, система закупок построена таким образом, что малому бизнесу крайне трудно принимать в них участие: за каждое участие в торгах необходимо вносить плату, которая не возвращается вне зависимости от исхода торгов, вводятся «надуманные» усложняющие ограничительные технологические условия. К тому же, предпринимателю сложно

разобраться с огромным количеством торговых площадок – для этого нужен отдельный специалист, что подразумевает дополнительные траты для небольшой компании».

Особое внимание он обратил на наиболее важные проблемы, сдерживающие развитие бизнеса в 2015 году, а именно: высокое налоговое бремя (41,3%); недоступность кредитов и иных источников финансирования (38,2%); административные барьеры, коррупция и криминал (22,8%). Учитывая все вышесказанное, в итоге в 2014 году: прямые закупки компаний у рыночных (неаффилированных) МСП составили порядка 290 млрд.руб., то есть около 2% от общей суммы контрактов.

Вице-президент считает, что в развитие «дорожной карты» необходима консолидация мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса на федеральном уровне в формате федеральной целевой программы с созданием объединенного финансового ресурса на базе действующих на сегодня отдельных программ Минэкономразвития, Минпромторга, Минсельхоза и Минобрнауки. Средства должны быть возвратными и идти исключительно на проектную поддержку: инвестиционные проекты по модернизации производства, закупку оборудования и инвестиции в обучение персонала предприятий.

В рамках форума были проведены «круглые столы», на которых обсуждалось немало острых вопросов. В заключение был сформирован своеобразный меморандум, который будет направлен в Госсовет РТ с целью создания законодательных инициатив.

* * *

18 августа 2015 г. в рамках III Республиканского форума социально ориентированных некоммерческих организаций в АН РТ состоялось заседание секции «Многосторонний диалог о будущем: вклад социально ориентированных некоммерческих организаций в реализацию «Стратегии-2030».

В пленарном заседании и работе семи секций по актуальным вопросам общественного развития участвовали более 900 представителей некоммерческих организаций, члены Общественной палаты РФ и РТ, общественных советов муниципальных образований, общественных советов при министерствах и ведомствах республики, представители органов государственной власти и местного самоуправления, бизнеса, научного сообщества, СМИ.

Участниками форума была отмечена возрастающая роль социально ориентированных НКО в решении важнейших вопросов социально-экономического, общественного развития республики.

Новыми направлениями этого сотрудничества стали совместная деятельность по повышению качества социальных услуг, общественный контроль за работой естественных монополий, защита прав отдельных категорий граждан.

Участники форума поддержали дальнейшее расширение полномочий Общественной палаты Республики Татарстан как важнейшего координирующего центра всего общественного движения. Была отмечена также необходимость дальнейшего повышения прозрачности деятельности НКО, публичности в реализации социальных проектов и предоставлении социальных услуг населению.

С докладом «Роль институтов гражданского общества в реализации «Стратегии-2030» выступил вице-президент Академии наук РТ Вадим Хоменко.

Также участники обратили внимание Академии наук РТ на необходимость повышения уровня научного сопровождения развития институтов гражданского общества и оказания содействия проведению социологических исследований по тематике НКО.

* * *

18 августа 2015 г. в Болгаре состоялось открытие второй Международной полевой археологической школы, которая собрала более 100 молодых исследователей из 25 стран. Цель встречи сформулирована как интеграция научных работ на основе внедрения в практику новейших методов изучения археологического наследия Евразии.

Организаторами выступили Институт археологии им. А.Халикова АН РТ и Казанский федеральный университет при поддержке фонда «Возрождение» и Болгарского музея-заповедника. Напомним, первая подобная школа в Болгаре прошла в 2014 году и собрала ученых из России, Беларуси, Казахстана, Украины.

Участникам нынешнего форума предстояло освоить междисциплинарные подходы к изучению исторического наследия на семи различных секциях. В качестве лекторов выступили более пятидесяти крупных российских и зарубежных ученых.

В церемонии открытия с приветственным словом к слушателям и преподавателям школы обратилась заместитель министра культуры Татарстана Светлана Персова. В свою очередь, директор Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ Рамиль Хайрутдинов отметил расширение географии участников форума, важность сотрудничества научных центров, а также подчеркнул необходимость ежегодного проведения школы.

От лица лекторов выступила директор Научно-исследовательского института и музея антропологии МГУ им. М.Ломоносова, член-корреспондент РАН Александра Бужилова. Она отметила высокий организационный уровень встреч на земле Татарстана и пожелала дальнейшего расширения состава участников.

Вице-президент Международного общества доисториков и протоисториков Ямей Хоу из Китая обратила внимание на приоритет российской школы в мировой науке по изучению древних орудий. Также с докладом выступил научный сотрудник Национального института превентивной археологии Франции Анаик Самзун.

Работа школы продлилась до 30 августа. В ее программе были конференция «Актуальные проблемы сохранения и изучения культурного наследия народов Евразии», лекции, методические занятия, круглые столы. Гости ознакомились с историческими памятниками, посетили Музей болгарской цивилизации, музей хлеба, Белую мечеть, другие достопримечательности.

* * *

30 августа 2015 г. Президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов принял участие в церемонии открытия XII Европейского конгресса по катализу EuroraCat, в котором приняли участие: врио Президента Р.Н.Минниханов, видные ученые, включая президента и вице-президента Европейской федерации каталитических сообществ, президента Азиатско-тихоокеанской ассоциации каталитических сообществ директора Института катализа

имени Г.К.Борескова Сибирского отделения РАН В.Н.Пармона, директора ИОФХ им. Арбузова О.Г.Синяшина и многих других.

Примечательно, что конгресс впервые проходит в России. Выбор Казани в качестве места проведения не был случаен. Столица Татарстана – город больших химических традиций, здесь сделали свои открытия известные Н.Н.Зинин, А.М.Зайцев, А.Е. и Б.А.Арбузовы, В.В.Марковников, А.М.Бутлеров.

В рамках открытия XII Европейского конгресса по катализу Казанский федеральный университет (КФУ) и Казанский национальный исследовательский технологический университет (КНИТУ) подписали меморандумы о сотрудничестве с компанией Haldor Topsoe A/S («Топсе»).

Меморандум подписали ректор КФУ Ильшат Гафуров, ректор КНИТУ Герман Дьяконов и исполнительный вице-президент компании «Топсе» Йеспер Нерлов.

* * *

2 сентября 2015 г. Президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов, вице-президент АН РТ Айрат Абдуллин, советники президиума: академик Ахмет Мазгаров и член-корреспондент Азат Зиятдинов приняли участие в пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Особенности разведки и разработки месторождений нетрадиционных углеводородов», которая проводилась в рамках Татарстанского нефтегазохимического форума-2015.

Врио Президента РТ Рустам Минниханов в своем выступлении отметил, что нефтяники Татарстана вплотную подошли к разработке месторождений сланцевой нефти. Впервые об этом было заявлено два года назад на Татарстанском нефтегазохимическом форуме, и с 2013 года компания «Татнефть» выполняет программу опытных работ по добыче сланцевой нефти. По оценке специалистов, ресурсы сланцевой нефти в Татарстане составляют более 1 млрд. т.

В 2013 году на баланс поставлены первые 30 млн. т запасов промышленных категорий, начата опытная добыча с использованием современных технологий.

Для решения научных и прикладных задач разработки месторождений трудноизвлекаемых и нетрадиционных углеводородов между Татарстаном и Министерством природных ресурсов и экологии РФ подписано соглашение о создании в республике двух научных полигонов.

«Мы рассматриваем сверхвязкую и сланцевую нефть в качестве двух основных ресурсов дальнейшего наращивания добычи нефти в Татарстане. Перед учеными-геологами и нефтяниками Татарстана стоит задача наработки опыта, технологий, которые позволят на ближайшие 30-50 лет быть конкурентоспособными при нашей сложной ресурсной базе», – подчеркнул Рустам Минниханов.

* * *

4 сентября 2015 г. в день работы Международной научно-практической конференции «Особенности разведки и разработки месторождений нетрадиционных углеводородов, которая проходила в рамках Татарстанского нефтегазохимического форума-2015, накануне Дня нефтяника вице-президент Вадим Хоменко дал интервью телеканалу «Эфир».

<http://www.youtube.com/watch?list=PLw0CNbVt8YUw3ak84yYLF11M7MgexNOjd&v=EtbY8SRzfNo>

* * *

8 сентября 2015 г. вышел в свет новый международный экспертно-аналитический журнал «GLOBAL-Turk», издаваемый Тюркской академией наук.

В первом номере журнала, который далее будет выходить один раз в два месяца, читатели могут познакомиться с материалами ученых Казахстана, Германии, Турции, Узбекистана, Азербайджана, касающимися истории, тюркологии, экономики, вопросов миграции и т.д.

Журнал состоит из следующих разделов: «Гуманитарные науки», «Международные отношения», «Социально-политические процессы», «Проблемы истории» и предполагает публикацию аналитических статей по вопросам социально-экономического развития тюркоязычных стран, а также гуманитарного сотрудничества между ними.

В предисловии к журналу говорится: «Мы надеемся внести свой посильный вклад в научную интеграцию тюркского пространства».

В составе редакционной коллегии – известные ученые и руководители международных организаций, стратегических центров из таких стран, как Казахстан, Турция, Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан, Япония, США и Россия.

Международная Тюркская академия приглашает ученых Татарстана к сотрудничеству. Материалы можно присылать в электронном виде по адресу: po@inbox.ru (Научно-организационный отдел АН РТ) с пометкой: для журнала Global-Turk.

Статьи принимаются на языках стран – членов Тюркского Совета, а также на русском и английском.

* * *

8 сентября 2015 г. 10 лет назад в целях сохранения, использования и популяризации археологического наследия Татарстана был создан Музей археологии Республики Татарстан.

На уникальной исторической территории республики и прилегающих к ней регионов за многие десятилетия археологических исследований были выявлены сотни памятников, которые дали бесценный материал для изучения прошлого Поволжья и Приуралья. Огромное количество артефактов, которые составили уникальные археологические коллекции, насчитывавшие к началу 2000-х гг. более 350 000 единиц хранения, требовали сохранения и систематизации. Серьезные структурные изменения, которые произошли в сфере историко-археологических исследований в республике, связанные с созданием в этот период Национального центра археологических исследований, активная научно-организационная деятельность руководства Центра позволили создать в его рамках новое подразделение – Музей археологии Республики Татарстан. В дальнейшем, с организацией самостоятельного Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана, деятельность Музея приобрела качественно новые, инновационные формы. В одном музейном собрании были сосредоточены все археологические коллекции, в работе с которыми стали применяться современные методики.

Деятельность Музея археологии в составе отраслевого академического института является его важной спецификой. В его работе на первый план выдвигается научное изучение археологических предметов и коллекций, а сам Музей

стал головным в Татарстане научно-методическим учреждением по учету, сохранению, реставрации и изучению археологических коллекций.

Важной частью Музея археологии РТ является его Научный фонд, в рамках которого осуществляется выявление, сбор, научное описание и систематизация письменных источников, полевых материалов по изучению археологических памятников. Результатом такой многоплановой работы стало создание «Путеводителя по Научному фонду Музея археологии РТ».

Сегодня активно ведется подготовка экспозиции Музея, которой проводится в тесном сотрудничестве с крупнейшими музейными центрами Республики Татарстан, России и зарубежных стран.

Первое десятилетие для Музея археологии РТ стало не только временем его организационного становления, создания современных программ и методик в археологическом музееведении, но и значительным шагом в сохранении и популяризации богатейшего историко-археологического наследия Татарстана.

* * *

10 сентября 2015 г. Президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов встретился с генеральным директором Международного научно-исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры ИРСИКА Халитом Эреном.

На встрече присутствовали также главный ученый секретарь АН РТ Дания Загидуллина, директор ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ Ким Миннуллин и другие.

В силу специфики своей деятельности, сказал Халит Эрен, Центр проявляет особый интерес к сохранению письменного культурного наследия и памятников духовной культуры татарского и других мусульманских народов Евразии. Далее он высоко оценил роль Академии наук Республики Татарстан, ее научных институтов, КФУ в становлении дружеских отношений между Казанью и ИРСИКА.

В свою очередь, президент АН РТ М. Салахов отметил наличие давних связей между Турцией и Татарстаном, координирующую роль нашей республики в отношениях между Российской Федерацией и исламскими и тюркскими странами, а также поддержку руководства Татарстана в проведении Академией наук совместных с Турцией мероприятий.

В ходе беседы были обсуждены вопросы проведения в РТ очередного Международного Конгресса исламской археологии и Международного симпозиума по исламской культуре в Волго-Уральском регионе.

* * *

14–19 сентября 2015 г. в г. Алуште состоялась XX международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы инновационного развития экономики», в которой принял участие с докладом вице-президент Академии наук РТ Вадим Хоменко. Организаторами конференции явились: Российская академия наук, Совет министров Республики Крым, Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь, Торгово-промышленная палата РФ, Торгово-промышленная палата Крыма, Международный Союз НИО, Белорусский научно-технический союз, Союз ученых Казахстана, Крымская академия наук, Союз научных и инженерных специалистов Крыма и др.

В ее работе приняли участие ученые и специалисты национальных академий наук, министерств и ведомств, областных администраций, инновационных предприятий, научных учреждений, высших учебных заведений.

В ходе конференции были рассмотрены вопросы стратегии и практики инновационного развития государств и регионов. Значительное место среди обсуждаемых вопросов было уделено проблемам инновационного развития Крыма как нового региона Российской Федерации. На пленарном заседании «Вопросы инновационного развития Крыма и его интеграции в евразийское технологическое пространство» был рассмотрен опыт Республики Татарстан, отдельных областей России по вопросу создания центров инновационного развития, инжиниринговых центров, практика вовлечения в хозяйственный оборот интеллектуальной собственности, а также возможности создания инновационной инфраструктуры в Крыму.

На заседании «круглого стола» «Шелковый путь инноваций XXI века» было рассмотрено предложение о создании Некоммерческого партнерства «Крымский центр инновационного развития и межрегионального сотрудничества», а также центра на базе Института природно-технических систем РАН».

В рамках конференции был подписан Меморандум о сотрудничестве в рамках Технологической программы «Устойчивое развитие Крыма», в котором приняли участие представители предприятий и организаций России, Беларуси, Казахстана, Израиля.

По итогам работы конференции была принята резолюция, одним из пунктов которой является обращение к Академии наук РТ о возможности открытия в Крыму филиалов инжиниринговых центров для содействия технологической модернизации и загрузки действующих предприятий Крыма и организации производства новой конкурентоспособной продукции в Крыму. Кроме того, в резолюции содержится обращение к КФУ об оказании содействия предприятиям Крыма в подготовке инженерных кадров для инновационной деятельности и возрождения промышленности в Крыму.

* * *

17–19 сентября 2015 г. в Академии наук РТ прошла Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TurkLang 2015».

Впервые подобная конференция была организована в Астане, затем в Стамбуле. В этом году в Казани встретились специалисты из Азербайджана, Казахстана, Китая, Турции, Чехии, Америки, Норвегии, а также различных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Симферополя, Йошкар-Олы, Чебоксар и других.

Конференцию открыл вице-президент АН РТ, председатель программного комитета конференции Джавдет Сулейманов. Он ознакомил участников с программой конференции и направлениями ее работы.

С приветственным словом к участникам обратился президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов.

«Тюркские народы, – сказал он, – расселены на огромном пространстве от Северного Ледовитого и Тихого океанов до Средиземного моря и Балкан. Все тюркские языки, кроме чувашского и якутского, считаются учеными взаимопонимаемыми. Это объясняется тем, что в прошлом тюркские народы представ-

ляли собой единый народ, затем группу географически и этнически близких народов, которые затем расселились на огромных пространствах Евразии.

Уже в доисторический период тюрки достигли довольно высокого уровня развития культуры. Об этом говорит то, что тюркский язык – один из самых богатейших языков мира. В этом плане ни один из европейских языков даже не может сравниться с ним.

В условиях глобализации и повсеместной информатизации любой естественный язык, для того чтобы выжить и развиваться, должен войти в компьютерные технологии как язык хранения, обработки и передачи информации, стать языком коммуникации в мировой компьютерной сети Интернет, – отметил он.

«Один умный человек сказал: «Знать иностранный язык – богатство, знать родной язык – счастье», каждому из вас я желаю счастья!», – сказал в своем приветствии председатель комитета Госсовета РТ по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Разиль Валеев.

С открытием конференции участников поздравили также гость из Турции Эшреф Адалы, проректор КФУ Данис Нургалиев и другие.

* * *

17 сентября 2015 г. в Академии наук РТ открылась фотовыставка «Хранить вечно: археологическое наследие из собрания Музея археологии Республики Татарстан».

Собрание музея является одним из значительных в Республике и одним из крупнейших в Поволжье, здесь собрано и хранится более 400 тыс. предметов. В нем представлены различные типы археологических памятников в широких хронологических рамках с древнейших времен до позднего средневековья.

* * *

18 сентября 2015 г. в БКЗ им. С. Сайдашева состоялась торжественная церемония вступления Рустама Минниханова в должность Президента Республики Татарстан.

«Клянусь верно служить народу Республики Татарстан, обеспечивать права и свободы граждан Республики Татарстан, соблюдать Конституцию Российской Федерации, Конституцию Республики Татарстан и законы Республики Татарстан, добросовестно выполнять возложенные на меня высокие обязанности президента Республики Татарстан», — сказал Р. Минниханов.

На инаугурации присутствовали также: Премьер-министр РТ Ильдар Халиков, Председатель Государственного Совета Татарстана Фарид Мухаметшин, полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе Михаил Бабич, министр экономики Турецкой Республики Нихат Зейбекджи и заместитель Председателя Правительства Казахстана Дарига Назарбаева, президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов и другие.

С официальным вступлением в должность Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова позддравил телеграммой Президент Российской Федерации Владимир Путин.

«Уважаемый Рустам Нургалиевич!

Поздравляю Вас с официальным вступлением в должность Президента Республики Татарстан. Вам предстоит серьезная и ответственная работа, направленная на комплексное развитие региона, его экономики и социальной сферы. И, конечно, в центре Вашего внимания должны быть вопросы повышения

качества жизни людей, эффективное решение тех проблем, которые волнуют граждан. Желаю успехов и всего самого доброго».

* * *

22 сентября 2015 г. в Академии наук РТ начала свою работу международная конференция «Modern Development of Magnetic Resonance-2015». Конференцию открыл один из лидеров мировой науки в области физики спиновой химии и магнитного резонанса академик РАН и АН РТ, председатель Международного комитета по присуждению премии им. Е.К. Завойского К.М. Салихов.

* * *

25 сентября 2015 г. Президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов приветствовал участников церемонии награждения международной премией им. Евгения Завойского, проходившей в г. Казани в 25-й раз.

В мероприятии приняли участие: заместитель Премьер-министра Республики Татарстан Василь Шайхразиев, проректор КФУ Дмитрий Таюрский, президент Российского общества ЭПР Елена Багрянская, секретарь Казанского комитета по присуждению премии Е.К. Завойского Л.В. Мосина.

«Даже если бы открытие парамагнитного резонанса произошло в другом регионе Российской Федерации, Татарстан имел бы все основания, чтобы претендовать на роль площадки для вручения высокой научной награды. В республике мощный научно-технический потенциал, развита промышленно-производственная база, а также зрелая общественная инфраструктура. По общему количеству научных организаций республика занимает одну из лидирующих позиций в масштабах России», – отметил в своем выступлении Василь Шайхразиев.

Заместитель Премьер-министра РТ добавил, что в составе научно-производственного комплекса региона сосуществуют все известные сегменты, и в настоящее время экспертными группами Татарстана разрабатывается перспективный сценарий развития науки: «На территории РТ возникнет несколько федеральных исследовательских центров. Они призваны отстаивать интересы нашей страны на передовых рубежах глобального научно-технического процесса. Вкупе с ведущими университетами они запустят процесс модернизации и реиндустриализации экономики Татарстана».

Также с целью непрерывного воспроизводства научных кадров республика реализует ряд инновационных образовательных инициатив, в том числе развертывание пилотной сети детских технопарков. Эти новые центры дополнительного образования детей позволят добиться успехов в деле популяризации научных знаний у детей.

Несмотря на сложности в экономике, как сообщил в своем выступлении Василь Шайхразиев, государство и бизнес нашли в 2015 году возможность для увеличения расходов на научные изыскания, выделив 300 миллионов долларов. По его словам, итоги интеграции науки и производства зависят от того, насколько экономическая среда восприимчива к новым знаниям и технологиям. Буквально несколько дней назад особая экономическая зона «Иннополис» приняла первых резидентов. Татарстан может превратиться в один из центров притяжения инвесторов со всего мира, и государство в условиях нынешнего рынка должно выступать одним из драйверов инновационного развития науки.

В этом году премии имени Завойского были удостоены российский ученый, профессор Вадим Ацаркин («За выдающийся вклад в развитие спиновой термодинамики и изучение явления динамической ядерной поляризации») и профессор Данте Гаттески из Италии («За выдающийся вклад в понимание природы мономолекулярных магнитов»). За итальянского ученого награду получил почетный консул Итальянской республики в России Джангуидо Бреддо.

«Для меня сегодня это просто потрясающая возможность передать приветы и поздравления от нашего посла, который недавно был гостем в вашем фантастическом городе. Я здесь часто бываю, и здесь просто замечательно. К сожалению, профессор Гаттески сегодня не с нами, потому что болеет, но, как только появится возможность, он будет здесь», – сказал Бреддо.

«Мне очень приятно получить премию именно в Казани. Здесь потрясающая научная школа, очень много моих друзей, с некоторыми знакомы более полувека. Казань – это столица парамагнитного резонанса в России», – поделился своими впечатлениями Вадим Ацаркин.

Подготовил пресс-секретарь АН РТ

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от техни-

ческой доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.

- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.

- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.

- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).

- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

- необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

- необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

- необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!